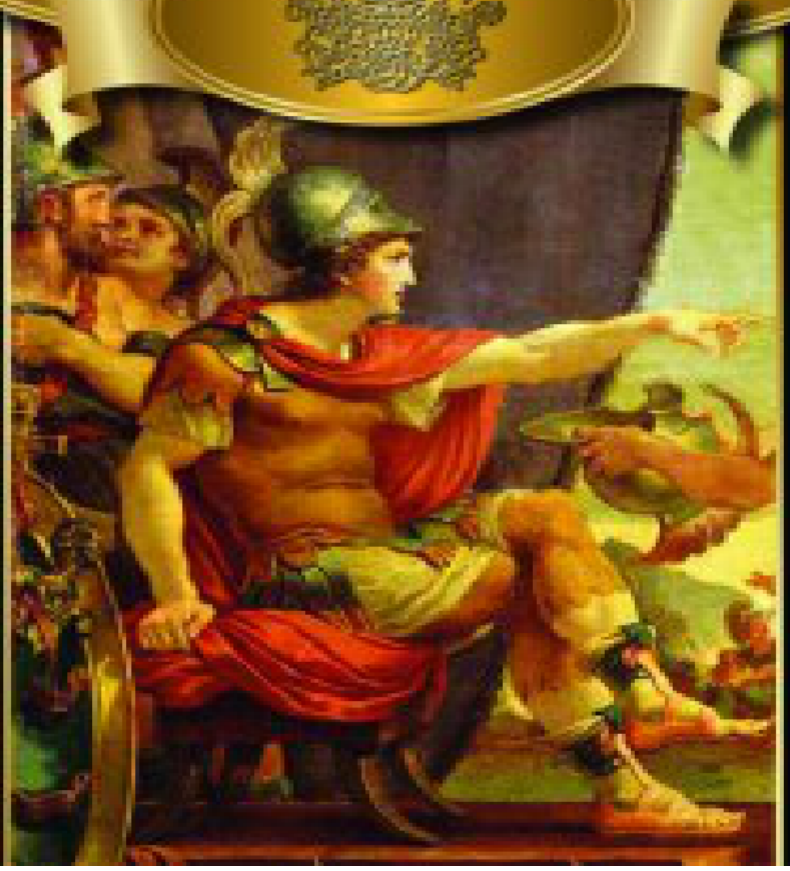
Г. Левицкий

Александр Македонский

Гениальный каприз судьбы



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги, специалист по древнегреческой и древнеримской истории, изучив и проанализировав труды древних историков, открывает перед современными читателями сокровищницу античной исторической литературы, но критически пересматривает устоявшееся мнение о полководческом гении и замечательном характере Александра. Личность Александра Македонского продолжает вызывать живой интерес и бурные споры. К нему на тысячелетия прикрепилось определение Великий, он давно и прочно занял свою нишу среди самых выдающихся представителей человечества, его имя до сих пор традиционно считается синонимом гениальности. Однако справедливо ли это?

- Геннадий Левицкий
  - Опасно быть богом
  - Глава 1. Рождение империи
    -
    - Филипп
    - Олимпиада
    - Горе побежденным
    - Александр в Азии
    - Гордиев узел
    - Скиталец Диоген
    - Киликийские врата
    - Битва при Иссе
  - Глава 2. Настоящая любовь
    -
    - Александр и женщины
    - Жертва Гераклу
    - Сладостные звуки
    - Вследствие лести
    - Гавгамелы
    - В столице разврата
    - Милость рыцаря
    - По воле распутницы
  - Глава 3. Слава непобедимого
    -
    - В поисках Дария
    - Неповиновение
    - Царица амазонок
    - Чужие нравы

- За казнью казнь
- Добыча в костре
- Строительная политика
- Согдиана
- Стычка со скифами

○ Глава 4. Гнев пьяного бога

-
- Страстное сближение
- Убийство друга
- Заговор пажей
- В стране сокровищ
- Предел мечтам
- Смертельный трюк
- Поединок

○ Глава 5. На закате

-
- Ужасы бедствий
- Силой страха
- Последние друзья
- Мистика в Вавилоне
- Гераклов кубок
- Ценный труп
- Наследники

Геннадий Левицкий
Александр Македонский. Гениальный каприз судьбы

Мы пишем не историю, а жизнеописание, и не всегда в самых славных деяниях бывает видна добродетель или порочность, но часто какой-нибудь ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов.

Плутарх. Александр

Опасно быть богом

Сомнения в гениальности Александра существовали и в древности. Еще Квинт Флавий Арриан (около 95 года — 2-я половина II века н. э.) заметил, что «нет вообще человека, о котором писали бы больше и противоречивее».

И все-таки уже третье тысячелетие, начиная с античных времен, Александр Македонский считается лучшим военачальником из всех известных, и ему поклоняются любители славы, подвигов и просто обыватели. Как же иначе? Все знают о блестящих победах македонян над персами при Гранике, Иссе и Гавгамелах. Могущественная Персидская держава рухнула под ударами Александра, будто карточный домик. Еще были Древний Египет, финикийский город Тир, столицы персидских царей: Вавилон, Сузы, Персеполь и Экбатаны. Это завоевано как бы мимоходом — македонский лев устремляется дальше. Ему

покоряются Бактрия и Согдиана, о существовании которых большинство македонян и понятия не имели. И вот он в Индии сражается со слонами царя Пора…

В начале II века до н. э. при дворе царя Антиоха встретились главные противники бесконечно долгой и жестокой 2-й Пунической войны — Сципион был в составе римского посольства, направленного в Сирию, а Ганнибал скрывался там от мести римлян. Между ними, по свидетельству Ливия, произошел весьма интересный разговор.

> При этом на вопрос, какой полководец, по мнению Ганнибала, выше всех, тот ответил: Александр Македонский, потому что он с малым войском разбил несчетные вражеские полчища и достиг таких краев, какие никто даже не надеялся увидеть.

Ну да, за 13 лет перевернуть весь мир и умереть в возрасте 33 лет — это поразительно! Все непонятное обрастает легендами, которые делают образ Александра еще более туманным. Александр добился своей главной цели: мечтал стать богом, и для многих стал им.

Так кто же он — непогрешимый стратег, бог или удачливый авантюрист, обласканный судьбой? По всему видно: безумец, возомнивший себя богом.

Любопытен текст Плутарха «О судьбе и доблести Александра», где древнегреческий автор описывает риторический спор Александра с Судьбой. «…Такова речь Судьбы, утверждающей, что ей, и только ей обязан Александр своими деяниями» — так начинается произведение Плутарха, поскольку самое начало текста безвозвратно потеряно, и мы можем лишь догадываться, в чем Судьба обвиняла Александра. До наших дней дошла та часть, где Александр отвечает на нападки Судьбы. Но ведь известно: кто оправдывается, тот виноват! По сути, Плутарх не защитил своего любимого Александра, а лишь посеял неверие в его способности военачальника.

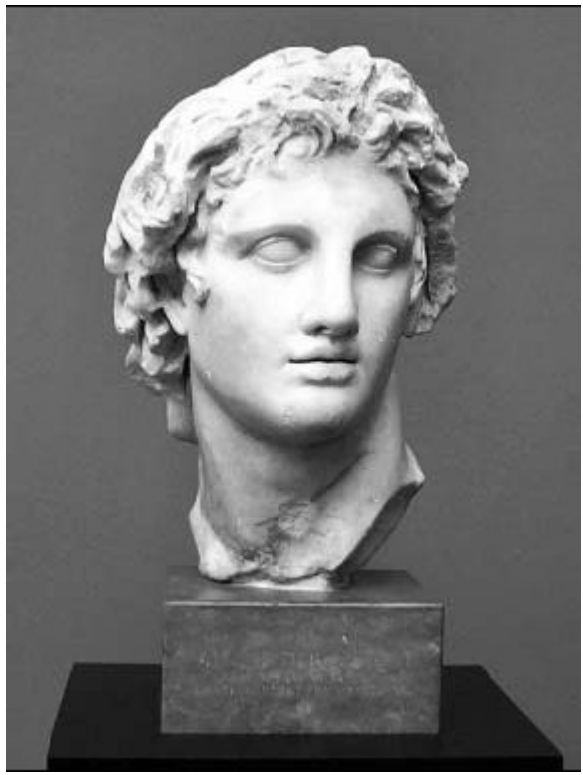
«Не порочь мою доблесть и не присваивай отнятую у меня славу, — требует от Судьбы возмущенный Александр. — … Прежде всего, в Иллирии я получил удар камнем в голову и булавой в шею; потом при Гранике был ранен варварским кинжалом в голову, а под Иссом мечом в бедро; при осаде Газы мне в лодыжку попала стрела и на плечо свалилась тяжелая глыба; у маракандийцев вражеская стрела повредила мне берцовую кость; затем плечо, у гандридов — в ногу; у маллийцев стрела вонзилась мне в грудь и оставила в ране железный

наконечник; там же мне нанесли удар булавой по шее, когда сломались лестницы, приставленные к стенам…»

Подробнее узнав о военных подвигах Александра, начинаешь удивляться: во-первых, зачем он сам лез во всякое пекло, карабкался по лестницам; во-вторых, как он дожил до возраста Христа?! Несмотря на многочисленные раны, огромное везение было у смелого македонского царя. Похоже, высшие силы хранили его жизнь до поры до времени, чтобы преподать человечеству урок. Он не пошел впрок: и дальше периодически появлялись амбициозные бесноватые правители, желавшие овладеть всем миром.

Г. Левицкий

Глава 1. Рождение империи



Македония досталась Филиппу в плачевном состоянии: в стране, истощенной внутренними усобицами и войнами с внешними врагами, царили нищета, хаос и страх. Об этом времени римский историк Юстин (жил во II–III веках) писал:

> С разных сторон множество народов одновременно, точно составив какой-то заговор против Македонии, пошли на нее войной.

Новый царь на удивление быстро разобрался с врагами, действуя больше хитростью, чем оружием. Обратимся за подробностями к Юстину.

> Так как Филипп не мог одновременно справиться со всеми, то он решил, что надо избавиться от них поодиночке: одних врагов он успокоил заключением с ними договора, от других откупился деньгами, а на более слабых напал и победой над ними ободрил своих павших духом воинов и заставил врагов изменить их

презрительное отношение к нему. Прежде всего, он сразился с афинянами, победил их при помощи военной хитрости и, хотя мог убить их всех, но, боясь навлечь на себя более грозную войну, отпустил их невредимыми и без выкупа. После этого Филипп перенес войну в Иллирию и истребил там многие тысячи врагов. Отсюда он внезапно напал на Фессалию, где ничуть не ожидали войны, причем напал не из жадности к добыче, а потому что страстно желал присоединить к своему войску мощную фессалийскую конницу… и создал единое непобедимое войско из пехотных и конных полков.

Филипп

И тот и другой слишком любили вино, но в опьянении их пороки проявлялись по-разному. У отца было в обыкновении прямо с пира бросаться на врага, схватываться с ним, безрассудно подвергаться опасности; Александр же в опьянении свирепствовал не против врагов, но против своих приближенных. Поэтому Филипп часто покидал бой, получив раны сам, а Александр нередко покидал пир, убив друга.

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога

Успехи воинственного Филиппа заставили ближайших соседей не только уважать его, но и стремиться связать себя с македонским домом родственными узами. Эпирскому (молосскому) царю Аррибе удалось устроить брак Филиппа со своей родственницей Олимпиадой. Счастливый Арриба, как сообщает Юстин, «рассчитывал, что благодаря свойству с Филиппом он увеличит свое государство, но этим самым Филиппом он был лишен своего собственного царства и состарился в изгнании». Самыми близкими родственниками и друзьями Филиппа были вовсе не люди, а собственные выгоды — они и руководили его поступками.

Зоркий Филипп заметил, что ситуация, в которой находилась Македония в начале его правления, характерна для всей Греции. Некогда могущественный союз развалился на множество маленьких государств, находящихся в состоянии непрерывной войны с единокровными соседями. Юстин пишет:

> Без удержу стремились они погубить друг друга и, только уже оказавшись под гнетом, поняли, что потери каждого в отдельности означали гибель для всех. Ибо македонский царь Филипп подстерегал их, как будто на дозорной башне, строил козни против их свободы, разжигая соперничество между государствами и приходя на помощь слабейшим; так он, в конце концов, поработил и побежденных, и победителей…

После битвы при Херонее в 338 году до н. э. древняя, славившаяся своей культурой и воинскими успехами Эллада превратилась в придаток еще недавно дикой и ничего из себя не представляющей Македонии. Очень интересно поведение Филиппа после судьбоносной битвы. Мудрый и коварный политик, — он бережно щадит чувства побежденных.

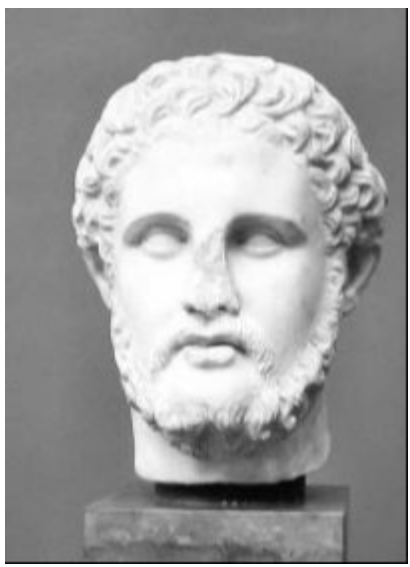
> Филипп весьма хитроумно затаил в душе радость по поводу этой победы. В этот день он даже не принес обычных в таких случаях жертв, не смеялся во время пира, не допустил во время трапезы никаких игр, не было ни венков, ни благовоний, и, насколько это зависело от него, он держал себя после победы так, что никто не чувствовал в нем победителя. Не царем Греции он велел называть себя, а ее вождем.

Чрезвычайно одаренная личность — Филипп поспевал везде и всюду. Хватало у него времени и на любовь к женщинам. Только жен у него было целых семь; кроме них, Филипп щедро дарил свои чувства флейтистке или танцовщице…

И еще об одной страсти македонского царя повествует Юстин:

> Александра, брата жены своей Олимпиады, красивого и чистого нравами юношу, Филипп вызвал в Македонию якобы по просьбе сестры. Всеми способами: то обещая юноше царскую корону, то притворяясь влюбленным, Филипп склонил юношу к преступной связи с ним. Филипп рассчитывал, что впоследствии Александр будет ему вполне покорным либо из чувства стыда, либо из чувства благодарности за (обещанное) благодеяние — царскую власть.

Любимец Филиппа получил корону Эпира. Впрочем, Олимпиаду — самую властолюбивую из жен македонского царя — мало волновали шалости мужа с ее собственным братом. Гораздо больше хлопот доставляли связи Филиппа с женщинами; и главным образом тем, что от них периодически рождались дети.



По этим изображениям, сохранившимся до нашего времени, мы можем представить, как выглядели сам Александр (верхний ряд) и его родители — Олимпиада и Филипп

Смерть Филиппа весьма таинственна, но, похоже, необузданная любвеобильность и свела его в могилу.

> Неприятности в царской семье, вызванные браками и любовными похождениями Филиппа, перешагнули за пределы женской половины его дома и стали влиять на положение дел в государстве, — делает вывод Плутарх. — Это порождало многочисленные жалобы и жестокие раздоры, которые усугублялись тяжестью нрава ревнивой и скорой на гнев Олимпиады, постоянно восстанавливавшей Александра против отца.

Плутарх рассказывает об одной из последних ссор царственных отца и сына.

Будучи в преклонном возрасте Филипп безумно влюбился в юную девушку Клеопатру; и коль она была знатного происхождения, царю пришлось жениться. В числе приглашенных на свадьбе был и Александр.

> Аттал, дядя невесты, опьянев во время пиршества, стал призывать македонян молить богов, чтобы у Филиппа и Клеопатры родился законный наследник престола. Взбешенный этим Александр вскричал: «Так что же, негодяй, я по-твоему незаконнорожденный, что ли?» — и швырнул в Аттала чашу. Филипп бросился на сына, обнажив меч, но, по счастью для обоих, гнев и вино сделали свое дело: царь споткнулся и упал. Александр, издеваясь над отцом, сказал: «Смотрите, люди! Этот человек, который собирается переправиться из Европы в Азию, растянулся, переправляясь от ложа к ложу». После этой пьяной ссоры Александр забрал Олимпиаду и, устроив ее жить в Эпире, сам поселился в Иллирии.

Следующее свадебное торжество стало для македонского царя последним событием в этой жизни. На этот раз Филипп выдавал свою дочь Клеопатру за Александра — царя Эпира.

Свадьба праздновалась с невероятной пышностью, и не было недостатка в великолепных зрелищах. Большой любитель развлечений, Филипп охотно их посещал; причем появлялся без телохранителей, в сопровождении двух Александров — зятя и сына. Послушаем Плутарха.

> Воспользовавшись этим, молодой человек из македонской знати, по имени Павсаний, ни в ком не возбуждавший подозрений, стал в узком проходе и заколол Филиппа, когда тот шел мимо него; так день веселья превратился в день погребальных рыданий;

Павсаний этот еще в ранней юности подвергся насилию со стороны Аттала, причем тот и без того позорный поступок сделал еще более гнусным: приведя Павсания на пир и напоив его допьяна неразбавленным вином, Аттал сделал его жертвой не только своей похоти, но предоставил его и остальным своим сотрапезникам, словно Павсаний был продажным распутником, так что Павсаний стал посмешищем в глазах своих сверстников. Тяжко оскорбленный, Павсаний несколько раз обращался с жалобами к Филиппу. Павсанию отводили глаза ложными обещаниями, да еще и подшучивали над ним, а врагу его дали почетную должность военачальника; поэтому он обратил свой гнев против Филиппа и, не будучи в состоянии отомстить обидчику, отомстил несправедливому судье.

Думали также, что Павсаний был подослан Олимпиадой, матерью Александра, да и сам Александр не был, по-видимому, не осведомлен о том, что замышляется убийство его отца, ибо Олимпиада не менее страдала от того, что ее отвергли и предпочли ей Клеопатру, чем Павсаний — от своего позора.

О причастности Александра к смерти отца говорит и Плутарх. Увы! Заводить много детей царям опасно. Тем не менее, по словам Плутарха, Александр разыскал и наказал участников заговора против отца; хотя непонятно, о каких заговорщиках шла речь, если древние авторы представляют убийство Филиппа местью обиженного Павсания. Впрочем, виновные всегда найдутся, особенно если следствие ведет царь.

Филипп умер в 47 лет, процарствовав 25 лет. От танцовщицы из Ларисы у него был сын Арридей, царствовавший после Александра. Было у него и еще много сыновей от разных браков, в которые он, как было в обычае у царей, вступал не раз; некоторые из этих сыновей умерли естественной, другие — насильственной смертью. — И в заключение Юстин рисует личностный портрет Филиппа. — Царь этот больше любил оружие, чем пиры, и самые огромные богатства были для него только средствами для войны; он более заботился о приобретении богатств, чем об их сохранении, поэтому, постоянно занимаясь грабежом, он постоянно нуждался.

К милосердию и к вероломству он был одинаково склонен. Любой прием, который вел к победе, не был постыдным в его глазах. В беседах был и льстив, и

коварен, на словах обещал больше, чем выполнял. Мастер и на серьезные дела, и на шутки. Друзей ценил по выгоде, а не по достоинству. Ненавидя, притворяться милостивым, сеять ненависть между двумя друзьями и при этом ладить с обоими вошло у него в привычку. Как оратор он был красноречив, изобретателен и остроумен; изощренность его речи сочеталась с легкостью, и сама эта легкость была изощренной.

Филипп не был лишен пороков и человеческих слабостей, но это был человек огромной воли, и в делах государственных властвовал его разум, а не чувства. Весьма ярко характеризует Филиппа один эпизод из его походной жизни, переданный Юстином. Дело было во время осады города Матоны. Филипп шел на штурм впереди своего войска, и вдруг стрела, пущенная со стены, пронзила ему правый глаз.

> От этой раны он не стал ни менее воинственным, ни более суровым по отношению к своим врагам; так что, когда он спустя некоторое время по просьбе врагов заключил с ними мир, он показал себя по отношению к побежденным не только умеренным, но даже милосердным.

Что ж, некоторые черты характера и поступки Филиппа довольно удивительны, но только с их помощью Филипп смог вытащить Македонию из небытия и передать Александру в виде набирающей обороты мировой державы. Столь же интересна сравнительная характеристика Филиппа и Александра в изложении Юстина.

> Филиппу наследовал сын его Александр, который и доблестями, и пороками превзошел отца. Способы у того и другого побеждать были различны: Александр вел войны открыто, Филипп пользовался военными хитростями. Филипп радовался, если ему удавалось обмануть врагов, Александр — если ему удавалось разбить их в открытом бою. Филипп был более благоразумен, Александр — великодушен. Отец умел скрывать гнев, а часто даже подавлять его; если же вспыхивал гневом Александр, то он мстил немедленно, не зная никакой меры в отмщении.
>
> И тот и другой слишком любили вино, но в опьянении их пороки проявлялись по-разному. У отца было в обыкновении прямо с пира бросаться на врага,

схватываться с ним, безрассудно подвергаться опасности; Александр же в опьянении свирепствовал не против врагов, но против своих приближенных. Поэтому Филипп часто покидал бой, получив раны сам, а Александр нередко покидал пир, убив друга.

Филипп меж друзей не хотел держаться по-царски, Александр же и с друзьями хотел быть царем. Отец хотел, чтоб его любили, сын — чтобы его боялись. Интерес к наукам был одинаков у обоих. У отца было больше изворотливости, у сына — прямоты. Филипп более умел сдерживаться в словах и речах, сын — в поступках. Сын охотнее щадил врагов и был благороднее душой. Отец был склонен к умеренности, сын — к роскоши. Благодаря этим своим чертам характера отец заложил основы мирового господства, а завершил это многославное дело сын.

Впрочем, когда мы более подробно познакомимся с деяниями Александра и его жизнью, в характеристику от Юстина придется внести некоторые коррективы.

Олимпиада

Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала!

Плутарх. Александр

Как мы заметили выше, молосская принцесса в результате недальновидной политики эпирского царя стала женой Филиппа. Впрочем, утверждает Плутарх, Филипп познакомился с Олимпиадой, «когда он сам был еще отроком, а она девочкой, потерявшей своих родителей». Филипп, влюбившись в нее, просил согласия на брак у брата Олимпиады, Ариббы. В любом случае, брак этот не принес счастья Филиппу, ибо его новая жена безумно любила только одну вещь на свете — власть. Олимпиада пыталась отнять часть ее у Филиппа, но натолкнулась на полное непонимание. И тогда она решила воплотить свои мечты в жизнь через сына.

Рождение Александра сопровождалось многими таинственными знамениями, так что даже бесстрашный Филипп не знал, радоваться ли этому событию, и к жене стал относиться с опаской. Достаточно сказать, что в ночь рождения Александра безумец Герострат сжег одно из семи чудес света — храм Артемиды Эфесской.

Читаем у Плутарха:

> По этому поводу Гегесий из Магнесии произнес остроту, от которой веет таким холодом, что он мог бы заморозить пламя пожара, уничтожившего храм. «Нет ничего удивительного, — сказал он, — в том, что храм Артемиды сгорел: ведь богиня была в это время занята, помогая Александру появиться на свет». (Артемида была покровительницей рожениц.) Находившиеся в Эфесе маги считали несчастье, приключившееся с храмом, предвестием новых бед; они бегали по городу, били себя по лицу и кричали, что этот день породил горе и великое бедствие для Азии.

Что ж, маги не зря суетились, потрясения придут в Азию, когда станет взрослым малыш, родившийся в ночь гибели знаменитого храма.

Александр отличался от окружающих, как и любой другой

человек, оказавший немалое влияние на ход мировой истории, будь то Чингисхан или Луций Корнелий Сулла. Описание сохранилось у Плутарха.

> Как сообщают, Александр был очень светлым, и белизна его кожи переходила местами в красноту, особенно на груди и на лице. Кожа Александра очень приятно пахла, а изо рта и от всего тела исходило благоухание, которое передавалось его одежде… Причиной этого, возможно, была температура его тела, горячего и огненного, ибо, как думает Теофраст, благовоние возникает в результате воздействия теплоты на влагу. Поэтому больше всего благовоний, и притом самых лучших, производят сухие и жаркие страны, ибо солнце удаляет с поверхности тел влагу, которая дает пищу гниению. Этой же теплотой тела, как кажется, порождалась у Александра и склонность к пьянству и вспыльчивость.
>
> Еще в детские годы обнаружилась его воздержанность: будучи во всем остальном неистовым и безудержным, он был равнодушен к телесным радостям и предавался им весьма умеренно; честолюбие же Александра приводило к тому, что его образ мыслей был не по возрасту серьезным и возвышенным. Он любил не всякую славу и искал ее не где попало, как это делал Филипп, подобно софисту хваставшийся своим красноречием и увековечивший победы своих колесниц в Олимпии изображениями на монетах. Однажды, когда приближенные спросили Александра, отличавшегося быстротой ног, не пожелает ли он состязаться в беге на Олимпийских играх, он ответил: «Да, если моими соперниками будут цари!»

Мудрый Филипп великолепно понимал то, что будет вызывать споры, изумление, непонимание последующие две с лишним тысячи лет, а именно — характер сына. В будущем он станет определять судьбоносные поступки Александра: и великие, и глупые, и кощунственно отвратительные, о которых сам Александр будет жалеть сотни раз. Однако сила, вырывающаяся изнутри, беспощадно уничтожала всех тех, кто вставал на его пути, тех, кто не смог понять странностей его натуры.

> Филипп видел, что Александр от природы упрям, а когда рассердится, то не уступает никакому насилию, но зато разумным словом его легко можно склонить к

принятию правильного решения; поэтому отец старался больше убеждать, чем приказывать.

Впрочем, даже Филипп не избежал яростных столкновений с собственным сыном; что было неудивительно, учитывая их родство и то, что оба не терпели над собой ничьей власти.

> Филипп не решался полностью доверить обучение и воспитание сына учителям музыки и других наук, входящих в круг общего образования, считая, что дело это чрезвычайно сложное…
>
> Поэтому царь призвал Аристотеля, самого знаменитого и ученого из греческих философов, и за обучение расплатился с ним прекрасным и достойным способом: Филипп восстановил им же самим разрушенный город Стагиру, откуда Аристотель был родом, и возвратил туда бежавших или находившихся в рабстве граждан.

И здесь проявился характер Александра; он желал, чтобы даже мысли гениального учителя принадлежали только ему. Когда Александр узнал, что Аристотель опубликовал некоторые свои книги, сделав собственные философские изыскания общедоступными, то написал ему письмо следующего содержания:

> Александр Аристотелю желает благополучия! Ты поступил неправильно, обнародовав учения, предназначенные только для устного преподавания. Чем же будем мы отличаться от остальных людей, если те самые учения, на которых мы были воспитаны, сделаются общим достоянием? Я хотел бы превосходить других не столько могуществом, сколько знаниями о высших предметах. Будь здоров.

Аристотель

Аристотель, прекрасно изучивший своего ученика, успокоил его честолюбие следующими словами:

> …Эти учения хотя и обнародованы, но вместе с тем как бы и не обнародованы. В самом деле, сочинение о природе было с самого начала предназначено для людей образованных и совсем не годится ни для преподавания, ни для самостоятельного изучения.

Плутарх утверждает, что любовь к врачеванию Александру тоже внушил Аристотель. Александр интересовался не столько отвлеченной стороной этой науки, сколько практической: он приходил на помощь заболевшим друзьям, назначая различные способы лечения и лечебный режим. Но больше медицинские познания Александра пригодились ему самому. За не очень долгую жизнь его тело претерпело столько ударов и ран, сколько не получал и десяток поседевших в боях ветеранов.

Как Александр относился к мудрому учителю?

> Александр сначала восхищался Аристотелем, и, по его собственным словам, любил учителя не меньше, чем отца, говоря, что Филиппу он обязан тем, что живет, а Аристотелю тем, что живет достойно.

И все же философия великого грека со временем стала чуждой Александру.

Впоследствии царь стал относиться к Аристотелю с подозрительностью, впрочем, не настолько большою, чтобы причинить ему какой-либо вред, но уже самое ослабление его любви и привязанности к философу было свидетельством отчуждения.

Удивляться здесь нечему: философией и любовью Александра станут меч и македонская фаланга.

И все же самое большое влияние на сына оказала мать. Она не учила его искусству, философии и прочим наукам — она учила его, как стать и быть царем. В том, что Александр стал таким, каким мы его знаем; в том, что он не канул в безвестность как тысячи других царей прочих народов, заслуга не философов и богов, а его матери — Олимпиады. Она научила сына любить власть и славу, бороться за них до последнего вздоха.

Совсем иного рода наставников, чем Филипп, определила сыну Олимпиада. Во главе многочисленных воспитателей стоял родственник царицы Леонид — «муж сурового нрава». «Дядькой же по положению и по званию» был Лисимах; «в этом человеке не было никакой утонченности» — так характеризует воспитателя Плутарх.

Команда Олимпиады растила неприхотливого воина-спартанца, жадного лишь к одной вещи на свете — славе. В отличие от аристотелевских, детские уроки Леонида Александр запомнил на всю жизнь. Впоследствии, покорив Персидскую державу, Александр раздавал новые владения направо и налево; царицей Карии он сделал Аду, потому что, как утверждает Плутарх, та напоминала ему мать Олимпиаду.

> В знак любви Ада ежедневно посылала ему изысканные яства и печения, а потом отправила к нему своих самых искусных поваров и пекарей. Царь велел передать Аде, что он не нуждается ни в ком и ни в чем подобном, так как его воспитатель Леонид дал ему лучших поваров: для завтрака — ночной переход, а для обеда — скудный завтрак.
>
> — Мой воспитатель, — сказал он, — имел обыкновение обшаривать мою постель и одежду, разыскивая, не спрятала ли мне туда мать какого-нибудь лакомства или чего-нибудь сверх положенного.

Александру было с кого брать пример. Властолюбие Олимпиады не знало границ; и даже находящуюся в опале у собственного мужа — враги боялись ее больше чем Филиппа. Когда в руки афинян попали гонцы Филиппа, они прочли все

послания «и только письма Олимпиады не вскрыли и нераспечатанными доставили противнику». Плутарх объясняет это человеколюбием афинян, но кто был знаком с изощренной местью коварнейшей женщины, вряд ли прикоснулся бы к ее письму.

Положение царицы не дало возможности Олимпиаде утолить свою любовь к власти. Филиппу нужны были женщины только для постели, но не для трона. И Олимпиаде ничего не осталось, как только заниматься сыном и передать ему свою нерастраченную любовь. Она добилась, что сын, еще не совершив ничего значительного, требовал отношения к себе как к богу. Это Олимпиада внушила ему, что он велик, и Александр искренне не понимал, почему люди этого не замечают.

В мальчике настолько рано проявилось непомерное честолюбие, что он не мог даже порадоваться за успехи отца. Плутарх свидетельствует:

> Всякий раз, как приходило известие, что Филипп завоевал какой-либо известный город или одержал славную победу, Александр мрачнел, слыша это, и говорил своим сверстникам:
>
> — Мальчики, отец успеет захватить все, так что мне вместе с вами не удастся совершить ничего великого и блестящего. Стремясь не к наслаждению и богатству, а к доблести и славе, Александр считал, что чем больше получит он от своего отца, тем меньше сможет сделать сам.

Занятый военными походами и многочисленными любовницами, Филипп редко виделся с сыном. И тот при каждой встрече не переставал удивлять отца — невозмутимого Филиппа, который сумел сохранить полное равнодушие на лице после победы над Грецией. Весьма примечателен случай с покупкой коня, который станет одной из самых больших привязанностей Александра в этом мире. Эту норовистую лошадь Александр будет любить больше всех женщин на свете; в честь нее будет основан город Букефалия.

> Фессалиец Филоник привел Филиппу Букефала, предлагая продать его за 13 талантов, и, чтобы испытать коня, его вывели на поле. Букефал оказался диким и неукротимым; никто из свиты Филиппа не мог заставить его слушаться своего голоса, никому не позволял он сесть на себя верхом и всякий раз взвивался на дыбы. Филипп рассердился и приказал увести Букефала,

считая, что объездить его невозможно. Тогда присутствовавший при этом Александр сказал:

— Какого коня теряют эти люди только потому, что по собственной трусости и неловкости не могут укротить его.

Филипп сперва промолчал, но когда Александр несколько раз с огорчением повторил эти слова, царь сказал:

— Ты упрекаешь старших, будто больше их смыслишь или лучше умеешь обращаться с конем.

— С этим, по крайней мере, я справляюсь лучше, чем кто-либо другой, — ответил Александр.

— А если не справишься, какое наказание понесешь ты за свою дерзость? — спросил Филипп.

— Клянусь Зевсом, — сказал Александр, — я заплачу то, что стоит конь!

Поднялся смех, а затем отец с сыном побились об заклад на сумму, равную цене коня. Александр сразу подбежал к лошади, схватил ее за узду и повернул мордой к солнцу: по-видимому, он заметил, что конь пугается, видя впереди себя колеблющуюся тень. Некоторое время Александр пробежал рядом с конем, поглаживая его рукой. Убедившись, что Букефал успокоился и дышит полной грудью, Александр сбросил с себя плащ и легким прыжком вскочил на коня. Сначала, слегка натянув поводья, он сдерживал Букефала, не нанося ему ударов и не дергая за узду. Когда же Александр увидел, что норов коня не грозит больше никакою бедой и что Букефал рвется вперед, он дал ему волю и даже стал понукать его громкими восклицаниями и ударами ноги. Филипп и его свита молчали, объятые тревогой, но когда Александр, по всем правилам повернув коня, возвратился к ним, гордый и ликующий, все разразились громкими криками. Отец, как говорят, даже прослезился от радости, поцеловал сошедшего с коня Александра и сказал:

— Ищи, сын мой, царство по себе, ибо Македония для тебя слишком мала!

Усмирение Букефала (Гравюра XVII века)

Филипп, несмотря на размолвки, любил сына, «так что даже радовался, когда македоняне называли Александра своим царем, а Филиппа полководцем». Дальновидный политик упрямо не хотел замечать, что становится помехой на пути сына, и жестоко поплатился за это. Все чаще Александр разрушает планы отца и ведет свою игру, несомненно, не без помощи матери. Олимпиада упорно вела сына к власти, не упуская ни малейшей мелочи, которая могла помочь либо помешать в достижении желанной цели.

Угрозу своим планам Олимпиада почувствовала, когда сатрап Карии, стремясь заключить союз с Филиппом, предложил свою дочь в жены его сыну Арридею. По утверждению Плутарха, «друзья и мать Александра стали клеветать на его отца, будто Филипп блестящей женитьбой и сильными связями хочет обеспечить Арридею царскую власть».

Обеспокоенный Александр ради власти был готов на все. Он послал к правителю Карии своего гонца и предложил «отвергнуть незаконнорожденного и к тому же слабоумного Арридея, а вместо этого породниться с Александром». Новый претендент в зятья сатрапу Карии понравился гораздо больше, но взбешенный Филипп прекратил всю эту свадебную возню.

Олимпиада строго ограждала трон Македонии от возможных конкурентов и берегла его для Александра. Вот только количество конкурентов росло с каждым годом: родила сына и последняя жена Филиппа — Клеопатра — та самая, на свадьбе с которой у Филиппа с сыном произошла серьезная размолвка. Для Александра перспектива занять македонский трон становилась все более неопределенной, с каждым прожитым годом желанная корона не только не приближалась, наоборот, становилась призрачнее. Выход был только один: избавиться от того, кто неутомимо производит наследников, не думая о последствиях. И Филипп, полный сил и энергии, погибает от кинжала убийцы.

Эта женщина умела мстить; смерти Филиппа, когда-то ее отвергнувшего, Олимпиаде показалось мало. Когда Олимпиада узнала об убийстве мужа, то немедленно поспешила на похороны под предлогом исполнения последнего долга и в ту же ночь возложила на голову Павсания, который висел на кресте, золотой венец. Оказалось, это было лишь началом сведения счетов с мертвым Филиппом. Как пишет Юстин, «спустя немного дней она сожгла снятый с креста труп убийцы над останками своего мужа и приказала насыпать холм на том же месте; она позаботилась и о том, чтобы ежегодно приносились умершему жертвы, согласно с верованиями народа». Таким образом, пришедшие поклониться праху Филиппа, невольно отдавали почести и его убийце. Наконец, она посвятила Аполлону меч, которым был заколот царь. По словам Юстина, все это она делала настолько открыто, как будто боялась, что преступление, совершенное ею, будет приписано не ей.

Плутарх сообщает, что слабоумие Арридея — соперника Александра — тоже дело рук Олимпиады:

> Арридей, сын Филиппа от распутницы Филинны, был слабоумным из-за телесного недуга. Недуг этот не был врожденным и возник не сам собой: рассказывают, что, когда Арридей был ребенком, у него проявлялись добрые и благородные наклонности, но потом Олимпиада при помощи всяческих зелий довела его до того, что он лишился рассудка.

С неслыханной жестокостью Олимпиада расправилась с Клеопатрой — той, что скрасила последние годы жизни Филиппа и родила ему сына. По свидетельству греческого историка Павсания, Олимпиада убила маленького сына Филиппа и Клеопатры, затем вместе с матерью приказала бросить в огромный медный котел, под которым был разложен огонь.

Даже Александр «очень возмущался тем, что Олимпиада в его

отсутствие жестоко расправилась с Клеопатрой». И все же царем он стал, и матери был благодарен всю оставшуюся жизнь.

Горе побежденным

Эллины безжалостно истребляли эллинов; родных убивали люди, близкие им по крови; одинаковость языка не меняла чувств.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека

После смерти коварного деятельного Филиппа ветер свободы вскружил головы его греческих подданных. Надеясь, что при молодом неопытном царе удастся вернуть то, что потеряли, один за другим начали восставать против македонского владычества свободолюбивые греческие полисы.

Филипп оставил Александру великолепную конницу, сильный флот и, главное, созданную им непобедимую македонскую фалангу: сплошную стену воинов, спаянных железной дисциплиной и состоявшую не из капризных наемников, а свободных пастухов и земледельцев. Важное наследие — македонская тактика боя, позволившая покорить практически все сопредельные территории, до которых дотянулся воинственный Филипп.

Идея завоевания Персидской державы тоже принадлежит Филиппу. Он же собрал для этой цели огромную силу. По словам Юстина, численность вспомогательных отрядов, которые обязана была поставить Греция, определялась в 200 тысяч пехотинцев и 15 тысяч всадников. «Сверх этого количества — македонское войско и отряды варваров из покоренных Македонией соседних племен». Собственно, поход начался незадолго до смерти Филиппа; в начале весны 336 года «он послал вперед в Азию, подвластную персам, трех полководцев: Пармениона, Аминту и Аттала».

Как только Александр принял царскую власть, он отправился в Пелопоннес, созвал собрание эллинов и обратился с просьбой вручить ему командование походом против персов. Такое право было предоставлено Филиппу, и Александр, едва успев оплакать отца, спешил получить в наследство не только его владения, но и намерения.

Юный Александр

Право на воплощение грандиозных замыслов Филиппа Александру пришлось завоевывать не только красноречием, которым он похвастаться, кстати, не мог. Вместо желанной Азии Александр отправился во Фракию усмирять иллирийцев и трибалов. Сын Филиппа впервые предстает перед нами в образе царя-полководца.

Война была нелегкой, потому что велась в горах, прекрасно знакомых восставшим, умело использовавшим рельеф родной местности. Мятежники заняли горную вершину, затащили на нее телеги и приготовились сбросить их на фалангу Александра, когда та появится в ущелье.

Александр с огорчением убедился, что иного пути для его войска нет.

> Он отдал гоплитам следующий приказ: когда телеги станут валиться на них, то пусть солдаты в тех местах, где дорога широка и можно разбить строй, разбегаются так, чтобы телеги падали в промежутки между людьми; если же раздвинуться нельзя, то пусть они падают на землю, прижавшись друг к другу и тесно сомкнув свои щиты: тогда телеги, несущиеся на них, вследствие быстрого движения, скорее всего, перепрыгнут через них и не причинят им вреда.

Так описывает Арриан бой с горными племенами. Весьма

сомнительно, что щиты могли служить хорошей защитой от тяжелых телег и огромных валунов, сбрасываемых с гор, но Арриан утверждает, что телеги «прокатившись по щитам, ни одного человека не убили». Победа досталась Александру.

Затем он переправился через Истр и достиг земель независимых кельтов. От них прибыли послы с мирными предложениями. Гордыня молодого македонского царя уже тогда шла впереди его. Арриан сообщает:

> Кельтов он еще спросил — чего в мире они больше всего боятся? Он надеялся, те скажут, что больше всего боятся они именно его. Ответ кельтов не соответствовал его надеждам. Жили они далеко от Александра, в местах непроходимых, видели, что ему не до них, и ответили, что боятся, как бы не упало на них небо. К Александру они отправили послов потому, что восхищаются им, но не из боязни или ради выгоды. Александр назвал их друзьями, заключил с ними союз и отослал обратно, заметив только, что кельты хвастуны.

Тем временем у Александра появились большие неприятности в Греции. Восстал влиятельнейший город Эллады — Фивы. Смелости мятежникам придали слухи, что молодой царь умер в Иллирии. Многие греческие города также собирались примкнуть к Фивам, если их смелое предприятие увенчается успехом.

Война с собственными подданными была чрезвычайно трудной и стоила Александру огромных жертв. Его полководец Пердикка во время штурма города «упал, пораженный стрелой. Его унесли в тяжелом состоянии в лагерь: поправился он с трудом». Фиванцы отбили штурм, при этом погиб начальник лучников, критянин Эврибот; и лишь когда Александр бросил на врагов плотную стену фаланги, ситуация изменилась в пользу македонян. При взятии города погибло более 500 македонян — гораздо больше, чем Александр будет терять в битвах с персами, которые принесут ему всемирную славу.

Диодор Сицилийский описывает последние часы Фив:

> Фиванцы, храня в душе любовь к свободе, настолько не дорожили жизнью, что при встрече с врагом схватывались с ним врукопашную, подставляя себя под удары. По взятии города ни один фиванец не попросил македонцев пощадить ему жизнь и не припал трусливо к коленям победителей.
>
> Эта доблесть не вызывала, однако, никакого

сострадания у врагов, и дня оказалось мало для их свирепой мести. По всему городу тащили детей и девушек, жалостно взывавших к матерям. Дома были ограблены, и все население города обращено в рабство.

Из уцелевших фиванцев одни, израненные и почти терявшие сознание, схватывались с врагами и умирали вместе с ними; другие, опираясь на обломок копья, встречали бежавших на них и в этом последнем бою предпочитали свободу спасению.

Множество людей было перебито, всюду по городу было полно трупов, и, однако, не нашлось никого, кто бы сжалился над судьбой обездоленных. Феспийцы, платеяне, орхоменцы и прочие из эллинов, враждебно настроенные к фиванцам, пошли в поход вместе с царем и, ворвавшись в город, выместили свою вражду на несчастных. Много жестокого страдания было в городе. Эллины безжалостно истребляли эллинов; родных убивали люди, близкие им по крови; одинаковость языка не меняла чувств.

Наконец всех застигла ночь, дома были разграблены; дети, женщины и старики, укрывшиеся в святилищах, жестоко выгнаны оттуда.

Взятие города, «первого тогда в Элладе по силе и воинской славе», Арриан объясняет «гневом божества за измену эллинам в Персидскую войну». Версия эта пришлась по душе Александру, и он сделал все, чтобы гнев божества был как можно более эффектным и запоминающимся. К несчастью для Фив, у них было много завистников и врагов. Фивы срыли до основания, всю землю, кроме священной, разделили между союзниками; детей, женщин и оставшихся в живых фиванцев продали в рабство.

Таким образом Александр удовлетворил низменные чувства некоторых греческих полисов и попутно решил еще одну проблему. Ужасная судьба Фив избавила Александра от многих противников в Греции, о чем мы узнаем, в частности, от Арриана.

Когда остальные эллины узнали о беде фиванцев, то аркадяне, которые выступили уже, чтобы помочь фиванцам, постановили казнить тех, кто поднял их на эту помощь. Элейцы вернули обратно своих изгнанников, так как они были друзьями Александру.

Этолийские племена отправили — каждое особо — посольства с мольбой о прощении: они, сообразуясь с известиями от фиванцев, тоже подняли восстание. Афиняне справляли великие мистерии, когда к ним

прямо после сражения прибыли люди из Фив. В ужасе они бросили мистерии и стали свозить свой скарб из хуторов в город.

Народное собрание, по предложению Демада, отправило к Александру посольство из 10 человек, которых выбрали из всех афинян, зная, что они особенно близки к Александру.

Они должны были передать ему следующее: народ афинский поздравляет его с благополучным возвращением от иллирийцев и трибалов (поздравление несколько запоздало) и радуется, что наказал фиванцев за их восстание.

Кто-то назовет первой жестокостью Александра во время восточного похода уничтожение финикийского города Тира — древнейшего центра мировой торговли. Но как назвать стертый с лица земли крупнейший греческий город Фивы, причем задолго до Тира? Надо сказать, Александр довольно часто будет проводить подобные устрашающие акции во время бесконечно долгой борьбы за власть над миром.

Кто-то скажет, что во время осады Тира проявились новые черты Александра, что он начал вести себя более деспотично. Увы! Деспотом Александр стал еще до того как получил царскую корону, а жестокость была непременной спутницей Александра, только со временем она казалась все более бессмысленной. Удачливый завоеватель становился все более безжалостным и своенравным, все чаще руководствовался он своей подозрительностью, но не разумной достаточностью; все менее он будет снисходителен к тем, кто посмеет ему возразить, либо усомнится в божественном его происхождении.

Наставником Александра был величайший философ Аристотель, но царь гораздо лучше усвоил уроки другого учителя — Олимпиады. Юстин говорит с заметным осуждением:

Прежде чем отправиться на войну с персами, Александр умертвил всех родственников своей мачехи, которых Филипп (в свое время) поставил во главе управления, выдвинув на самые высокие и почетные должности. Не пощадил он и собственных своих родных, которые казались ему способными царствовать, чтобы в Македонии, когда он будет далеко от нее, не было почвы для мятежей. Он увел с собой в качестве соратников всех наиболее одаренных царей-данников, оставив для охраны государства менее предприимчивых.

Александр в Азии

> *Он вел войско навстречу неприятельским копьям и стрелам на обрывистые скалы, усеянные пехотой и конницей врага, через реку, которая течением сносила коней и накрывала всадников с головой, и казалось, что им руководит не разум, а безрассудство, и что он действует, как безумец.*
>
> *Плутарх. Александр*

Численность войска, которое Александр смог выставить на восточную кампанию, катастрофически уменьшилась, если сравнивать с армией, что планировал переправить в Азию Филипп. По сведениям того же Юстина, в войске его было 32 тысячи пехотинцев, 4500 всадников, 182 корабля.

> Трудно сказать, что более удивительно: то ли, что он покорил мир со столь небольшим отрядом, или то, что он (имея так мало войск) отважился начать войну. Когда он набирал войско для столь опасной войны, он взял в него не сильных юношей, не людей цветущего возраста, а ветеранов, в большинстве своем уже отслуживших свой срок, сражавшихся еще под командой отца его и дядей, так что можно было подумать, что это не солдаты, а отборные учителя военного дела. Командные должности занимали исключительно люди не моложе шестидесяти лет, так что, если бы ты посмотрел на начальников лагерей, ты бы сказал, что перед тобой сенат какой-то древней республики. Поэтому в сражении никто не думал о бегстве, а всякий — о победе, каждый надеялся не на быстроту ног, а на силу рук.

Согласно Арриану численность армии Александра также явно не соответствовала величине его замыслов: «вел он с собой пеших, легковооруженных и лучников немногим больше 30 000, а всадников свыше 5000».

Полководец Александр

Плутарх сообщает дополнительные подробности:

> Средств на содержание войска у Александра было не более семидесяти талантов, продовольствия было только на тридцать дней, кроме того, царь задолжал двести талантов.

Впрочем, древние авторы не упомянули о главном: с войском была поистине безмерная энергия Александра и столь же огромное желание победить всех и завоевать все. Как оказалось — это немало.

Весной 334 года до н. э. Александр отправился к Геллеспонту, поручив управление Македонией и Грецией Антипатру. Больше Александр не появится на родине: маленькая Македония будет интересовать его только как источник живого материала, необходимого царю-авантюристу для покорения остального мира. Собственно, Александр и не собирался возвращаться в Македонию, о чем свидетельствует интересный рассказ Плутарха.

> Несмотря на то, что при выступлении Александр располагал столь немногим и был стеснен в средствах, царь прежде, чем взойти на корабль, разузнал об имущественном положении своих друзей и одного наделил поместьем, другого — деревней, третьего —

доходами с какого-нибудь поселения или гавани. Когда, наконец, почти все царское достояние было распределено и роздано, Пердикка спросил его:

— Что же, царь, оставляешь ты себе?

— Надежды! — ответил Александр.

— В таком случае, — сказал Пердикка, — и мы, выступающие вместе с тобой, хотим иметь в них долю.

Пердикка отказался от пожалованного ему имущества, и некоторые из друзей Александра последовали его примеру. Тем же, кто просил и принимал его благодеяния, Александр дарил охотно, и таким образом он роздал почти все, чем владел в Македонии.

С момента начала похода Александр стремится везде и всегда быть первым. Он сам правит адмиральским кораблем, он первым высаживается в Азии. Эта жажда первенства в данном случае не стоила никаких жертв Александру, но со временем она гипертрофируется в безумное маниакальное желание быть первым в любой опасности.

Грандиозное мероприятие Александра было только его войной, совершенно ненужной ни македонянам, ни грекам, хотя очередной претендент на мировое господство и пытался провозгласить благородную цель: месть персам за прежние войны с греками.

Между тем Александр отправился в поход, рассчитывая только на себя — таков вывод Арриана. И далее историк с восхищением подчеркивает, что «нет другого человека, который — один — совершил бы столько и таких дел; никого нельзя ни у эллинов, ни у варваров сравнить с ним по размерам и величию содеянного». Послушаем рассказ Арриана.

Итак, Александр вступил на земли, подвластные персам. Немногочисленность его войска вызвала лишь презрение у сатрапов Дария.

Один только родосец Мемнон на совете персидских военачальников предложил не вступать в сражение с Александром, ибо знал, что представляет собой македонская фаланга.

— Надо отступать, вытаптывать подножный корм конницей, жечь урожай и не щадить даже своих городов: Александр не сможет остаться в стране, где нет провианта, — советовал родосский наемник.

На это перс Арсит, правитель Фригии, ответил, что не

допустит, чтобы у его подданных сгорел хоть один дом.

Александр был столь же опрометчив, как и его враги. Казалось, военачальники противостоявших армий состязались в проявлении гордыни и пренебрежения друг к другу.

Александр подошел к реке Граник, ведя за собой войско, построенное двойной фалангой, прикрытое всадниками с обоих флангов. В это время разведка донесла, что за Граником стоит огромное готовое к бою войско персов. Старый военачальник Парменион предложил Александру вполне разумные действия:

— Мне представляется, царь, что хорошо было бы в данной обстановке стать нам лагерем на этом берегу реки. Я не думаю, чтобы враг, у которого пехота значительно уступает нашей, осмелился расположиться вблизи нас; тем самым он даст нашему войску возможность легко переправиться на рассвете. И мы перейдем раньше, чем они успеют построиться. Теперь же опасно приступать к этому делу: нельзя ведь вести войско через реку вытянутым строем: видно, как тут много глубоких мест, а сами берега, — ты видишь, как они высоки и обрывисты. Если же воины станут переходить в беспорядке или колонной — в этом положении они всего слабее, — то на них нападет выстроившаяся конница врага. Первая же неудача будет тяжела и для нашего положения сейчас, и сделает сомнительным исход всей войны.

— Я знаю это, Парменион, — ответил Александр, — но мне стыдно, что я без труда перешел Геллеспонт, а этот крохотный ручей (так уничижительно назвал он Граник) помешает нам переправиться сейчас же, как мы есть. Я переправлюсь: этого требует и слава македонцев, и мое пренебрежение к опасности. Да и персы воспрянут духом, сочтя себя достойными противниками македонцев, так как ничего сейчас от македонцев они не увидели такого, что оправдывало бы страх перед нами.

Командовали войском во время битвы македонские военачальники. Все их имена есть в источниках, но мы обратим внимание лишь на представителей одного семейства. Левым крылом македонян командовал Парменион — старый полководец, прославившийся еще во времена Филиппа. Во главе правого крыла стоял сын Пармениона — Филота, и с ним всадники, лучники, агрианы-дротометатели. Никанор, другой сын Пармениона, возглавлял щитоносцев.

А что же Александр? Казалось бы, его заслуга в победе при Гранике была не больше заслуг обычного всадника, но (следует отдать должное) чрезвычайно храброго и безрассудного в опасности. Впрочем, если роль Александра как военачальника была ничтожна, то личный его пример значил многое. Он сражался впереди собственного войска и сделал все, чтобы быть

заметным и для македонян, и для врагов.

У персов было огромное превосходство в коннице: около 20 тысяч против 5 тысяч всадников македонян. Именно коннице предстояло начать сражение при переправе через Граник. Арриан сообщает, что персы на своем левом крыле выстроили по берегу конные отряды против того места, где они увидели Александра (его легко было заметить и по великолепному вооружению, и по робкой почтительности окружавших). Александра нисколько не смутило ни численное преимущество противника, ни то, что придется начинать бой, поднимаясь на крутой, занятый врагами берег Граника. Царь вскочил на коня и приказал «следовать за ним и вести себя доблестно».

> Он вел войско навстречу неприятельским копьям и стрелам на обрывистые скалы, усеянные пехотой и конницей врага, через реку, которая течением сносила коней и накрывала всадников с головой, и казалось, что им руководит не разум, а безрассудство и что он действует, как безумец.

Таково впечатление Плутарха от действительно безумной затеи Александра. Македонская разведка, пытавшаяся выйти на противоположный берег, была изрублена. Арриан добавляет:

> Кроме тех, кому удалось повернуть к Александру, который уже приближался, ведя за собой правое крыло. Он первый бросился на персов, устремившись туда, где сбилась вся их конница и стояли их военачальники. Вокруг него завязалась жестокая битва, и в это время полки македонцев, один за другим, уже без труда перешли реку. Сражение было конное, но оно больше походило на сражение пехоты. Конь бросался на коня; человек схватывался с человеком; македонцы стремились оттеснить персов совсем от берега и прогнать их на равнину, персы — помешать им выйти и столкнуть обратно в реку. Тут и обнаружилось превосходство Александровых воинов; они были не только сильнее и опытнее, но и были вооружены не дротиками, а тяжелыми копьями с древками из кизила.

Победой при Гранике Александр был обязан покойному отцу, Филиппу, — именно он создал лучшее в мире войско из толп македонских пастухов и землепашцев, именно ветераны Филиппа и сражались в этой битве. Сражением руководили македонские военачальники, а их царь, словно бродячий средневековый

рыцарь, совершал подвиг за подвигом, каждое мгновение при этом рискуя собственной жизнью.

Арриан описывает Александра в битве:

> В этой битве у Александра сломалось копье; он попросил другое у Ареты, царского стремянного, но и у того в жаркой схватке копье сломалось, и он лихо дрался оставшейся половинкой. Показав ее Александру, он попросил его обратиться к другому. Демарат, коринфянин, один из «друзей», отдал ему свое копье. Александр взял его; увидев, что Мифридат, Дариев зять, выехал далеко вперед, ведя за собой всадников, образовавших как бы клин, он сам вынесся вперед и, ударив Мифридата копьем в лицо, сбросил его на землю. В это мгновение на Александра кинулся Ресак и ударил его по голове кинжалом. Он разрубил шлем, но шлем задержал удар. Александр сбросил и его на землю, копьем поразив его в грудь и пробив панцирь. Спифридат уже замахнулся сзади на Александра кинжалом, но Клит, сын Дропида, опередил его и отсек ему от самого плеча руку вместе с кинжалом. Тем временем всадники, все время переправлявшиеся, как кому приходилось, через реку, стали прибывать к Александру.

Мужеству и бесстрашию покровительствуют боги: македоняне обратили персов в бегство. Погибло около тысячи персидских всадников. Продолжали оставаться на месте лишь наемники-чужеземцы, но «не по здравому размышлению, а скорее от ужаса перед неожиданностью». Македоняне довольно скоро перебили большинство их, за исключением разве что тех, «кто спрятался среди трупов»; в плен было взято около двух тысяч наемников.

Арсит, бывший инициатором немедленной битвы с Александром, бежал во Фригию и там «покончил с собой, потому что персы считали его виновником поражения».

Потери македонян были гораздо скромнее. Расхожее мнение, что наступающая сторона несет большие потери, нежели обороняющаяся, — не соответствует действительности. Побеждает в битве то войско, которому не изменило мужество, которое в совершенстве владеет тактикой боя и сохраняет строй в любой ситуации, при любом численном превосходстве противника. Столь же успешно Цезарь будет бить в Галлии армии воинственных кельтов, на порядок превосходившие по численности его непобедимые легионы. Как правило, из битв римляне выходили с ничтожными потерями. В нашем случае

мужество Александра отбросило персов от реки и позволило детищу Филиппа — македонской фаланге — без особого труда опрокинуть противника.

Александр достойно позаботился о павших воинах, — не рассчитывая превзойти армии врагов числом, он сделал ставку на героизм и всяческим образом его поощрял. Арриан сообщает:

> У македонцев пало 25 «друзей», погибших в первой схватке. Медные статуи их стояли в Дии; сделал их по приказу Александра Лисипп, который делал и его статуи: только его считали достойным этой работы. Остальных всадников пало больше 60, а пехотинцев около 30. Их Александр похоронил на следующий день с оружием и почестями; с родителей и детей снял поземельные, имущественные и прочие налоги и освободил от обязательных работ. О раненых он всячески позаботился, сам обошел всех, осмотрел раны; расспросил, как кто был ранен, и каждому дал возможность и рассказать о том, что он сделал, и похвастаться. И персидских военачальников он похоронил; похоронил и эллинов-наемников, которые пали, сражаясь заодно с его врагами. Тех же, кого взял в плен, он заковал в кандалы и отправил в Македонию на работу, ибо они, эллины, пошли наперекор общему решению эллинов и сражались за варваров против Эллады.

Гордиев узел

Все же лучше умереть от преступления другого (человека), чем от собственного страха.

Руф Квинт Курций. История Александра Македонского

После битвы при Гранике Александр с легкостью овладел многими азиатскими городами. Среди прочих власть македонского царя признал Эфес. Царь лично прибыл в этот город и позаботился о его государственном устройстве. Здесь Александр предстает перед нами как справедливый реформатор, принесший в Азию свободу — он вернул в город тех, кого изгнали за расположение к нему, уничтожил олигархию и восстановил демократию. Народ Эфеса, избавившись от страха перед олигархами, бросился убивать прежних властителей. Несколько человек вытащили из святилища и побили камнями. Что касается остальных, то, по свидетельству Арриана, Александр запретил их разыскивать и наказывать — ведь народ, если ему позволить, убьет не только виновных, но и невинных: по злобе или грабежа ради. А потому, удовлетворенно замечает Арриан, доброй славы заслуживает Александр за свое поведение в Эфесе.

Однако великий поход продолжался, и в Александре происходили перемены. Это обычное явление: как заметил китайский философ Конфуций, все люди меняются в процессе жизни — только самый великий мудрец и последний глупец никогда не меняются. Но изменения не всегда носят положительный характер. Очень скоро Александр будет походить на человека, против которого яростно боролся сам, кого мечтал победить, то есть на восточного деспота Дария.

Александр еще мог после Граника реально оценивать свои силы и возможности, несмотря на то, что имел своей целью захватить весь мир. Парменион предлагал ему вступить в битву с персидским флотом и даже сам выразил желание взойти на корабль и принять участие в сражении.

Хотя знамения предрекали морскую победу македонянам, Александр не принял совет Пармениона. По Арриану, Александр решил, что было бы глупо, если бы его маленький флот вступил в сражение с большим флотом, и его неопытные моряки пытались бы одолеть искусных в морском деле киприотов и финикийцев.

Решение вроде бы разумное, если учесть, что Александр

обладал непобедимой на суше македонской фалангой. Впрочем, скоро будет вызывать удивление, почему Александр мог вступить в битву и отказался от нее. Пройдет немного времени, и он перестанет рассуждать о целесообразности той или иной битвы, штурма какого-то города, случайно оказавшегося на пути…

Пока еще Александр не утратил способности мыслить разумно и даже «решил распустить свой флот: у него на ту пору не хватало денег, и он видел, что его флоту не сладить с персидским, а рисковать хотя бы одной частью своего войска он не хотел». Между тем, когда прочтешь дальнейшую историю похода Александра, напрашивается другое объяснение: Александр не мог одновременно побеждать на суше и на море, а он хотел быть первым везде; морская победа Пармениона не была бы победой Александра. И очень удивительно, что состарившийся в битвах Парменион, считавшийся лучшим полководцем Филиппа, мог предложить морскую битву, если бы она была бессмысленной и заведомо проигрышной.

Александр пытается быть великодушным в отношении побежденных врагов. Так, македоняне взяли штурмом город Милет, отказавшийся им подчиниться. Часть защитников города бросилась в море и на перевернутых щитах доплыла до небольшого островка.

> Александр, завладев городом, сам пошел к острову, где сидели беглецы; он распорядился поставить на носу каждой триеры лестницы, чтобы взобраться с кораблей, как на стену, на отвесные берега острова. Когда он увидел на острове людей, готовых стоять насмерть, его охватила жалость к этим людям, обнаружившим такое благородство и верность. Он предложил им мир на условии, что они пойдут к нему на службу. Были это наемники-эллины, числом до 300. Милетян же, которые уцелели, он отпустил и даровал им свободу.

Доброта Александра закончилась довольно скоро: следующий крупный город — Галикарнас — оказал ему серьезное сопротивление, и немало македонских воинов нашло смерть под его стенами. Александр приказал сравнять город с землей.

Пользуясь тем, что Дарий был занят сборами войска для борьбы с ним, Александр, словно путешественник, бродил по его владениям. Казалось, Александр совершает непростительную глупость, что не преследует врага, ошеломленного и повергнутого в уныние битвой при Гранике. Однако Плутарх заметил: даже в детстве «он любил не всякую славу и искал ее не где попало». Александру нужны грандиозные небывалые победы,

и ресурсы Персидского царства еще способны выставить силы, разбив которые, он обретет невиданную славу.

Надо только подождать… А пока… Он достиг Фригии и вступил в город Гордий. Здесь он держал в бой с древним суеверием и вышел победителем весьма простым способом.

В храме Юпитера стояла ничем не примечательная по своему убранству колесница, которая являлась одной из самых почитаемых реликвий в тех краях. По преданию, на ней ездил Гордий — отец царя Мидаса, прекратившего кровопролитную междоусобицу во Фригии. Но даже не тем была знаменита колесница; «примечательным было ярмо, стянутое многочисленными узлами, спутанными между собой и скрывающими связи». Узел, согласно Арриану, был завязан из лыка дикой вишни, и в нем не видно было ни конца, ни начала.

Вот что рассказывает Курций Руф:

> Когда жители города сообщили Александру, что, по предсказанию оракула, Азию покорит тот, кто развяжет этот запутанный узел, им овладело страстное желание выполнить то, что предсказано. Вокруг царя собралась толпа фригийцев и македонцев: первые напряженно ждали, а вторые испытывали страх из-за безрассудной самоуверенности царя. И действительно, ремень был так плотно связан узлами, что невозможно ни рассчитать, ни разглядеть, где начинается и где кончается сплетение. Попытки царя развязать узел внушали толпе опасение, как бы неудача не оказалась плохим предзнаменованием. Долго и напрасно провозившись с этими запутанными узлами, царь сказал: «Безразлично, каким способом будут они развязаны», и, разрубив все узлы мечом, он тем самым не то посмеялся над предсказанием оракула, не то выполнил его.

Чтобы никто не сомневался, что пророчество исполнится, Александр на следующий день «принес жертву богам, явившим знамения и указавшим ему, как развязать узел».

В этой ситуации ярко проявился характер македонского царя: он безрассудно берется за самые безнадежные дела и находит выход из самой запутанной ситуации. Вот в случае с узлом Гордия мировая слава Александру практически ничего не стоила, но в дальнейшем за свои многочисленные авантюры македонскому царю придется платить немалую цену.

В Киликии весьма досадным способом едва не закончился поход Александра, именно здесь его ждал настоящий гордиев узел. Арриан сообщает интересную подробность:

> Александр, по словам Аристобула, заболел от усталости; другие рассказывают, что он весь в поту, разгоряченный, кинулся в реку Кидн, желая поплавать и охладиться.

Скорее всего, сказались оба фактора: непрерывные войны, длительные переходы стоили огромного нервного напряжения Александру и сделали его уязвимым перед любой непривычной для организма средой. Холодный Кидн, несущий воды из горных ключей Тавра, стал для него опаснее многих тысяч персов при Гранике. Об этом же случае рассказывает Курций Руф. Усталость усталостью, но ясно, что причиной опасной болезни явилось также и обычное бахвальство Александра.

> Сняв одежду на виду у войска, полагая, что будет пристойно показать своим воинам, как мало нужно ему для ухода за своим телом, он вошел в реку. Но едва он ступил в воду, как его члены, охваченные дрожью, начали цепенеть, затем он побледнел, и жизненное тепло почти покинуло тело. Слуги подхватили его на руки, полуживого и почти потерявшего сознание, отнесли в шатер. В лагере распространилось беспокойство и почти уже траур; со слезами все скорбели о том, что славнейший царь всех времен и преданий в самом расцвете успеха и славы был поражен не врагом, не в сражении, но вырван из их рядов смертью тогда, когда омывал водой свое тело.

Положение Александра казалось безнадежным, и все врачи считали, что он не выживет. Вопреки самым неутешительным прогнозам к Александру вернулось сознание, но двигаться он не мог. Тем временем опасность подкралась с другой стороны: огромнейшее войско Дария находилось в пятидневном переходе от Киликии.

Врачи, наконец, взялись вернуть царю здоровье, но ни один не вызвался поставить Александра но ноги в пятидневный срок. Это совершенно не устраивало больного.

> Созвав своих друзей и врачей, он сказал:
>
> — Мое положение не допускает медленно действующих средств и осторожных врачей: для меня лучше сразу умереть, нежели поправиться слишком поздно. Поэтому если у врачей есть возможность и умение, то пусть они знают, что мне нужно средство не для спасения жизни, а для продолжения войны.

Это пылкое безрассудство царя внушило всем большое беспокойство. И каждый в отдельности начал уговаривать его не увеличивать опасности поспешностью, но подчиниться воле врачей. У войска, мол, есть основания опасаться неиспытанных лекарств, ибо враг может даже среди его близких подкупить кого-нибудь, чтобы погубить его. Действительно, Дарий объявил, что всякому, кто умертвит Александра, он даст тысячу талантов. Поэтому полагали, что никто не осмелится применить лекарство, которое может показаться подозрительным из-за своей новизны.

И все же нашелся врач, взявшийся в кратчайший срок вылечить Александра, — звали его Филипп. Лечение уже началось, когда Александр получил весть от Пармениона с предупреждением не доверять свое здоровье Филиппу. Военачальник сообщал, что этого врача подкупил Дарий тысячей талантов и обещанием выдать за него свою сестру.

Письмо встревожило Александра, но, по словам Курция, он недолго взвешивал в уме страх и надежду:

— Решиться ли мне принять лекарство? Ведь если в него положен яд, то окажется, что я заслужил случившееся. Заподозрить ли преданность врача? Допустить ли, чтобы я был убит в своей палатке? Все же лучше умереть от преступления другого, чем от собственного страха.

Доверие Александра Македонского к врачу Филиппу (Картина Г. Семирадского. 1870 год)

Александр привык к постоянной опасности, и рисковать жизнью очень скоро станет его любимым занятием. Он бесстрашно принял чашу с лекарством из рук Филиппа и осушил ее до дна; затем дал врачу письмо Пармениона и наблюдал за его реакцией. Гораздо логичнее сделать это до приема лекарства, но таков Александр — он и врага побеждал вопреки всякому здравому смыслу. И как ни странно, именно череда безрассудных поступков Александра, по воле случая имевших счастливый конец, заставила окружающих поверить в его сверхъестественные силы — конечно, делает вывод древний историк, все были убеждены, что царь ничего не предпринимает без помощи богов, и если кому-то постоянно везет, того даже безрассудство приводит к славе.

И еще: сомневаешься в полезности лекарства — польза от него будет минимальной, а внушишь себе, что обычный продукт является ядом, — можно умереть.

Курций Руф рассказывает, что Филипп, прочитав письмо, больше разгневался, нежели испугался. Он бросил перед постелью письмо и плащ:

— О царь, мое дыхание всегда зависело от тебя, но теперь я убедился, что оно выходит из твоих свято почитаемых уст. Обвинение в убийстве, направленное против меня, будет опровергнуто твоим выздоровлением, спасенный мною, ты дашь мне жизнь. Прошу и заклинаю тебя, отбрось всякий страх, позволь лекарству проникнуть в твои вены, облегчи на некоторое время душу, которую твои друзья, несомненно, преданные, но слишком осторожные, смущают неуместной заботливостью.

Интересно, что Филипп был не только искусным врачом, но и великолепным психологом. Некоторые моменты лечения Александра описаны Курцием Руфом, и мы можем получить представление о психологических приемах древних врачей.

> Сила напитка была столь велика, что последующие события как будто подтвердили обвинения Пармениона: дыхание царя стало прерывистым и затрудненным. Но Филипп не упустил ни одного средства: он применил горячие припарки, возбуждал бесчувственного ароматом то пищи, то вина. Как только он замечал, что Александр пришел в себя, он не переставал напоминать ему то о матери и сестрах, то о приближающейся великой победе. Когда же лекарство растеклось по венам и его целительная сила стала ощущаться во всем теле, сначала дух, а затем и тело Александра обрели прежнюю силу

даже быстрее, чем ожидалось; ведь уже через три дня, проведенные в таком состоянии, он появился перед солдатами.

Скиталец Диоген

> *Поздоровавшись, царь спросил Диогена, нет ли у него какой-нибудь просьбы: «Отступи чуть в сторону, — ответил тот, — не заслоняй мне солнца».*
>
> *Плутарх. Александр*

В Киликии на пути Александра встретился город Анхиал. Основал его, по рассказам, ассириец Сарданапал. Недалеко от стен города находился памятник основателю. Описание находим у Арриана.

> Он стоит во весь рост, держа руки так, как их держат обычно, хлопая в ладоши; под ним находится надпись по-ассирийски. Ассирийцы говорили, что это стихи; содержание же их было такое: «Сарданапал, сын Анакиндаракса, в один день построил Анхиал и Тарс. Ты же, путник, ешь, пей и забавляйся. Все остальное в жизни не стоит этого».

Александр не был готов воспользоваться советом мудрого ассирийца. Хотя год назад он страстно желал познакомиться с мудрецом, очень малого желавшим от жизни. Как ни странно, человека, мечтавшего владеть всем, привлекали люди, отказавшиеся от всего. Он не мог понять их образ жизни и мысли, но все непонятное, всякая загадка вызывает интерес, манит к себе своей таинственностью.

Встреча Александра с Диогеном (Барельеф работы Пьера Пюже. XVII век)

Историю знакомства Александра с одним великим отшельником рассказывают Плутарх и Диоген Лаэртский. Дело было до великого похода Александра. Молодого наследника Филиппа греки только-только провозгласили своим вождем и решили вместе с ним идти на персов. Плутарх пишет:

> В связи с этим многие государственные мужи и философы приходили к царю и выражали свою радость. Александр предполагал, что так же поступит и Диоген из Синопы, живший тогда возле Коринфа. Однако Диоген, нимало не заботясь об Александре, спокойно проводил время в Крании, и царь отправился к нему сам.

Философ был весьма замечательной личностью; его тезка Диоген Лаэртский, греческий писатель II–III веков н. э., оставил

нам немало забавных историй об этом самом известном отшельнике в мире. Оказывается, славы можно добиться не только кровавыми битвами и громкими победами; надо всего лишь быть не таким, как все, мыслить не так, как остальные.

Жизнь Диогена полна приключений, хотя правильнее сказать — злоключений. Когда философ плыл на корабле, его захватили пираты, увезли на Крит и продали в рабство. Менипп в книге «Продажа Диогена» рассказывает: Диоген попал в плен и был выведен на продажу; на вопрос, что он умеет делать, философ ответил:

— Властвовать над людьми, — и попросил глашатая: — Объяви, не хочет ли кто купить себе хозяина?

Ксениаду, когда тот его купил, Диоген сказал:

— Смотри, делай теперь то, что я прикажу!

Ксениад воскликнул:

— Вспять потекли источники рек!

Тогда Диоген сказал:

— Если бы ты был болен и купил себе врача, ты ведь слушался бы его, а не говорил, что вспять потекли источники рек?

В знаменитой битве при Херонее Диоген сражался против отца Александра. Как известно, греки потерпели поражение, и философ опять попал в плен. Его доставили к Филиппу, и на вопрос, чем он занимается, Диоген ответил:

— Слежу за твоей ненасытностью.

Изумленный таким ответом, царь отпустил его.

В любой жизненной ситуации Диоген хранил спокойствие, хладнокровие и не чувствовал никакого страха перед опасностью — это его и спасало. На вопрос, что дала ему философия, он ответил:

— По крайней мере, готовность ко всякому повороту судьбы.

На вопрос, откуда он, Диоген произнес:

— Я — гражданин мира.

Кто-то корил Диогена за его изгнание.

— Несчастный! — ответил он. — Ведь благодаря изгнанию я стал философом.

Кто-то напомнил:

— Жители Синопа осудили тебя скитаться.

— А я их — оставаться дома, — ответил Диоген.

Когда у него убежал раб, ему советовали пуститься на розыски.

— Смешно, — сказал Диоген, — если Манет может жить без Диогена, а Диоген не сможет жить без Манета.

Говорил он также, что судьбе он противопоставляет

мужество, закону — природу, страстям — разум. Диоген Лаэртский излагает философию своего тезки:

> Он говорил, что никакой успех в жизни невозможен без упражнения; оно же все превозмогает. Если вместо бесполезных трудов мы предадимся тем, которые возложила на нас природа, мы должны достичь блаженной жизни; и только неразумие заставляет нас страдать. Само презрение к наслаждению благодаря привычке становится высшим наслаждением; и как люди, привыкшие к жизни, полной наслаждений, страдают в иной доле, так и люди, приучившие себя к иной доле, с наслаждением презирают самое наслаждение. Этому он и учил, это он и показывал собственным примером; поистине это было «переоценкой ценностей», ибо природа была для него ценнее, чем обычай.

Свои философские изыскания Диоген претворял в жизнь, бесстрашно кидаясь в самые последние крайности, ежедневно удивляя мир своими причудами.

> Однажды в письме он попросил кого-то позаботиться о его жилище, но тот промешкал, и Диоген устроил себе жилье в глиняной бочке при храме Матери богов. Желая всячески закалить себя, летом он перекатывался на горячий песок, а зимой обнимал статуи, запорошенные снегом.
>
> Увидев однажды, как мальчик пил воду из горсти, он выбросил из сумы свою чашку, промолвив:
>
> — Мальчик превзошел меня простотой жизни.
>
> Он выбросил и миску, когда увидел мальчика, который, разбив свою плошку, ел чечевичную похлебку из куска выеденного хлеба.

Феофраст в своем «Мегарике» рассказывает, как Диоген определил для себя образ жизни. Однажды, увидев пробегавшую мышь, он понял: надо жить вот так, подобно мыши, которая не нуждается в подстилке, не боится темноты и не ищет никаких мнимых наслаждений. Диоген стал складывать вдвое плащ, потому что не только носил его, но и спал на нем. Имелась у него сума (сумка), и в ней он хранил какую-то пищу. А где поесть, посидеть, поспать — проблемы не было: всякое место считалось одинаково подходящим. Диоген пытался есть сырое мясо, но пришлось отказаться — не мог переварить. Зато он ходил

босиком по снегу. Диогену сказали:

— Многие смеются над тобой.

Он ответил:

— А над ними, быть может, смеются ослы. Но как им нет дела до ослов, так и мне — до них.

Добродетельных людей Диоген называл подобиями богов, любовь — делом бездельников. На вопрос, что есть в жизни горестного, он ответил:

— Старость в нищете.

На вопрос, какие звери опаснее всего кусаются, он ответил:

— Из диких — сикофант, из домашних — льстец.

На вопрос, есть ли у него раб или рабыня, он ответил, что нет. Тогда последовал вопрос, кто же его похоронит, когда он умрет.

— Тот, кому понадобится мое жилище.

Ко всем окружающим людям Диоген относился с язвительным презрением.

Когда кто-то привел его в роскошное жилище и не позволил плевать, он, откашлявшись, сплюнул в лицо спутнику, заявив, что не нашел места хуже. Однажды, прокричав: «Эй, люди!», он набросился с палкой на сбежавшийся народ:

— Я звал людей, а не мерзавцев.

На вопрос, где он видел в Греции хороших людей, Диоген ответил:

— Хороших людей — нигде, хороших детей — в Лакедемоне.

Особенно Диоген не любил женщин. Увидев женщин, удавившихся на оливковом дереве, он воскликнул:

— О если бы все деревья приносили такие плоды!

Его спросили, в каком возрасте следует жениться, и он ответил:

— Молодым еще рано, старым уже поздно.

Впрочем, все желания и чувства философ в себе не убил. Удовлетворял он их столь же бесхитростно и цинично. Диоген Лаэртский рассказывает, что «рукоблудствуя на глазах у всех», Диоген весело кричал:

— Вот кабы и голод можно было унять, потирая живот!

Тем не менее афиняне любили Диогена. Когда мальчишка разбил его бочку-жилище, то его высекли, а Диогену дали новую бочку.

Александр, явившись к Диогену, представился:

— Я — великий царь Александр.

— А я — собака Диоген, — ответил философ.

— За что же тебя зовут собакой?

— Да вот за что: кто бросит кусок — тому виляю, кто не

бросит — облаиваю, кто злой человек — кусаю.

В разговоре Александр спросил, является ли смерть злом, и получил ответ:

— Как же может она быть злом, если мы не ощущаем ее присутствия?

— Ты не боишься меня? — спросил Александр философа.

— А что ты такое — зло или добро?

— Добро.

— Кто же боится добра?

Желая что-нибудь сделать для нищего мудреца, Александр осведомился, нет ли у него какой-нибудь просьбы.

— Отступи чуть в сторону, — ответил тот, — не заслоняй мне солнца.

Диоген и Александр Македонский (Копия с картины Джованни Тьеполо. XVIII век. Эрмитаж)

Плутарх утверждает, что слова Диогена произвели на Александра огромное впечатление, и он был поражен гордостью и величием души этого человека, отнесшегося к нему с таким пренебрежением. Когда на обратном пути товарищи Александра,

вспоминая о странной встрече, шутили и насмехались над философом, царь сказал им:

— Если бы я не был Александром, я хотел бы стать Диогеном.

Что же влекло Александра к этому нищему бродяге? Если присмотреться внимательнее, то в обитателе глиняной бочки и в царе можно найти много общих черт: оба презирали смерть, были равнодушны к женщинам, непритязательны в быту и в еде… Но главное, Диоген имел огромную власть над умами соотечественников, философа окружала небывалая слава, его имя и странные поступки были на слуху у греков и давали повод для анекдотов. Александр, несомненно, завидовал ему и пытался постичь механизм влияния на человеческие души, чтобы обрести высшую власть. Видимо, за этим царь и пришел к сумасбродному философу.

После встречи с Диогеном Александр направился в Дельфы. Там находился знаменитый храм Аполлона, построенный в IX веке до н. э., но не древностью и богатством был он знаменит. Из расселины скалы, над которой возвышался храм Аполлона, поднимались одурманивающие испарения.

Прорицательница, избиравшаяся из девушек (ее называли пифией), некоторое время вдыхала дурманящие пары и затем произносила слова, которые жрецы толковали, как пророчества. За словом пифии ехали цари и военачальники не только Греции, но и самых дальних стран античного мира; пророчества ее чрезвычайно ценились. Если они были благоприятными, то самые радужные мечты казались высокопоставленным просителям уже сбывшимися.

Александру не повезло: его приезд совпал с одним из несчастливых дней, когда закон не позволял давать предсказания. Однако после беседы с Диогеном молодой царь не собирался обращать внимание на условности, он потерял страх не только перед людьми, но и перед богами.

Плутарх говорит, что сначала Александр послал за прорицательницей, но та, ссылаясь на закон, отказалась прийти; тогда царь пошел за ней сам, чтобы силой притащить ее в храм. Что оставалось делать жрице? Конечно, пришлось уступить его настойчивости.

И она воскликнула:

— Ты непобедим, сын мой!

На это Александр ответил, что он не нуждается в прорицании, так как уже услышал то, что хотел.

Киликийские врата

> *И не думай, что их влечет жажда золота и серебра: эта дисциплина до сих пор крепка, ибо создана бедностью: постелью уставшим служит земля, еды им достаточно той, которую они раздобудут; а время их сна — неполная ночь.*
>
> *Руф Квинт Курций. История Александра Македонского*

Мы говорили о болезни Александра, случившейся с ним в Киликии, и о его свидании с Диогеном, однако пора вернуться к делам военным. Именно в Киликии состоялась встреча враждебных армий, во многом определившая судьбу грандиозной восточной кампании Александра…

Даже сам Александр не надеялся попасть в Киликию без упорной борьбы — эта часть персидской территории была окружена крутой горной цепью, практически недоступной для вражеских армий. Попасть сюда можно было через узкий проход среди гор. Курций Руф поясняет, что местные жители называют теснины «воротами», и описывает очередную непростительную глупость персов и небывалую удачу Александра. Арсам, правитель Киликии, вдруг вспомнил, что ему советовал Мемнон в начале войны, и решил, хотя и поздно, воспользоваться этим советом.

> Он опустошает Киликию огнем и мечом, чтобы оставить врагу пустыню, уничтожает все, что может оказаться полезным неприятелю, чтобы голой и бесплодной оставить землю, которую он не мог защитить. Гораздо полезнее было бы закрыть большим отрядом войска узкий проход, открывающий путь в Киликию, и завладеть скалой, удобно нависающей там над проходом, с которой он без риска мог бы остановить или уничтожить приближающегося врага. Теперь же, оставив немногих для охраны горных проходов, он отступил, став разорителем страны, которую должен был спасти от разорения. Поэтому оставленные им, считая себя преданными, не захотели даже увидеть врага, хотя и

меньшее число людей могло бы защитить проходы…

Александр вошел в горный проход, называемый «воротами». Рассмотрев окружающую местность, он особенно удивился своему счастью: он признался, что мог бы быть завален камнями, если бы нашлось кому сбрасывать их на идущее внизу войско. Дорога едва давала возможность идти по ней только четырем воинам в ряд: гора нависала над дорогой, не только узкой, но и обрывистой, а также часто пересекаемой потоками, текущими с гор.

Персы в это время были заняты тем, что поджигали богатый город Тарс, расположившийся недалеко от прохода. Александр послал вперед Пармениона с отрядом легковооруженных воинов. Они отогнали персов от Тарса. Таким образом, Александр спас город, который пытался уничтожить его же правитель.

Тактика выжженной земли, которую решил применить сатрап Киликии, была тем более бессмысленна, что Александр не собирался задерживаться в этих краях. Он немедленно отправил Пармениона к горному проходу на границе Киликии и Ассирии, велев его захватить и удерживать до подхода всей армии. Македонский царь теперь решил помериться силами с войском Дария.

Пока Александр бродил по окраине Персидского царства, Дарий собрал невиданное для античного мира войско. Времени на это хватало: битва при Гранике состоялась в мае 334 года до н. э., а в Киликию Александр вошел в сентябре 333 года. Удивительно, но Александр больше года бродил по Персии, и со стороны Дария не было никакой попытки остановить наглеца с немногочисленным, в общем-то, войском.

Арриан определяет численность войска Дария в 600 тысяч воинов. У Вавилона на равнинах Месопотамии собрались армии десятков народов, проживавших на просторах от Средиземного до Каспийского моря. По сведениям Курция Руфа, только персов было 100 тысяч, из них 30 тысяч всадников, мидийцев — 10 тысяч всадников и 50 тысяч пехотинцев. Здесь были армяне и барканцы, гирканцы и дербики; кроме множества неизвестных древним историкам племен на стороне Дария сражалось 30 тысяч греческих наемников.

Менее всего у Дария ощущался недостаток в количестве солдат, немудрено и возгордиться, взирая на бесконечное людское море. Однако, как свидетельствует Курций Руф, нашелся человек, не ставший повторять дифирамбы придворных льстецов и не разделявший радужные надежды царя.

Дарий обратился к афинянину Харидему, опытному в военном деле и ненавидевшему Александра за свое изгнание из Афин по его приказу, и стал расспрашивать, не считает ли он его достаточно сильным, чтобы раздавить врага. Но Харидем, забывший о своем положении и гордости царя, ответил:

— Ты, может быть, не захочешь выслушать правду, но если не теперь, то в другой раз я не смогу уже ее высказать. Эта столь вооруженная армия, состоящая из стольких народов со всего Востока, оторванная от своих очагов, может внушить страх своим соседям: она сверкает золотом и пурпуром, поражает богатством вооружения, которое невозможно представить себе, не увидев собственными глазами. Македонское же войско, дикое и без внешнего блеска, прикрывает щитами и копьями неподвижный строй и сомкнутые ряды крепких воинов. Этот прочный строй пехоты они называют фалангой: в ней воин стоит к воину, оружие одного находит на оружие другого. Фаланга обучена по первому же знаку идти за знаменами, сохраняя ряды. Солдаты исполняют все, что им приказывают: сопротивляются, окружают, переходят на фланги; менять ход сражения они умеют не хуже полководцев. И не думай, что их влечет жажда золота и серебра: эта дисциплина до сих пор крепка, ибо создана бедностью: постелью уставшим служит земля, еды им достаточно той, которую они раздобудут; а время их сна — неполная ночь. А фессалийскую, акарнанскую и этолийскую конницу — эти непобедимые в сражении отряды, разве отразят пращи и обожженные на огне копья? Тебе нужны равноценные им силы: ищи их для себя в той земле, которая их породила, пошли твое золото и серебро для найма солдат.

Дорого обошлась правда смелому греку.

Дарий по характеру был мягким и отзывчивым, но счастье часто портило его податливую натуру. И вот, не снеся правды, он приказал увести на казнь преданного ему гостя, давшего столь полезный совет. Грек, не забывший и тогда о своем свободном происхождении, сказал:

— Уже готов мститель за мою смерть, за пренебрежение моим советом тебя накажет тот, против которого я предостерегал тебя. А ты, будучи

самовластным царем, так быстро изменился, что послужишь потомкам примером того, как люди, ослепленные удачей, забывают о своей природе.

Войско Дария больше походило на огромное праздничное шествие. Курций Руф описывает процесс выступления персидского войска на решающий бой.

Походный строй был таков. Впереди на серебряных алтарях несли огонь, который у персов считается вечным и священным. Маги пели древние гимны. За ними следовали 365 одетых в пурпурные плащи юношей, по числу дней в году. Затем белые кони везли колесницу, посвященную Юпитеру, за ней следовал конь огромного роста, называемый конем Солнца. Золотые ветви и белые одеяния украшали правящих конями. Недалеко от них находилось 10 колесниц, обильно украшенных золотом и серебром…

Далее шли те, кого персы называли «бессмертными», числом до 10 тысяч, ни у кого больше не было столь по-варварски пышной одежды: у них были золотые ожерелья, плащи, расшитые золотом, и туники с длинными рукавами, украшенные драгоценными камнями. На небольшом расстоянии шли так называемые «родичи царя» числом до 15 тысяч. Эта толпа с ее почти женской роскошью в нарядах выделялась больше пышностью, чем красотой вооружения. Следовавшие за ними придворные, которые обычно хранили царскую одежду, назывались копьеносцами. Они шли перед колесницей царя, в которой он возвышался над остальными. С обеих сторон колесница была украшена золотыми и серебряными фигурами богов, на дышле сверкали драгоценные камни, а над ними возвышались две золотые статуи, каждая в локоть высотой: одна — Нина, другая — Бела. Между ними находилось священное золотое изображение, похожее на орла с распростертыми крыльями…

За колесницей шли 10 тысяч копьеносцев с богато украшенными серебром копьями и стрелами с золотыми наконечниками. Около 200 приближенных вельмож следовали справа и слева от царя. Их отряд замыкали 30 тысяч пехотинцев в сопровождении 400 царских коней. За ними на расстоянии одного стадия колесница везла мать царя Сисигамбис, в другой колеснице была его жена. Толпа женщин на конях сопровождала цариц. За

ними следовали 15 повозок, называемых гармаксами: в них находились царские дети, их воспитатели и множество евнухов, вовсе не презираемых у этих народов. Далее ехали 360 царских наложниц, одетых тоже в царственные одежды, затем 600 мулов и 300 верблюдов везли царскую казну: их сопровождал отряд стрелков. Следом за ними — жены родных и друзей царя и толпы торговцев и обозной прислуги…

Если бы кто мог тогда же увидеть македонскую армию, она представила бы собой совсем иное зрелище: люди и кони блестели в ней не золотом и пестрыми одеждами, но железом и медью. Эта армия не была перегружена поклажей или прислугой, готовая к походу или к остановке, она чутко отзывалась не только на сигналы, но даже на знаки полководца. Ей хватало и места для лагеря, и провизии для воинов. Стало быть, в войске Александра не было недостатка в солдатах. Дарий же, повелитель такой огромной армии, из-за тесноты поля боя свел ее к той самой малочисленности, за какую презирал врага.

Дарий избрал для развертывания своего войска ассирийскую равнину — очень удобную для действий конницы и вообще позволявшую использовать в сражении всю гигантскую армию. Наиболее дальновидные персидские военачальники советовали не покидать равнины. Однако на свою беду Дарий получил обнадеживающие вести о болезни Александра. Придворные льстецы твердили, что македоняне не покинут Киликии, что они стоят там в нерешительности подле умирающего царя, и Дарию осталось только войти в окруженную горами область и растоптать врагов конницей.

Через один из проходов Дарий ввел свое неповоротливое войско в Киликию. Арриан замечает, что «божественная воля повела его» туда, где не могли проявить себя ни конница, ни множество людей со стрелами и дротиками, и получилось, он «своими руками поднес Александру и его войску легкую победу».

В то время как Дарий входил в Киликию, Александр покидал ее через проход на границе с Ассирией у городка Исс. Он не поверил, что Дарий оказался у него в тылу, когда ему об этом сообщили, поэтому послал кое-кого из друзей обратно к Иссу, чтобы проверить, соответствует ли известие действительности. Посланные «привезли Александру известие, что Дарий у него в руках».

Битва при Иссе

Александр сражался не столько как полководец, сколько как солдат, стремясь прославиться убийством Дария.

Руф Квинт Курций. История Александра Македонского

Согласно Курцию Руфу, Александр не сразу понял свою огромную удачу.

В такой ситуации на македонском совете обсуждались два варианта действий: идти дальше или ждать свежие силы из Македонии. И только Парменион заявил, что для сражения не найдется более удобного места.

> Ведь здесь силы обоих царей будут равны, узкий проход не сможет вместить большого количества людей, а его людям надо избегать равнин и открытых полей, где их могут окружить и перебить в бою на два фронта. Он боялся, что македонцы будут побеждены не силой врага, но из-за своей усталости: если они станут более свободным строем, то свежие силы персов будут непрерывно наступать на них. Разумные доводы его легко были приняты, и Александр решил дожидаться врага среди горных теснин.

Далее Курций Руф рассказывает историю, которая, казалось бы, не имеет отношения ни к будущей битве, ни к дальнейшему походу. Однако именно с нее начала стремительно развиваться подозрительность Александра, которая вскоре превратится в маниакальное преследование ближайших сподвижников, обеспечивших ему самые великие победы.

Увы! Больше не стало Александра, который, не колеблясь, доверил свою жизнь врачу, обвиненному в измене. Точно так же без колебаний и сомнений он расправлялся с теми, на кого пала тень подозрения в неверности ему.

> В армии Александра был перс по имени Сисен, когда-то присланный царю Филиппу правителем Египта; получив дары и почести всякого рода, он променял родину на изгнание, последовал за Александром в Азию и значился среди его верных друзей.

Присутствие соотечественника в свите Александра решил использовать Дарий. Он послал Сисену письмо. Послание персидского царя попало в руки македонян, но после прочтения гонцам Дария приказали передать его тому, кому оно и предназначалась. Сисен хотел вручить злосчастное письмо Александру, но несколько дней не представлялось подходящего случая. Это расценили как измену, и ни в чем не повинный перс «в походе был убит критянами, без сомнения, по приказу царя».

В это же время произошел аналогичный случай, о котором рассказывает Диодор Сицилийский. Олимпиада, мать Александра, продолжала из далекой Македонии опекать царя.

> В письме к Александру мать его, давая ему много полезных наставлений, между прочим, посоветовала остерегаться Александра-линкейца. Он отличался мужеством, был преисполнен гордости и, находясь в свите Александра среди его друзей, пользовался его доверием. Обвинение это подтвердилось множеством других основательных улик. Александр был схвачен и в ожидании суда посажен в оковах под стражу.

Не казнен был Александр Линкест вовсе не по доброте Александра. Дело в том, что он приходился зятем Антипатру, который правил Македонией в отсутствие царя. Если Линкеста казнить, то в Македонии начнется восстание. Этого и боялся Александр, по мнению историка Юстина, а потому приказал заключить Линкеста в темницу. То есть положение Александра в Македонии было настолько непрочным, что он не мог открыто расправиться с ближайшими врагами. Фактически страной правил Антипатр, и только огромная персидская добыча, из которой Александр подкармливал македонскую знать, позволяла номинально сохранять трон за сыном Олимпиады.

Мы не знаем, насколько велика вина второй жертвы доноса, но если военачальнику изменяют его приближенные и воины — это говорит о многом. Ганнибалу хранили верность разноплеменные наемники в его фантастически трудных походах. Цезарь перешел Рубикон и объявил войну римскому сенату и республике; ни один легионер не покинул его — все пошли за Цезарем сражаться против собственной родины.

Однако вернемся к событиям, развернувшимся у городка Исс. Персидский царь, полагаясь на свое несметное войско, упрямо рвался в бой. Он не мог представить, что в ближайшей битве судьба столкнет везение Александра и глупость Дария, а общее количество участников поединка не будет иметь значения.

Перед входом в горное ущелье Дарий занял Исс, покинутый войском Александра. Персы захватили несколько больных и раненых македонян, которые не смогли последовать за войском. Курций Руф сообщает, что им «отрезали и прижгли руки», а потом Дарий велел показать пленникам всю его армию и отпустить, чтобы они могли рассказать царю Александру об увиденном. Эти искалеченные люди и принесли Александру самые последние сведения об армии Дария и о том, что она движется к теснинам. Известия Александра обрадовали.

> Впрочем, как всегда бывает, когда наступил решительный момент, его уверенность сменилась беспокойством. Он боялся той самой судьбы, по милости которой он имел столько успехов, и от мысли о ее благодеяниях он, вполне естественно, перешел к мысли о ее изменчивости: ведь только одна ночь оставалась до исхода великого столкновения.

Спокоен был Парменион: план его успешно воплощался в жизнь, и численное превосходство персов уравняли горные теснины. Проход был настолько узок, что македоняне навстречу персам могли двигаться только по 32 человека в ряд. Только в месте встречи с войском Дария горное ущелье расширилось и позволило разместить фалангу более широким строем, а с флангов ее прикрыла конница. Персам же пришлось строиться «бесполезно глубоким строем».

Во главе македонян стояли те же лица, что и в битве при Гранике. Никанор, сын Пармениона, командовал правым флангом. На левом фланге были Кратер и Парменион, «но Кратеру было приказано повиноваться Пармениону». Именно старому военачальнику и предстояло выдержать главный удар персов, ибо Дарий построил против левого фланга македонян самую боеспособную часть своего войска — конницу. Именно здесь был простор для ее действий и возможность разорвать строй Александра.

Александр и Дарий в битве при Иссе (Мозаика. Помпеи); внизу — Александр (Фрагмент мозаики)

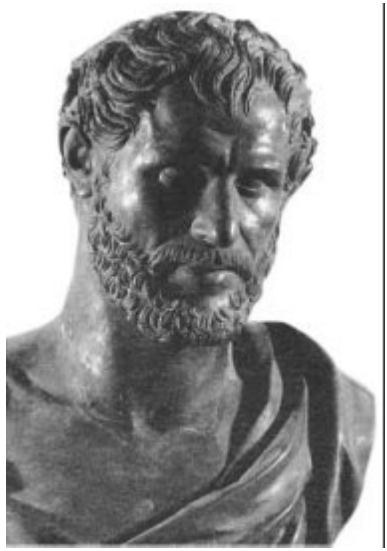
Курций Руф подчеркивает, что Александр сражался не столько как полководец, сколько как солдат — очень ему хотелось прославиться убийством Дария. Македонский царь первым бросился в самую середину персидской конницы, окружавшей Дария. Невиданную ярость Александра, казалось, ничто не могло остановить: возле колесницы Дария лежали изрубленные командиры многочисленных армий Дария, в том числе правитель Египта. «У македонцев тоже были убитые, хоть и

немного, но очень храбрые мужи; сам Александр был легко ранен мечом в правое бедро».

Безумная храбрость и поспешность Александра едва не привели македонян к поражению и стоили им новых жертв. Читаем у Арриана.

> Как только дошло до рукопашной, левое крыло персидского войска обратилось в бегство; Александр и его воины одержали здесь блестящую победу, но правое крыло его разорвалось именно потому, что он, поспешно бросившись в реку и завязав рукопашную схватку, прогнал выстроенных здесь персов. Македонское войско, находившееся в центре, не так поспешно вступило в дело; солдаты, часто оказываясь в обрывистых местах, не смогли держать прямую линию фронта: образовался прорыв — и эллинские наемники Дария бросились на македонцев как раз там, где они видели, что строй наиболее разорван. Завязалось жаркое дело: наемники старались столкнуть македонцев в реку и вырвать победу и для своих, уже бегущих, соратников; македонцы — не отстать от Александра с его явным успехом и не потемнить славу фаланги, о непобедимости которой все время кричали. К этому прибавилось соревнование между двумя народами, эллинским и македонским. Тут пал Птолемей, сын Селевка, человек большой доблести, и около 120 непоследних македонцев.

Положение спасло правое крыло македонян, которым командовал Никанор. Сын Пармениона обратил в бегство стоявших против него персов и пришел на помощь теснимому греческими наемниками центру. Удар с фланга похоронил последние надежды Дария; его отряд, совершивший успешный прорыв центра, теперь погибал на глазах повелителя Востока. Разбитые персы перемещались на левый фланг македонян; они больше думали о бегстве, чем о битве. Начатое сыном дело завершил отец. Парменион выслал конницу, и она преследовала бегущих, которые вскоре оказались именно на его фланге.



Селевк (Скульптурный портрет); справа — его сын Птолемей (Изображение на монете)

Но более всего македонянам в этой битве помогла трусость Дария. Юстин сообщает, что «до тех пор исход сражения был сомнителен, пока Дарий не обратился в бегство». Персидский царь страшно испугался первой же неудачи и рвавшегося к нему Александра. Царь для восточных народов был чем-то вроде серебряного орла для римских легионеров, и как только «знамя» повернулось спиной к неприятелю, войско последовало его примеру.

Александр бросился преследовать бегущих персов; он страстно желал настигнуть самого Дария. Македонский царь преследовал сотни тысяч персов с отрядом «не более тысячи

всадников». Но кто считает войско в час победы или бегства? Курций Руф замечает:

> Персы, как овцы, бежали от столь немногочисленных врагов, но тот же страх, который заставлял их бежать, сковывал теперь их движения. Греки же, сражавшиеся на стороне Дария во главе с Амintой (он был полководцем Александра, а теперь стал перебежчиком), ускользнули, отделившись от других, но это не было бегством…

Избиение персов было ужасным: число убитых, согласно Плутарху и Арриану, доходило до 110 тысяч человек. «Птолемей, сын Лага, следовавший тогда за Александром, рассказывает, что когда они, преследуя Дария, оказались у какой-то пропасти, то перешли через нее по трупам».

Дария спасла лишь наступившая ночь, настолько темная, что дальнейшее преследование среди пропастей и гор стало невозможным. В руки Александра попала брошенная колесница персидского царя со щитом, луком и верхней одеждой.

Древние авторы называют персов варварами, но каким словом можно назвать македонян, которые принялись пожинать плоды довольно легкой победы? Естественно, в руки македонян перешел и лагерь персов, наполненный «всевозможными предметами роскоши», среди которых, как отмечает Курций Руф, было множество настоящих произведений искусства.

> Солдаты захватили много золота и серебра, предметов не вооружения, а роскоши, и так как они набрали больше, чем могли унести, дороги были усыпаны менее ценными трофеями, которыми жадность пренебрегла, поскольку другие были дороже. Добравшись до женщин, они срывали с них украшения тем яростнее, чем они были богаче; насилие и похоть не щадили и их тел. Лагерь наполнился шумом и криком разного рода, кому какая выпала судьба, и не была упущена ни одна возможность проявить жестокость, так как необузданная ярость победителей не оставляла места для милости ни к возрасту, ни к сословию.

Аналогичную картину мы найдем в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского.

> Из царской сокровищницы расхищено было много серебра, немало золота, огромное количество роскошных одежд. Награблено было немало богатства также у

царских друзей, родных и прочих военачальников. По древнему персидскому обычаю, за армией на колесницах, обитых золотыми пластинками, следовали женщины не только из царской семьи, но из семей родственных и дружественных царю. Не зная меры богатству, предельно изнеженные, они везли за собой каждая множество драгоценной утвари и женских уборов. Страдания захваченных в плен женщин были ужасны. Те, которые раньше, по изнеженности своей, с трудом переносили переезд в роскошных повозках, закутанные так, что ни одна часть тела не оставалась обнаженной, теперь в одних хитонах и лохмотьях, рыдая, выбегали из палаток, громко взывая к богам и припадая к коленям победителей. Срывая дрожащими руками свои уборы, бежали они, с распущенными волосами, по неприступным местам и, встречаясь с другими беглянками, молили о помощи тех, кто сам нуждался в защите. Одни солдаты тащили несчастных за волосы; другие, сорвав одежды, хватали обнаженных, ударяли их тупым концом копья и, пользуясь случаем, попирали то, что составляло их честь и славу.

Среди всеобщей вакханалии грабежей и насилий воины Александра не забыли о старой македонской традиции. Согласно ей все личные вещи Дария, захваченные после удачной битвы, должны были стать собственностью македонского царя. Плутарх сообщает, что воины предназначили для Александра наполненную драгоценностями палатку Дария. Александр снял доспехи и, направившись в купальню, сказал:

— Смоем пот битвы в купальне Дария!

— Не Дария, а Александра! — воскликнул один из друзей царя. — Ведь собственность побежденных должна не только принадлежать победителям, но и называться по их имени.

Когда Александр увидел всякого рода сосуды — кувшины, тазы, флаконы для притираний, все искусно сделанные из чистого золота, когда он услышал удивительный запах душистых трав и других благовоний, когда, наконец, он прошел в палатку, изумлявшую своими размерами, высотой, убранством лож и столов, — царь посмотрел на своих друзей:

— Вот это, по-видимому, и значит царствовать!

Так, постепенно, воспитанный в спартанской традиции Александр привыкал к роскоши восточных владык — и со временем привычка будет все сильнее и сильнее.

Пока Александр наслаждался роскошью персидских царей,

Парменион существенно пополнил его казну. Основное имущество Дария накануне битвы было отправлено в Дамаск: туда и был послан старый македонский военачальник. Со своей задачей Парменион справился как всегда блестяще.

Глава 2. Настоящая любовь

Еще кое-что из принадлежавшего Дарию имущества осталось неосквернённым македонянами, которые отличались от обычных бандитов лишь тем, что сражались не толпой, а правильным строем. Курций Руф рассказывает, что македоняне доставили в шатер Александра плененных мать и жену Дария.

> Первая внушала уважение не только своей судьбой, но и возрастом, вторая — своей красотой, не помраченной даже в ее положении. Она держала на руках сына, еще не достигшего 6 лет, рожденного для столь же счастливой судьбы, как та, которую только что потерял его отец. А к груди старой бабушки прильнули две взрослые девушки, ее внучки, подавленные скорбью не столько за себя, сколько за нее. Вокруг них стояла большая толпа знатных женщин, с распущенными волосами, в разорванных одеждах, забывших о своем прежнем достоинстве, величавших своих цариц и владычиц их истинными титулами, утратившими теперь свое значение. Те же, забыв о своем несчастье, расспрашивали, на каком фланге был Дарий, каков исход сражения: они не считали себя пленницами, пока был жив Дарий.

Александр не спешил к знатным пленницам: вернувшись из длительной погони за Дарием, он принял участие в пиршестве с самыми близкими друзьями. Развлечение прервали женские вопли, доносившиеся из соседней палатки.

> Причиной этой внезапной тревоги было то, что мать и жена Дария вместе с пленными знатными женщинами с криком и рыданиями оплакивали, как они думали, убитого Дария. Случайно оказавшийся у палатки женщин один пленный евнух увидал в чьих-то руках плащ, брошенный Дарием, чтобы не быть узнанным во время бегства… Думая, что плащ снят с мертвого Дария, он и принес это ложное известие.
>
> Говорят, что Александр, услышав об этом заблуждении женщин, прослезился над судьбой Дария и любовью к нему его семьи. Сначала он приказал владевшему персидским языком Митрену пойти и утешить женщин, но затем, опасаясь, что вид предателя

усилит гнев и боль пленниц, он послал Леонната, одного из своих приближенных, сообщить женщинам, что они по ошибке оплакивают живого.

На следующий день Александр с почетом похоронил павших македонян и велел оказать такие же почести знатнейшим персам, предоставив матери Дария право «похоронить по обычаям их страны, кого она пожелает». И лишь после этого Александр решил навестить сиятельных пленниц.

Александр и женщины

Однажды, прочтя длинное письмо Антипатра с обвинениями против Олимпиады, Александр сказал: «Антипатр не знает, что одна слеза матери заставит забыть тысячи таких писем».

Плутарх. Александр

Семейство Дария перед Александром Великим (Работа Паоло Веронезе. XVI век. Лондонская картинная галерея)

Знакомство началось с небольшого конфуза.

Александр вошел в палатку семьи Дария со своим ближайшим другом Гефестионом. Последний был ровесником царя, но превосходил его ростом и потому был ошибочно принят за Александра. Женщины выразили Гефестиону покорность по обычаю своей страны, а Александр терпеливо ждал, пока друг наслаждался вниманием царственных женщин Персии. Когда выяснилась ошибка, мать Дария — Сисигамбис — обняла ноги Александра, «прося прощение за то, что она не узнала царя, которого никогда прежде не видела». Александр поднял царицу и произнес:

— Ты не ошиблась мать; и этот человек — Александр.

Так Александр любезно позволил Гефестиону пользоваться его именем и славой.

Послушаем Курция Руфа.

> Я склонен думать, что если бы он сохранил эту скромность души до конца жизни, это принесло бы ему больше счастья, чем то триумфальное шествие, в котором он, подражая Отцу Либеру, прошел как победитель по всем странам, от Геллеспонта до Океана. Тогда он, конечно, умел бы подавлять в себе свои неодолимые пороки, гнев и гордыню, не стал бы убивать друзей на пирах и не осуждал бы на смерть без разбора людей, выдающихся в военном деле и вместе с ним покоривших столько народов. В то время удача еще не помрачила его духа: приняв ее вначале очень скромно и мудро, он, в конце концов, не выдержал ее величия.
>
> Он вел себя тогда так, что превзошел сдержанностью и милосердием всех прежних царей. К царственным девушкам изумительной красоты он относился с таким уважением, как к своим единородным сестрам. Жену Дария, с которой не могла сравниться красотой ни одна женщина того времени, он не только не обидел сам, но и позаботился о том, чтобы никто не смел прикоснуться к пленнице.
>
> Он приказал возвратить женщинам все их драгоценности, и они, как прежде, ни в чем не испытывали недостатка, кроме чувства свободы. Тогда Сисигамбис сказала:
>
> — О царь, ты достоин того, чтобы мы возносили за тебя те же молитвы, которые возносили за нашего Дария, так как ты превзошел столь великого царя не только счастьем, но и справедливостью. Ты называешь меня матерью и царицей, а я признаю себя только твоей служанкой. Я могу подняться до высоты моего прежнего положения и могу перенести тяжесть нынешнего. Но для тебя важно, чтобы ты в обращении с нами прославился больше милосердием, чем жестокостью.

Похожие сведения сообщает и Плутарх. Но что более интересно, этот греческий историк рассказывает об отношении Александра к женщинам вообще:

> …Однако самым царственным и прекрасным благодеянием Александра было то, что этим

благородным и целомудренным женщинам, оказавшимся у него в плену, не пришлось ни слышать, ни опасаться, ни ждать ничего такого, что могло бы их опозорить. Никто не имел доступа к ним, не видел их, и они вели такую жизнь, словно находились не во вражеском лагере, а в священном и чистом девичьем покое. А ведь, по рассказам, жена Дария была самой красивой из всех цариц, точно так же как и Дарий был самым красивым и рослым среди мужчин; дочери же их походили на родителей.

Александр, который, по-видимому, считал, что способность владеть собой для царя важнее, нежели умение побеждать врагов, не тронул пленниц; вообще до своей женитьбы он не знал, кроме Барсины, ни одной женщины. Барсина, вдова Мемнона, была взята в плен под Дамаском. Она получила греческое воспитание, отличалась хорошим характером; отцом ее был Артабаз, сын царской дочери. Как рассказывает Аристобул, Александр последовал совету Пармениона, предложившего ему сблизиться с этой красивой и благородной женщиной. Глядя на других красивых и статных пленниц, Александр говорил шутя, что вид персиянок мучителен для глаз. Желая противопоставить их привлекательности красоту своего самообладания и целомудрия, царь не обращал на них никакого внимания, как будто они были не живыми женщинами, а безжизненными статуями.

Как свидетельствует Юстин, гораздо больший интерес Александра вызвало другое: Александр осмотрел сокровища Дария, попавшие в его руки, и был изумлен. Далее Юстин говорит о некоторых новых привычках царя македонян, ставших впоследствии его постоянными спутниками. Также Юстин упоминает о первой жене Александра.

Тогда-то он начал впервые устраивать пышные трапезы и великолепные пиры, тогда же он увлекся своей пленницей Барсиной за ее красоту; мальчика, впоследствии рожденного ею, он назвал Геркулесом.

Македоняне не могли понять, почему их царю чуждо обычное человеческое удовольствие, то есть общение с женщиной. Это дало повод заподозрить Александра в нетрадиционной ориентации. Мнение такое бытует до сих пор, и в одном нашумевшем голливудском фильме мы видим Александра-гея.

Однако в источниках мы не находим подтверждений этой гипотезы; как раз наоборот, Плутарх рассказывает несколько историй о том, что получилось из попыток угодить Александру, предлагая ему объекты для однополой любви.

> Однажды Филоксен, командовавший войском, стоявшим на берегу моря, написал Александру, что у него находится некий тарентинец Феодор, желающий продать двух мальчиков замечательной красоты, и осведомился у царя, не хочет ли он их купить. Александр был крайне возмущен письмом и не раз жаловался друзьям, спрашивая, неужели Филоксен так плохо думает о нем, что предлагает ему эту мерзость. Самого Филоксена он жестоко изругал в письме и велел ему прогнать прочь Феодора вместе с его товаром. Не менее резко выбранил он и Гагнона, который написал, что собирается купить и привезти ему знаменитого в Коринфе мальчика Кробила.

У охваченного желанием покорить весь мир Александра не было в сердце места для женщин и тем более мужчин; большую часть сознательной жизни он провел в военных походах и не имел даже времени на семейный очаг, на длительную привязанность. Настоящей любовью Александра были слава, шум битв и конь Букефал. И еще… Александр верил в свое божественное происхождение, верил, что он бог, а богам не полагалось желать смертных женщин. Он сознательно лишал себя возможности кого-то любить.

Плутарх цитирует письмо Александра к Пармениону:

> «Никто не сможет сказать, что я видел жену Дария, желал ее увидеть или хотя бы прислушивался к тем, кто рассказывал мне о ее красоте». Александр говорил, что сон и близость с женщиной более всего другого заставляют его ощущать себя смертным, так как утомление и сладострастие проистекают от одной и той же слабости человеческой природы.

Именно в «женском вопросе» наиболее ярко проявилась двойственность натуры Александра. Он при каждом случае стремился подчеркнуть свое равнодушие к слабому полу, и тем не менее хранил огромное почтение к женщинам. Он безжалостно стирал с лица земли города, вел войны с небывалой жестокостью, он шел по земле, красной от крови, и в то же время старался защитить даже женщин враждебных народов… Если успевал

отдать соответствующий приказ своим воинам, если успевал их остановить… Великий завоеватель благоговел перед женщинами, причем сохранял уважительное отношение к ним даже во время пиршеств с обильным возлиянием вина.

Александр, по утверждению Плутарха, был безжалостен к собственным воинам, совершившим неблаговидные поступки по отношению к женщинам.

> Узнав, что два македонянина, служившие под началом Пармениона, — Дамон и Тимофей, обесчестили жен каких-то наемников, царь письменно приказал Пармениону в случае, если это будет доказано, убить их, как диких зверей, сотворенных на пагубу людям.

Несомненно, почтительное отношение к женщинам у Александра сформировалось под влиянием матери — Олимпиады. Он бесконечно любил и уважал мать, и Олимпиада имела право на подобное к себе отношение. Мужественная женщина даже в изгнании добивалась своих целей, главная из которых — передать македонский трон сыну. Не многочисленные воспитатели и Аристотель, а Олимпиада вырастила великого завоевателя. Всю жизнь она посвятила сыну и могла рассчитывать на его любовь и благодарность. Чувства Александра к матери распространились на всех женщин мира.

Блестящие победы, следовавшие одна за другой, изменят Александра до неузнаваемости, аскет с удовольствием испытает прелести царской жизни во дворцах Дария, с легкостью ученик Аристотеля будет уничтожать преданных друзей лишь за дерзкое слово. Одно останется неизменным — его чувства к матери. После победы при Гранике «кубки, пурпурные ткани и другие вещи подобного рода, захваченные у персов, за небольшим исключением Александр отослал матери». После взятия Газы, самого большого города Сирии, «значительную часть захваченной здесь добычи Александр отправил Олимпиаде, Клеопатре и друзьям».

Даже в пору наивысшего могущества Александра мать имела на него огромное влияние. Она часто посылала ему письма, содержавшие нужные и ненужные советы, и потому царь хранил их ото всех в тайне. Сквозь расстояние в тысячи стадий мать видела просчеты и ошибки сына.

В одном письме Олимпиада выказывает недовольство тем, что сын раздает друзьям и телохранителям огромные богатства. И руководствовалась она не жадностью или бережливостью, а совсем другими соображениями.

Оказывай своим друзьям благодеяния и проявляй к ним уважение как-нибудь иначе: ведь ты делаешь их всех равными царю, ты предоставляешь им возможность иметь много друзей, самого же себя обрекаешь на одиночество.

И она оказалась права — после невиданных успехов Александр был не менее одинок, чем любой нищий. Македонянам оказалось достаточно богатств из персидской добычи, и ни один воин не желал идти за царем в далекие неведомые страны.

И все же Александр принимал далеко не все советы Олимпиады. Плутарх замечает:

Своей матери Александр отослал много даров, но не позволял ей вмешиваться в государственные и военные дела и кротко сносил ее упреки по этому поводу.

Однажды, прочтя длинное письмо Антипатра с обвинениями против Олимпиады, Александр сказал:

— Антипатр не знает, что одна слеза матери заставит забыть тысячи таких писем.

Подобие женщины с матерью Александра значило невероятно много — перед ней открывались все пути, ради нее царь мог совершить самые невероятные поступки. Аду, «которую он назвал своей матерью», Александр сделал царицей Карии.

Среди плененных царственных женщин Дария ни одна не сразила Александра своей красотой, хотя все античные историки дают самые лестные оценки внешности принцесс. И все же им был оказан небывалый почет, потому что в старой матери Дария Александр увидел черты Олимпиады. В Сузах Александр оставил мать Дария вместе с ее семейством, он не решился подвергать их жизни опасностям нелегкого похода. Трогательная сцена прощания македонского царя с матерью его врага описана Курцием Руфом.

…Мать Дария и его детей он оставил в этом городе. При этом он велит передать Сисигамбис, к которой он относился с сыновним почтением и любовью, македонские одежды и пурпурную краску, присланные ему в большом количестве в подарок из Македонии, а также мастериц, их изготовивших. Он поручил сказать ей также, чтобы она, если одежда ей понравится, приучила своих внучек изготовлять подобные; он ведь дарит ей также мастериц, которые могут их научить этому. При этих словах у царицы выступили слезы, и она отклонила

подарок, выдав тем свою обиду: ничто не кажется персидским женщинам столь обидным, как работа с шерстью.

Вручившие подарок сообщили, что царица опечалилась, но что это ей простительно, и она достойна утешения. Царь пошел сам к ней и сказал:

— О мать, смотри, одежда, в которую я одет, — не только подарок мне от сестер, но и работа их рук. Я введен в заблуждение моими родными обычаями. Прошу тебя, не принимай за обиду мое незнание. Твои обычаи, которые мне стали известны, я, надеюсь, во всем соблюдал. Я знаю, что у вас не разрешается без позволения сыну сидеть перед лицом матери; каждый раз, как я приходил к тебе, я стоял, пока ты не давала мне знака сесть. Ты часто хотела пасть передо мною в знак уважения, я противился. Я называю тебя именем матери, которое принадлежит моей дражайшей матери Олимпиаде.

Жертва Гераклу

Некогда был один Дарий, теперь же ты создал много Александров.

Плутарх. Александр

Разбитый Дарий помышлял лишь о мире после встречи обеих армий в Киликийских вратах; вскоре к Александру прибыли послы персидского царя. Арриан пишет:

> Кому-то из богов угодно было решить сражение так, как оно было решено, — писал униженный соперник, — он же, царь, просит у царя вернуть ему мать, жену и детей, взятых в плен, желает заключить дружбу с Александром и стать Александру союзником. Он просит Александра ответить с Мениском и Арсимом, послами от персов: им поручено вручить ему и получить от него гарантии дружбы и союза.

Униженные призывы Дария не нашли понимания у того, к кому были обращены; Александру не нужен мир, хотя он мог заключить его на самых выгодных условиях. В начале ответного послания он объяснил причины своего появления в Азии (понятно, что каждую войну нужно оправдать):

> Ваши предки вторглись в Македонию и остальную Элладу и наделали нам много зла, хотя и не видели от нас никакой обиды. Я, предводитель эллинов, желая наказать персов, вступил в Азию, вызванный на то вами…

На первый взгляд кажется, мотивы были благородными, но персы пытались завоевать Грецию в 500–449 годах до н. э., а поход Александра начался в 336 году до н. э., то есть месть прилично запоздала. Персы 150 лет назад были сильно побиты эллинами и сами давно раскаялись в той давней авантюре, а нынешний Дарий никак не мог быть ответчиком за грехи далеких предков.

Греки давным-давно забыли прежние обиды, и самое интересное, они сражались на стороне Дария против Александра не жалея собственной крови и жизней. Эллины гораздо больше ненавидели македонян, лишивших их родину самостоятельности, чем персов, — последние любезно позволили грекам жить на их

землях.

В первой же битве (при Гранике) на стороне персов сражалось 20 тысяч греческих наемников, и стояли они до последнего, — даже когда все персидское войско обратилось в бегство. Александр был взбешен такой «подлостью»: всех пленных греков «он заковал в кандалы и отправил в Македонию на работу, ибо они, эллины, пошли наперекор общему решению эллинов и сражались за варваров против Эллады».

Александр пытался предстать освободителем греков, живших в Малой Азии, но последние, как оказалось, вовсе не нуждались в освобождении. Жилось им под властью Дария неплохо, платил он греческим наемникам исправно, и малоазийские эллины предпочли деньги Дария свободе Александра. Они настолько разучились пользоваться свободой, что когда Александр ввел демократические законы в захваченном Эфесе, греки дружно принялись резать друг друга. На этом нововведения Александра закончились, — он установил для греческих городов тот же самый размер дани, что они платили и Дарию.

Впрочем, Александру пришлось внести некоторые изменения в свою греческую политику из-за безумной храбрости греков. Триста защитников Милета укрылись на острове и были готовы стоять насмерть. И Александр, привыкший добиваться победы любой ценой, еще недавно обративший в рабов пленных греков, предложил наемникам из Милета мир на условии, что они пойдут к нему на службу. Остальные уцелевшие милетяне получили свободу.

Заигрывания с греками Эфеса и Милета не изменили общего отношения эллинов к Александру. В битве при Иссе против «освободителя» сражалось 30 тысяч греческих наемников, и сражались они очень неплохо. Эллинам удалось разорвать македонский строй, и если бы не трусость персов, великий поход Александра мог закончиться поражением при Иссе. Именно от эллинов македоняне понесли в битве наибольшие потери.

Европейская Греция также пыталась вмешаться в смертельную схватку гигантов, причем далеко не на стороне Александра. В числе пленных македоняне выявили эллинских послов к Дарию. Арриан перечисляет их имена, и что самое важное, территории, которые они представляли:

> Тут были Эвфилк спартанец; фивяне Фессалиск, сын Исмения, и Дионисодор, победитель на олимпийских играх, и афинянин Ификрат, сын стратега Ификрата.

Интересно, что когда Александр ушел в Индию, восстания поднимали отнюдь не персы, а греки. Курций Руф описывает

мятеж колонистов, поселенных Александром в городе близ Бактр.

> Убив несколько влиятельных лиц из своей среды, они стали пускать в ход оружие, захватили считавшуюся в безопасности и потому плохо охранявшуюся крепость Бактр и побудили варваров присоединиться к их мятежу. Вожаком их был Афинодор, присвоивший себе имя царя не столько ради власти, сколько ради того, чтобы вернуться на родину с признавшими его.

Однако вернемся к ответу Александра на миролюбивое послание Дария, дабы оценить возросшую гордыню македонского царя после удачной битвы.

> Я победил в сражении сначала твоих военачальников и сатрапов, а теперь и тебя и твое войско, и владею этой землей, потому что боги отдали ее мне. Я забочусь о твоих людях, которые, уцелев в сражении, перешли ко мне; не против своей воли остаются они у меня, а добровольно пойдут воевать вместе со мной. Я теперь владыка всей Азии; приходи ко мне. Если ты боишься, что я причиню тебе какое-либо зло, то пошли кого-либо из близких тебе получить для себя гарантии безопасности. Когда ты придешь ко мне, я верну тебе, по твоей просьбе, и мать, и жену, и детей и дам все, что ты еще пожелаешь. О чем ты меня ни попросишь, все будет твое. В дальнейшем, когда будешь писать мне, пиши как к царю Азии, а не обращайся как к равному. Если тебе что нужно, скажи мне об этом как господину над всем, что было твоим. В противном случае я буду считать тебя обидчиком. Если же ты собираешься оспаривать у меня царство, то стой и борись за него, а не убегай, потому что я дойду до тебя, где бы ты ни был.

Александр опять не стал преследовать Дария с целью уничтожить его окончательно и овладеть персидским царством. Хотя это был самый простой и верный путь к власти над Азией — после битвы при Иссе с Дарием было всего лишь 4 тысячи уцелевших после сражения персов и чужеземных наемников. Путь Александра лежал в совершенно противоположную сторону — в Финикию и Египет. Арриан сообщает:

> Выступив из Марафа, он взял Библ, заключивший с ним союз, и Сидон: сидоняне сами призвали его, так как ненавидели персов и Дария. Оттуда он направился к

Тиру. В дороге его встретили тирские послы, отправленные к нему всем городом сказать, что тирийцы сделают все, что ни прикажет Александр.

По словам Юстина, «Тирское государство прислало Александру поздравления и тяжелую золотую корону», и «он милостиво принял дар».

У жителей Тира не было никакого желания ссориться с Александром, но на беду тирийцев, у них в городе оказался храм Геракла — «древнейший, какой могут упомнить люди». Александр же имел непосредственное отношение к этому герою; как сообщает Плутарх, «происхождение Александра не вызывает никаких споров: со стороны отца он вел свой род от Геракла через Карана». Этому совсем не богобоязненному человеку захотелось непременно помолиться в храме своего предка.

Когда послы сообщили о желании Александра в Тир, «то горожане решили, что они сделают все, что прикажет Александр, но что никого из персов или македонцев они в город не пустят: при данных обстоятельствах это самая благовидная отговорка, а ввиду неизвестного исхода войны, и самое правильное поведение», — одобрил решение тирийцев даже Арриан, который с симпатией относился к Александру.

Македонскому царю было предложено альтернативное место исполнения обетов Геркулесу, а именно, «в Тире Древнем, где и храм древнее».

Александра, уже привыкшего ни в чем не терпеть отказа, страшно рассердил совет тирийцев, и он пригрозил разрушить город. Долго не думая, воинственный македонянин обосновал необходимость этого мероприятия в речи перед войском; из нее же следует, что Греция вовсе не была на стороне Александра.

> Друзья и союзники, нам опасно предпринимать поход на Египет (на море господствуют персы) и преследовать Дария, оставив за собой этот город, на который нельзя положиться, а Египет и Кипр — в руках персов. Это опасно вообще, а особенно для положения дел в Элладе. Если персы опять завладеют побережьем, а мы в это время будем идти с нашим войском на Вавилон и на Дария, то они, располагая еще большими силами, перенесут войну в Элладу; лакедемоняне сразу же начнут с нами войну; Афины до сих пор удерживал от нее больше страх, чем расположение к нам. Если мы сметем Тир, то вся Финикия будет нашей, и к нам, разумеется, перейдет финикийский флот, а он у персов самый большой и сильный. Финикийские гребцы и

> моряки, конечно, не станут воевать за других, когда их собственные города будут у нас. Кипр при таких обстоятельствах легко присоединится к нам или будет взят запросто, при первом же появлении нашего флота. Располагая на море македонскими и финикийскими кораблями и присоединив Кипр, мы прочно утвердим наше морское господство, и тогда поход в Египет не представит для нас труда. А когда мы покорим Египет, то ни в Элладе, ни дома не останется больше ничего, что могло бы внушать подозрение, и тогда мы пойдем на Вавилон, совершенно успокоившись насчет наших домашних дел. И уважать нас станут еще больше после того, как мы совсем отрежем персов от моря и еще отберем от них земли по эту сторону Евфрата.

Из тяжеловесной речи не блистающего красноречием Александра следовало, что успех в этой долгой войне зависит только от взятия Тира. Однако… Что касается Дария, то он в это время находился в положении беглеца, мечтающего о мире с Александром, а вовсе не о далекой Греции. С опасениями насчет Тира Александр либо лукавил, либо не знал, что представляет собой этот город. Если кратко охарактеризовать его, то достаточно сказать, что Тир был крупнейшим центром средиземноморской торговли. Хитрое племя финикийских купцов предпочитало улаживать конфликты с помощью денег, но не оружия, и оно не представляло никакой опасности для Александра. Воинственные соседи, стиравшие с лица земли города и селения противника, предпочитали обложить огромной данью Тир, чем захватывать и уничтожать его. Зачем убивать курицу, несущую золотые яйца? Лишь Александр руководствовался чувствами, но не разумом.

Осада неприступного города оказалась чрезвычайно тяжелым занятием; Тир находился на острове, а в Средиземном море господствовал персидский флот. Читаем у Арриана.

> Александр решил насыпью соединить город с материком. Дело, показавшееся вначале легковыполнимым, растянулось на многие месяцы. «Нетрудно было вбивать колья в ил, и самый этот ил оказался связывающим веществом, которое не позволяло камням сдвигаться с места. Македонцы с жаром взялись за дело, тем более что Александр сам присутствовал при работах; показывал, что надо делать; воодушевлял людей словом, оделял деньгами тех, кто работал с особенным

усердием, облегчая им таким образом труд. Пока устраивали насыпь у материка, дело подвигалось легко; глубина была небольшая, и работавшим никто не мешал. Когда же они дошли до более глубокого места и оказались вблизи города, то пришлось им плохо, так как их стали поражать со стен, которые были высоки. Македонцы снаряжены были скорее для работ, чем для битвы; тирийские триеры то там, то сям подплывали к насыпи (тирийцы господствовали еще на море) и часто не давали солдатам продолжать их работу.

Диодор Сицилийский рассказывает об одной удачной операции жителей Тира против строителей насыпи.

> Тирийцы, встревоженные ростом насыпи, нагрузили множество мелких суденышек катапультами и стрелами и посадили на них лучников и пращников; подплыв к работавшим на насыпи, они многих ранили и немало людей убили. Ни одна из стрел или дротиков, летевших в густую безоружную толпу, не пропадала даром: люди стояли на виду и ничем прикрыты не были. Стрелы ранили не только спереди, но пробивали насквозь тела тех, кто на этой узкой насыпи стоял лицом к врагу; невозможно было отбиться от врага, наседавшего с обеих сторон.

Александру приходилось больше думать о защите воинов, насыпавших в море дорогу, чем о взятии самого города. Македоняне поставили на насыпи две башни, установили на них метательные машины, «прикрыв их кожаными чехлами и шкурами в защиту от зажженных стрел, которые метали со стен тирийцы». Грандиозные строения македонян не только не защитили их, но стали причиной новых бед. Новую хитрость жителей Тира описывает Арриан.

> Тирийцы в ответ на это придумали следующее: они взяли судно, на котором перевозят лошадей, нагрузили его сухим хворостом и всяким горючим материалом, поставили на носу две мачты и обвели их загородкой, захватив столько места, сколько было возможно; в эти загородки они наложили соломы и много-много факелов. Кроме того, они положили еще смолы, серы и вообще всего, что способствовало бы большому пожару. К обеим мачтам они прикрепили по две реи, а на них повесили котлы, содержимое которых, вылившись,

должно было еще усилить пламя. На корме они поместили балласт, чтобы она осела под его тяжестью, отчего нос поднялся бы кверху. Затем они выждали, когда ветер задует в сторону насыпи, и привязав это судно к своим триерам, повели его на буксире. Приблизившись к насыпи и башням, они подожгли горючий материал и, подтягивая в то же время как можно быстрее судно, пустили его к краю насыпи. Люди, находившиеся на уже горящем судне, легко спаслись вплавь. В ту же минуту огромное пламя перекинулось на башни; реи обломились, и в огонь вылилось все, что было заготовлено для его поддержания. Триеры стали на якорь неподалеку от насыпи; с них начали пускать стрелы в башни, и к ним стало опасно подходить тем, кто был занят тушением пожара. И когда башни были уже охвачены огнем, из города выбежала толпа людей; они сели в челноки и, приставая в разных местах к насыпи, без труда повыдергивали колья, укреплявшие с боков насыпь, и подожгли все машины, которые не охватил еще огонь с судна.

Насыпь Александра, на которую было потрачено полгода неимоверного труда, которая была обильно полита македонской кровью, оказалась совершенно бесполезным сооружением. По утверждению Арриана, машины, стоявшие на насыпи, не нанесли стене никаких значительных повреждений: так она была крепка. Еще бы! У тирийцев хватало времени для ее укрепления.

Александру пришлось собирать флот, чтобы атаковать злосчастный город со стороны моря. Македонским кораблям наконец-то удалось приблизиться к стенам и начать штурм. Александр шел за солдатами, сам активно участвовал в деле и в то же время наблюдал, «кто отличился в бою блистательной отвагой».

Македонян приходилось уговаривать не уступать в мужестве, настолько им надоело терпеть лишения под Тиром. Александр понял, что если город не будет взят немедленно, войско может взбунтоваться. Диодор рассказывает:

> И тут он отважился на такое дело, видя которое, люди не поверили своим глазам. Перебросив мостки с деревянной башни на городские стены, он — один — взбежал на стену, не убоявшись ни завистливой судьбы, ни храбрых тирийцев, взбежал перед зрителями — воинами, победившими персов. Он приказал македонцам следовать за собой; первый в рукопашной схватке убил

одних копьем, других — мечом, некоторых отбросил щитом и заставил врагов несколько присмиреть. В это же время с другой стороны таран пробил большую брешь. Когда македонцы ворвались через пролом, а те, кто был вместе с Александром, взошли на стену, то город был взят. Тирийцы, ободряя друг друга, перегородили узкие проходы и все — за вычетом немногих — пали, сражаясь. Было их больше 7 тысяч. Царь обратил в рабство детей и женщин, а всех юношей (было их не меньше 2 тысяч) велел повесить. Хотя большая часть населения была увезена в Карфаген, пленных оказалось больше 13 тысяч. Тирийцы, решив выдерживать осаду, обнаружили больше храбрости, чем благоразумия. Они навлекли на себя великие несчастья: в осаде просидели 7 месяцев.

Большая часть богатств Тира за время осады была переправлена в Карфаген, ибо древние авторы, которые подробно перечисляли добычу Александра после побед над персами, на сей раз молчат. Единственной ценной добычей, доставшейся Александру, были снятые с Аполлона цепи и оковы. Дело в том, что во время осады одному горожанину приснился сон, что Аполлон собирается покинуть город. Чтобы этого не случилось, тирийцы в страхе приковали золотыми цепями статую Аполлона к пьедесталу. Сняв оковы, Александр велел называть этого бога «Аполлоном, другом Александра».

Взятием города македонский царь достиг единственной цели, ради которой и была начата осада. Но стоила ли она потраченного времени и сил? По сообщению Арриана, Александр принес жертву Гераклу и устроил в его честь процессию, в которой участвовало войско в полном вооружении.

> Корабли следовали за процессией в честь Геракла. Александр устроил на священном участке гимнастические состязания и бег с факелами. Машину, которая пробила стену, он принес в дар храму, так же как и тирийский священный корабль Геракла, который он захватил в сражении.

Александр, видимо, посчитал, что под Тиром было мало поводов проявить героизм, несмотря на семимесячную осаду. Еще об одном сумасбродном поступке македонского царя рассказывает Плутарх.

> Во время осады Александр совершил поход на обитавших в горах Антиливана арабов. В этом походе

> царь из-за своего воспитателя Лисимаха подверг свою жизнь серьезной опасности. Этот Лисимах повсюду сопровождал Александра, ссылаясь на то, что он не старше и не слабее Феникса. Когда воины Александра приблизились к горам, они оставили коней и двинулись дальше пешком. Все ушли далеко вперед, но царь не решался покинуть уставшего Лисимаха, тем более что наступал вечер и враги были близко. Ободряя старика и идя с ним рядом, Александр с немногими воинами незаметно отстал от войска и, когда стало темно и очень холодно, остановился на ночлег в месте суровом и опасном. Вдали там и сям виднелись костры, разведенные неприятелем. Александр, который в беде всегда умел собственным примером ободрить македонян, рассчитывая на быстроту своих ног, подбежал к ближайшему костру. Двух варваров, сидевших возле огня, царь поразил мечом, затем, выхватив из костра головню, он вернулся к своим. Македоняне развели такой большой костер, что часть варваров была устрашена и обратилась в бегство, тех же, кто отважился приблизиться, они отбросили и остаток ночи провели спокойно.

Юношей Александр мечтал завоевать мир и ревниво следил за успехами отца, опасаясь, что ему мало останется непокоренных земель. Но для чего ему необъятные земли?

Он бездумно разрушает города, которые могли бы стать жемчужиной македонской империи. Он покорял область за областью и тут же отдавал в управление прежним хозяевам или случайным людям. Сатрапом Келесирии Александр поставил Мемнона, сына Кердима. Перебежчика Мазея он одаряет сатрапией Вавилонии; Армения будет дана в управление Митрену, сдавшему Александру Сарды. Сына Мазея, читаем у Плутарха, одного из влиятельнейших людей при дворе Дария, Александр жаловал второй сатрапией, еще более обширной, чем та, которой он уже управлял, но сатрап не принял дара и сказал царю:

— Некогда был один Дарий, теперь же ты создал много Александров.

Примечательный случай рассказывает Юстин:

> Смотря по заслугам, Александр делал одних своими союзниками, у других отнимал царскую власть и ставил на их место новых царей. Среди всех них особенно замечателен Абдолоним, поставленный Александром в

цари сидонские. Хотя он ранее работал по расчистке высохших колодцев и по поливке садов и вел нищенский образ жизни, Александр сделал его царем, пренебрегши людьми знатными, чтобы никто не мог подумать, будто своим саном он обязан своему происхождению, а не милости даровавшего.

Личный подвиг стал главной целью в жизни македонского царя. Это был античный Ричард Львиное Сердце. Он не упускал ни единой возможности совершить подвиг, не думая о целесообразности, не заботясь о жизни воинов, иногда много раз на дню рискуя собственной жизнью. Именно этим можно объяснить многие кровавые битвы и тяжелые осады городов, поражающие полным отсутствием рационализма и бессмысленностью жертв.

Пока Александр бродил по Азии, его родина оказалась в серьезной опасности. Антипатру, оставленному правителем Македонии, пришлось вести тяжелую войну со Спартой. В решающей битве, по свидетельству Курция Руфа, «погибло 5300 спартанцев, а македонцев не больше тысячи, но почти никто не вернулся в лагерь без ран». На памяти людей не было более отчаянного сражения. И как же Александр отнесся к славной победе соотечественников? «Александр хотя и желал победы над врагом, был недоволен, что это успех Антипатра, и громко говорил об этом, считая, что слава другого наносит ущерб его собственной».

Когда шла осада Тира, к Александру вновь явились послы персидского царя. На этот раз Дарий предлагал Александру «десять тысяч талантов выкупа за пленных, все земли по эту сторону Евфрата, одну из дочерей в жены, а также свою дружбу и союз. Когда Александр сообщил об этом предложении приближенным, Парменион сказал:

— Будь я Александром, я принял бы эти условия.

— Клянусь Зевсом, я сделал бы так же, — воскликнул Александр, — будь я Пармением!

Александр написал Дарию, что тот может рассчитывать на самый радушный прием, если явится к македонянам; в противном случае он сам пойдет на персидского царя.

Сладостные звуки

Прежняя рана его еще не зажила, а он все же, опираясь на копье, оставался в первых рядах сражающихся, негодуя на то, что получил две раны при осаде этого города.

Руф Квинт Курций. История Александра Македонского

Город Газа, к своему несчастью, оказался на пути из Финикии в Египет, куда стремился попасть Александр. Это был последний город на краю пустыни, и македонскому царю захотелось совершить еще один подвиг, прежде чем останутся позади разоренные Финикия и Сирия. Длительная осада Тира не стала уроком для Александра.

Нелегко было добраться до Газы: дорога к городу шла по сыпучим пескам, дно моря у его стен было илистым и вязким. Но Александр дошел. Довольно подробно описывает события под Газой Арриан.

Александр в храме Иерусалима (Картина Себастьяно Конка. XVII век)

Помимо неудобств на подступах к Газе, она располагалась на высоком валу, который был обведен мощной стеной. Евнух Бат (или Бетис, как называет его Курций Руф), правивший городом, набрал арабов-наемников, запасся продовольствием на случай длительной осады и не собирался сдаваться пришельцу из далекой Македонии. Он не мог понять, что Александр не только не боялся трудностей, но и искал их намеренно. Слушаем Арриана.

> Александр, подойдя к городу, прежде всего расположился лагерем в том месте, где стена казалась ему наиболее доступной, и велел собирать машины. Строители машины высказали такую мысль, что взять стену приступом нельзя по причине высоты вала, но Александр считал, что взять ее тем необходимее, чем это труднее: врагов такое предприятие поразит своей неожиданностью, а для них неудача будет позором на всю Элладу и перед Дарием. Он решил насыпать вокруг города свой вал, чтобы с этой насыпи, равной по высоте валу Газы, и подвести машины к стенам. Вал был насыпан с южной стороны города, где стена казалась наиболее доступной.

Почва оказалась крайне неудобной для продвижения осадных машин: песок рассыпался и оседал перед колесами, верхние ярусы башен падали на македонян, из последних сил толкавших передвижные сооружения. Воины Александра гибли еще до столкновения с противником.

Прежде чем начать штурм Александр, по античной традиции, решил умилостивить богов жертвоприношением.

> Он собирался уже осуществить положенный обряд над первым животным, как вдруг какая-то хищная птица, пролетая над алтарем, уронила ему на голову камень, который она несла в когтях. Александр спросил прорицателя Аристандра, что знаменует эта птица. Тот ответил ему:
>
> — Царь, ты возьмешь город, но бойся сегодняшнего дня.

Предсказание озадачило Александра, и он некоторое время держался возле штурмовых машин, но вне досягаемости вражеских стрел. Во время битвы один араб из защитников Газы бросился к ногам Александра под видом перебежчика. Александр приказал ему встать, но в следующий миг варвар замахнулся мечом над головой македонского царя. Реакция у царя-воина была отменной; он отклонил в сторону голову и молниеносно отрубил руку врага вместе с занесенным мечом.

Александр посчитал, что в этом случае осуществилась предсказанная ему опасность. И разве мог македонский царь оставаться вдали, когда началась жаркая битва и до его слуха донеслись сладостные звуки ударов мечей, свистящий полет стрел.

> Когда же из города была сделана большая вылазка, когда арабы стали поджигать машины и, находясь на высоте, поражать македонцев, которые отбивались, стоя внизу, когда их стали теснить с насыпанного вала, то Александр или сознательно пренебрег советом прорицателя, или же, не помня себя в схватке, забыл о его предсказании, но только во главе щитоносцев он кинулся на помощь туда, где македонцев особенно теснили. Он удержал их от позорного бегства с вала, но сам был поражен в плечо из катапульты: стрела насквозь пробила и щит, и панцирь. Увидев, что слова Аристандра сбылись относительно раны, он обрадовался, так как из предсказания следовало, что он возьмет город.

Однако радость Александра была преждевременной, а полученная тяжелая рана оказалась напрасной. Газа выдержит три штурма, и только после двухмесячной осады удача улыбнется Александру. Курций Руф описывает последний штурм Газы. Македоняне продолжали увеличивать насыпь, сделав ее равной по высоте стенам Газы, одновременно тайно подводились подземные ходы в сторону города.

> Горожане на прежней высоте стен надстроили новые укрепления, но и они не могли сравняться с высотой башен, возведенных на насыпи. Таким образом, внутренняя часть города была открыта для вражеских стрел. Крайняя беда пришла к горожанам, когда стена, подрытая из подкопа, рухнула, и через брешь в город ворвался неприятель. Передние ряды вел сам царь, но, ступив неосторожно, повредил себе камнем ногу. Прежняя рана его еще не зажила, а он все же, опираясь

на копье, оставался в первых рядах сражающихся, негодуя на то, что получил две раны при осаде этого города.

Македоняне заразились вирусом безумной храбрости от царя-героя. Лестницы были приставлены к стене — македонцы начали соревноваться, кто храбрее, то есть кто первым взойдет на стену.

Город уже был взят, но его жители продолжали сражаться до тех пор, пока все не погибли. Печальна была кончина правителя города Бата (Бетиса). Страдающий от многих ран, он продолжал ожесточенно сражаться, но был пленен македонянами. Мужество правителя Газы нисколько не смягчило гнев Александра — слишком дорого обошелся ему этот город. Согласно Курцию Руфу, Александр произнес, обращаясь к истекавшему кровью Бетису:

— Не так ты умрешь, как хотел; тебе придется вынести все виды пыток, какие могут быть придуманы для пленника.

Но Бетис, глядя на царя не только бесстрашным, но и надменным взором, ничего не ответил на его угрозы.

Тогда Александр воскликнул:

— Видите ли, как он упорно молчит? Склонил ли он колена, просит ли пощады? Но я заставлю его прервать молчание, и если не слова, то исторгну из него хотя бы стоны!

Александр впал в ярость. «Через пятки еле дышавшего Бетиса были продеты ремни, его привязали к колеснице», и кони потащили несчастного вокруг города. Царь Александр хвалился: придумав такую казнь врагу, он подражает Ахиллу, от которого ведется его род. Историк сообщает, что около 10 тысяч персов и арабов погибло в этой битве, но и для македонцев победа не была бескровной. Оставшихся в живых женщин и детей Александр обратил в рабство; опустевшую Газу он позволил заселять местным жителям.

После взятия Газы Александр послал в Македонию Аминту с десятью триремами для набора новых воинов. «Ведь и при удачах таяли военные силы, — замечает Курций Руф, — а к воинам из покоренных племен меньше было доверия, чем к своим». Удивительно другое: потери Александра в самых знаменитых битвах были ничтожны, македоняне гибли в основном при осаде и штурме городов. А ведь жители Тира имели огромное желание договориться с царем македонян, а несчастную Газу лучше было обойти стороной — после окончательной победы Александра над Дарием всем осколкам обширнейшей империи ничего бы не оставалось, как признать власть сильнейшего. Но Александр продолжал делать то, что меньше всего у него получалось и

стоило войску огромных жертв, — брать неприступные города.

Очередная кровавая авантюра разве что потешила самолюбие Александра. Плутарх рассказывает:

> Воспитателю Леониду, вспомнив об одной своей детской мечте, он послал пятьсот талантов ладана и сто талантов мирры. Некогда Леонид во время жертвоприношения упрекнул Александра, хватавшего благовония целыми пригоршнями и бросавшего их в огонь:
>
> — Ты будешь так щедро жечь благовония, когда захватишь страны, ими изобилующие. Пока же расходуй то, чем располагаешь, бережливо.
>
> Теперь Александр написал Леониду: «Я послал тебе достаточно ладана и мирры, чтобы ты впредь не скупился во время жертвоприношений!»

Вследствие лести

— Привет тебе, сын мой! Так обращается к тебе бог.

— Принимаю твой привет, — ответил Александр, — и впредь буду называться твоим сыном, если только ты дашь мне власть над всей землей.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека

Мудрые египтяне поняли, что с безумием сражаться невозможно. К тому же, они недолюбливали своих персидских правителей, «считая, что они алчны и высокомерны». Сатрап Дария, не имея сил для борьбы, передал Александру Мемфис, а вместе с городом вручил ему 800 талантов и все царское имущество.

Александру не пришлось покорять Египет, но египтяне покорили македонского царя самым действенным оружием — лестью. Приняв власть над страной пирамид, Александр отправился к знаменитому храму Амона (римляне отождествляли его с Юпитером). Курций Руф пишет:

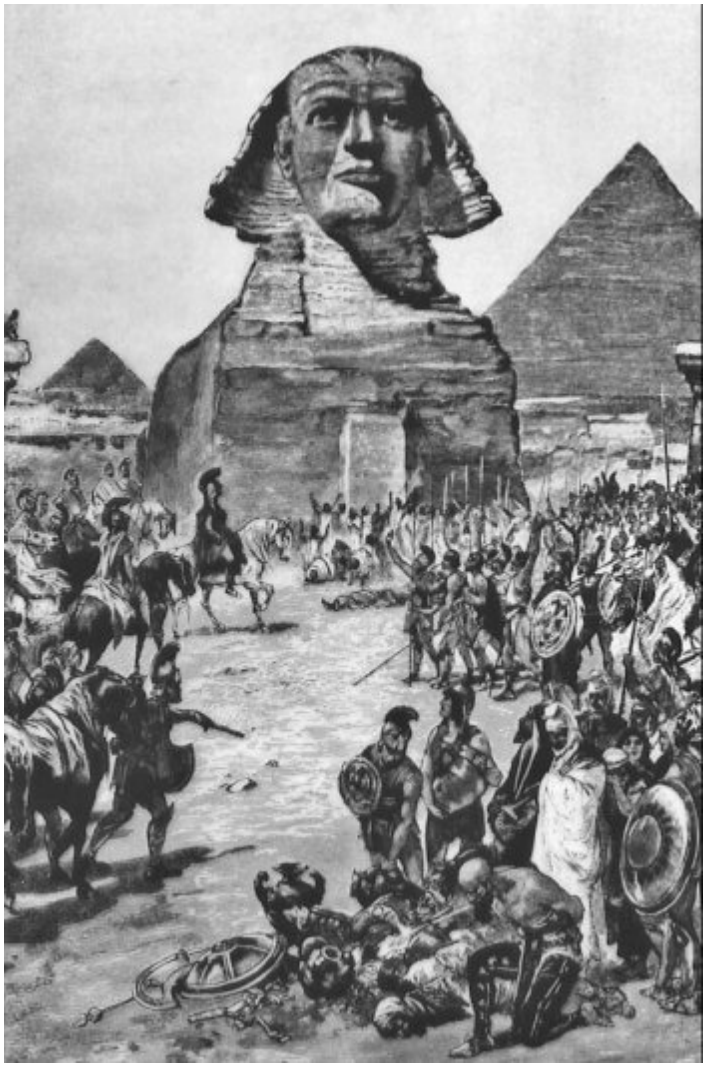
> Ему предстоял путь, едва доступный по трудности лишь немногим, и притом опытным, людям. Там недостает влаги на земле и в воздухе, простираются бесплодные пески, пышущие невыносимым жаром, и почва, раскаленная от солнечных лучей, обжигает ноги. Там надо бороться не только с жарой и засухой, но еще и с сыпучим и очень глубоким песком, в котором вязнут ноги. Египтяне преувеличивали значение этих трудностей, но Александра побуждало страстное желание дойти до храма Юпитера, которого он, не довольствуясь происхождением от смертных, считал своим прародителем, или хотел, чтобы его таковым считали.

Плутарх также описывает трудности исполнения новой прихоти Александра.

> Дорога туда была длинная, тяжелая и утомительная. Более всего путникам грозили две опасности: отсутствие

воды, ибо много дней они шли пустыней, и свирепый южный ветер, который обрушивался на них среди зыбучих бесконечных песков. Говорят, что когда-то в древности этот ветер воздвиг вокруг войска Камбиза огромный песчаный вал и, приведя в движение всю пустыню, засыпал и погубил пятьдесят тысяч человек. Все это было известно почти всем, но если Александр ставил перед собой какую-либо цель, удержать его было невозможно. Ибо судьба, покровительствовавшая его устремлениям, делала его упрямым. Он не только ни разу не был побежден врагами, но даже оказывался сильнее пространства и времени; это поощряло его и без того пылкое честолюбие и увлекало на осуществление самых пылких замыслов.

Македоняне в полной мере сумели оценить опасности маршрута, о которых любезно предупредили египтяне. На середине пути закончилась вода, и не было никакой надежды найти ее среди раскаленных песков. Со всех сторон до самого бескрайнего горизонта македонян окружала мертвая бесплодная земля, ноги проваливались в глубокий песок, путешественниками овладело отчаяние. Македоняне приготовились разделить участь войска Камбиза, как вдруг тучи закрыли солнце, — удача не покинула Александра в очередной опасности. Разразилась гроза, и полил сильный дождь. Люди, измученные жарой и жаждой, старались промокнуть и жадно ловили ртом воду.



Войска Александра Македонского в Египте

После благодатного, столь редкого в пустыне дождя войско Александра еще четыре дня шло по пескам. Отчаяние снова начало овладевать македонянами, и тут в небе появилось множество воронов. Покружившись над путниками, они исчезали вдали. Естественно, птицы, увидев, что жертва в лице устало бредущих македонских солдат еще не созрела, улетали туда, где находилась обжитая земля. Таким образом, они привели Александра к цветущему оазису Амона.

Курций Руф описывает место, куда попали македонские

скитальцы.

> Кажется совершенно невероятным, что среди обширной пустыни оно (святилище бога) со всех сторон закрыто густыми ветвями, едва пропускающими лучи солнца, и много источников пресной воды протекает повсюду, орошая лес. Удивительная также там мягкость климата; он одинаково здоров здесь во все времена года и больше похож на весенний.

Столь же восторженно о священном оазисе отзывается Диодор Сицилийский.

> Участок этот, окруженный песчаной безводной пустыней, лишенной всего, что мило человеку, простирается стадиев на 50 в длину и в ширину. По нему протекает множество прекрасных ручьев, и он засажен самыми разнообразными и очень урожайными деревьями. Вокруг стоит зной, и только здесь жители не знают ни жары, ни холода… Недалеко от акрополя выстроен под сенью высоких деревьев другой храм Амона. Вблизи от него находится источник, который по следующей причине называют источником Солнца: вода в нем удивительным образом меняется в соответствии со временем дня. На рассвете его вода прохладна; чем дальше идут часы, тем она становится холоднее и в полуденный жар достигает предельного охлаждения; затем, по мере того как день склоняется к вечеру, она теплеет и теплеет, нагреваясь до самой полуночи, а затем начинает остывать, пока не придет с рассветом в свое начальное состояние.

Александр пришел сюда не любоваться земным раем; его интересовал местный небожитель, он спешил услышать оракула, подтверждающего родство Амона с ним — царем македонян. И жрецы Амона прекрасно понимали, что желал услышать высокий гость, какими словами удовлетворить все желания честолюбца. Они ввели Александра в храм, и он увидел бога. Старший пророк, человек далеко не молодой, подошел к нему со словами:

— Привет тебе, сын мой! Так обращается к тебе бог.

— Принимаю твой привет, — ответил Александр, — и впредь буду называться твоим сыном, если только ты дашь мне власть над всей землей.

Жрец вошел в святилище, и пока люди, несшие бога, двигались, подчиняясь указаниям божественного голоса, он

сказал Александру, что бог обязательно исполнит его просьбу.

— Напоследок открой мне то, что я ищу узнать: настиг ли я всех убийц моего отца или кто-то еще остался?

Вопрос македонского царя был очень рискованным, если учесть, что в убийстве Филиппа обвиняли Олимпиаду и, косвенно, самого Александра. Но македонский царь очень хотел еще раз услышать, что он сын бога; и жрецы опять его не разочаровали.

— Не кощунствуй, — закричал жрец, — нет на земле человека, который мог бы убить того, кто родил тебя! Убийцы же Филиппа понесли наказание. Доказательством же твоего рождения от бога будет успех в твоих великих предприятиях: и раньше ты не знал поражений, а теперь будешь вообще непобедим.

Спутникам Александра оракул настоятельно рекомендовал, чтобы они почитали Александра как бога, а не как царя. Последним советы Амона не очень понравились, они со своими царями привыкли общаться без особых церемоний, а с богами и вовсе дел не имели.

Пожалуй, наиболее верно выразил смысл визита царя в храм Амона Александр Мень:

> Покоритель народов, которому сопутствовал неслыханный успех, первый человек Запада, державший в руках Грецию и Малую Азию, Сирию и Египет, он не мог не задумываться над своей удивительной судьбой. Казалось, какие-то загадочные силы постоянно помогают ему.
>
> Он нередко вступал в бой без всяких шансов на успех и неизменно торжествовал победу. Он повелевал целыми народами, по мановению его руки шли тысячи воинов, плыли корабли, рушились неприступные крепости. Тому, кто вознесен столь высоко, трудно не быть в какой-то степени мистиком. Александр боготворил Ахилла, поклонялся Гераклу. Но не были ли они сынами богов? А теперь о нем самом божество Востока изрекло вещее слово. Только близорукость историков может сводить все его поступки к трезвому расчету. Александр жил в мире богов и героев…
>
> Быть может, в тот момент, когда Александр услышал ответ оракула Амона, он решил, что найдена разгадка его удач: он не простой человек, а *человекобог*, на которого возложена всемирная миссия объединить народы. Мир страдает от войн, голода, вражды, но

> Александр сотрет разделяющие его границы; он прекратит войны и междоусобицы. Он будет единым владыкой единого человечества.

Александр настолько поверил в свое божественное происхождение, что позднее, раненный стрелой и испытывавший жестокие страдания, удивлялся, что из раны течет обычная кровь, а не «влага, какая струится у жителей неба счастливых».

Причисление Александра к миру богов принесло ему больше вреда, чем пользы. Не в лучшую сторону изменился его характер. Юстин замечает, что «с тех пор увеличилось его высокомерие, возросла надменность и исчезла та обходительность, которую он приобрел ранее от изучения греческой мудрости и от македонского воспитания». Мнение Юстина разделяет Курций Руф.

> Итак, царь не только позволил называть себя сыном Юпитера, но даже отдал об этом приказ; он хотел этим возвеличить славу своих подвигов, но на деле подорвал ее. И македонцы, привычные к царской власти, но все же с большей свободой, чем у других народов, отвернулись от своего царя, добивавшегося бессмертия с настойчивостью, смущавшей их самих и не подобавшей царю.

Польза от визита Александра в храм Амона была лишь египтянам. Он не разрушил в их землях ни одного города, не обратил в рабство ни одного жителя, однако Александр не мог покинуть страну прежде чем совершит великое деяние. И родина Амона получила великолепный подарок в виде основанного города Александрии, которая впоследствии стала жемчужиной Египта.

Место для города было выбрано чрезвычайно удачно. Плутарх рассказывает, что «то была полоса земли, подобная довольно широкому перешейку; она отделяла обширное озеро от моря, которое как раз в этом месте образует большую и удобную гавань». Нетерпеливый Александр, как только увидел это благодатное место, приказал немедленно начертить план города. У архитектора не оказалось мела, и будущие черты города наметили мукой.

> Царь был доволен планировкой, но вдруг, подобно туче, с озера и с реки налетело бесчисленное множество больших и маленьких птиц различных пород и склевало всю муку. Александр был встревожен этим знамением,

но ободрился, когда предсказатели разъяснили, что оно значит: основанный им город, объявили они, будет процветать и кормить людей самых различных стран.

И действительно, впоследствии Александрия снабжала Рим и подвластные ему земли превосходной египетской пшеницей.

Александрия

Кроме удобной гавани, город имел преимущества, делавшие проживание в нем весьма комфортным. Именно они привлекли в Александрию избалованную знать. Диодор сообщает, что «благодаря искусному расположению улиц город открыт ветрам — отесиям, которые дуют с моря, принося с собой прохладу, и делают здешний климат умеренным и здоровым».

Позаботился Александр и о безопасности: окружил город огромной стеной — «она шла между озером и морем, а со стороны суши в нее вело только два узких, легко защищаемых

прохода». Центральную улицу города застроили роскошными домами и храмами.

> Велел Александр выстроить и дворец; его величина и мощность постройки поразительны. Не только Александр, но и все, кто царствовал в Египте после него и до наших дней, прибавляли что-нибудь к роскоши дворца. Вообще же город впоследствии так разросся, что многие считали его первым в мире. Он значительно выделялся и красотой, и размерами, возможностями хорошо заработать, а также обилием предметов роскоши. И числом населения город этот превосходит остальные.

В начале нашей эры население Александрии составляло миллион человек, и таким образом, творение Александра превратилось во второй по величине город античности (после Рима).

Хотя экспедиция Александра в Египет получилась весьма мирной, не обошлось без потерь и здесь. Погиб сын лучшего полководца Александра. По Курцию Руфу, произошло это весьма досадным образом:

> Сын Пармениона, Гектор, юноша в цветущем возрасте, особенно дорогой Александру, желая догнать царя, спускавшегося по реке, посадил с собой на маленькое судно больше людей, чем оно могло вместить. Поэтому лодка потонула, и люди были предоставлены своим силам. Гектор долго боролся с рекой, но мокрая одежда и тяжелая обувь мешали ему плыть; все же он, еле живой, достиг берега, но как только пришел в себя от сильнейшего напряжения и страха, не получив ни от кого помощи (другие выплыли в прочих местах), вскоре испустил дух. Царь был сильно опечален потерей Гектора и, найдя его тело, похоронил с пышностью.

Омрачило Александра также известие из Сирии: Андромаха, которого царь поставил во главе этой страны, заживо сожгли самариты. Так был отомщен жестоко замученный Александром правитель Газы. Кровь за кровь, смерть за смерть, жестокость за жестокость — коль начал Александр великую бойню, он не мог долго оставаться в Египте и любоваться лучшим творением своей жизни — Александрией.

Гавгамелы

Подойдя к царю, только что закончившему жертвоприношения, они посоветовали Александру напасть на врагов ночью, чтобы темнотою было скрыто то, что в предстоящей битве может внушить наибольший страх македонянам. Знаменитый ответ Александра: «Я не краду победу» — показался некоторым чересчур легкомысленным и неуместным перед лицом такой опасности.

Плутарх. Александр

Увлекшись осадой Тира и Газы, постройкой Александрии и прочими делами, Александр совершенно забыл о Дарии. А тот отнюдь не безучастно наблюдал, как враг терзает города его царства…

Казалось, Александр намеренно давал противнику время собраться с силами, вместо того чтобы добить его после очередной удачной битвы. Впрочем, так оно и было: царь македонян не любил побед маленьких — они приносят мало славы.

За два года, прошедшие со времени битвы при Иссе, Дарий собрал армию, которой не знал античный мир: древние историки называют цифру в миллион воинов. Кроме традиционных пехоты и конницы персы выставили грозное оружие — 200 серпоносных колесниц.

Так как персы возлагали на это смертоносное изобретение большие надежды, приведем их описание, имеющееся у Курция Руфа.

На конце дышла торчали копья с железными наконечниками; с обеих сторон ярма направлены были против врагов по три меча; со спиц колес торчало по многу острых ножей, другие были прикреплены к ободьям колес или под кузовом и направлены остриями вниз, чтобы подсекать все, что только попадется на пути скачущих коней.

Огромная убойная сила была не единственным достоинством колесниц; применялись они и как психологическое оружие. По словам Диодора, они устраивались «с точным расчетом на то, чтобы пугать и устрашать людей».

Обладая гигантским войском, Дарий не спешил навстречу Александру; он достаточно хорошо изучил своего противника и был уверен: македонский царь сам придет к нему. Персы расположились лагерем у селения Гавгамелы; здесь же, по замыслу Дария должна состояться битва. Местность как нельзя лучше подходила для развертывания огромной армии. Бескрайняя равнина была очень удобна для конницы (она у персов насчитывала 200 тысяч) и, конечно, колесниц. На открытом пространстве не было ни кустика, ни дерева, вдобавок Дарий приказал сгладить все неровности почвы.

На первый взгляд может показаться странным, что Дарий, обладая таким войском, боялся встречи с Александром. Он даже послал военачальника Мазея с 6 тысячами отборных воинов, чтобы тот воспрепятствовал переправе Александра через Евфрат. Если македоняне все же переправятся, было приказано выжигать и опустошать области, по которым им предстояло идти.

Персидский царь не был уверен в своем войске, набранном из десятков народов — от Греции до Индии и берегов Каспия. По словам Диодора Сицилийского, Дария «очень беспокоила мысль о том, как бы среди множества людей, говоривших на разных языках, не возникло смятения». Войско огромно, но в то же время оно, как одежда, сшитая из заплат нитками не самого лучшего качества, не было единым слаженным механизмом, в отличие от македонской фаланги. У Дария было много сатрапов, раболепствующих придворных, но не имелось столько значительных и талантливых военачальников, как в ничтожном по численности войске Александра. Каждый народ Персидской державы сражался своим оружием, придерживался своей тактики; а все вместе следили за поведением царя в битве, а военачальник из Дария был неважный. Хуже всего, что ему в критические моменты изменяло мужество, и тогда все войско бежало вслед за повелителем.

С оружием в войске Дария было довольно неважно: «его собирали с большим трудом». Чтобы увеличить конницу, пехотинцам роздали табуны необъезженных коней. Что стоили эти новорожденные всадники против фессалийцев Александра, которые учились одновременно ходить и скакать на лошади?

— Пусть они только посмотрят на неустройство персидского войска: у одних нет ничего, кроме дротика, другие мечут камни из пращей, лишь у немногих есть полное вооружение, —

обращается Александр к македонянам накануне битвы.

Неудивительно, что Дарий вновь предлагает мир Александру на условиях более чем приемлемых. Александру предлагались необъятные территории, но македонян больше прельстил выкуп за царственных пленниц — размер его мог обеспечить безбедную жизнь всем воинам до глубокой старости.

Александр Мень приходит к такому выводу:

> Какими смехотворными… должны были казаться сыну Филиппа все мирные предложения Дария! Он не собирался останавливаться до тех пор, пока не станет владыкой всех народов; он целиком сжился с идеей *империи*, уже давно зародившейся на Востоке, стал продолжателем Саргона, Навуходоносора и Кира.

Впрочем, все только мечтали о персидских деньгах, не смея высказать свои вожделения вслух, — нрав Александра становился все круче, все меньше он терпел мнение, отличное от собственного. Только когда царь позволил на совете высказаться, Парменион выразил всеобщее мнение. О растущей оппозиции Александру и его фатальном упрямстве рассказывает Курций Руф.

> Он уже и раньше советовал отпустить за выкуп пленников из Дамаска; можно выручить большие деньги за тех пленников, которые из-за своей многочисленности требуют для охраны много рук храбрых воинов. Он и на этот раз очень советует царю обменять одну старуху и двух девушек — обузу в пути и боевых действиях — на 30 тысяч талантов золота. Богатым царством можно овладеть при помощи договоров, а не войны, да и никто никогда не обладал на протяжении от Истра до Евфрата столь обширными и отдаленными землями. Лучше ему заботиться о Македонии, чем зариться на Бактрию и индов. Речь его (Пармениона) была неприятна царю. Итак, чтобы положить конец обсуждению, он сказал:
>
> — И я бы предпочел деньги славе, если бы был Парменионом. Но я Александр, я не беспокоюсь о недостатке денег и помню, что я не купец, а царь. У меня нет ничего для продажи, а уж судьбу свою я, конечно, не продаю. Если угодно отпустить пленных, то почетнее вернуть их даром, чем взять за них выкуп.

Послам Дария Александр горделиво ответил:

> — Я пришел в Азию не для того, чтобы получать от

> других, но чтобы самому раздавать. Если он согласен считаться вторым, а не равным мне, я, пожалуй, сделал бы, о чем он просит. Впрочем, мир не может управляться двумя солнцами и вместить два величайших царства при неприкосновенности земель. Поэтому пусть он приготовится к сдаче сегодня или к войне на завтра…

Александр, поглощенный идеей единовластного царствования над миром, не мог и не хотел реально оценивать ситуацию. Македонские разведчики, определившие численность вражеской армии, не могли убедить Александра, что после стольких потерь в битвах персы создали новую, еще более многочисленную армию. Впрочем, для Александра не имело значения количество войска противника: он бог, и, следовательно, среди смертных ему нет равных. Прежние небывалые удачи давали право в это верить.

На первых порах все благоприятствовало Александру. Он молниеносно достиг Евфрата. Вселяла надежду и быстрая бескровная переправа через Евфрат: Мазея бежал, как только македоняне приблизились к реке. Вместо того чтобы дать бой на удобном рубеже, сатрап Дария принялся опустошать и выжигать местность, по которой предстояло идти Александру. Этот способ борьбы был малоэффективным, так как уже на четвертый день македоняне вышли к берегам Тигра.

Переправа через эту реку оказалась гораздо труднее предыдущей, о чем нам рассказывает Курций Руф. Мостов поблизости не оказалось, строить их не было времени — переходили Тигр вброд, при сильном течении, немалой глубине; по дну, усеянному камнями, которые выскальзывали из-под ног.

> Особенно тяжело было тем, кто нес груз на плечах: нетвердо шагая, они не могли сопротивляться быстринам из-за неудобной ноши, и так как каждый берег свой багаж, то им приходилось бороться между собой даже больше, чем с потоками; много грузов, уносимых водой, сбивало с ног людей. Царь убеждал их беречь хотя бы оружие, обещая возместить остальные утраты; но никто не мог услыхать ни его советов, ни приказаний; все были охвачены страхом, и стоял большой шум от общих криков плывущих. Наконец они выплыли на те места, где течение было слабое, и ничего не пропало, кроме некоторого количества багажа. Если бы кто решился вступить здесь с ними в бой, все войско могло бы быть уничтожено; но неизменное счастье царя и на этот раз избавило его от врага.

Царь дал два дня отдыха изрядно потрепанному Тигром войску. В ночь перед выступлением случилось затмение луны, едва не прекратившее дальнейший поход. Македоняне с ужасом смотрели на небо, окрашенное кровавыми оттенками и внушавшее им больший страх, чем миллионная армия персов. Курций Руф рассказывает о первом случае недовольства македонян, которое едва не переросло в открытый бунт.

> Они жаловались, что их увлекают на край света против воли богов: к рекам, мол, невозможно подойти, светила не сохраняют своего прежнего блеска, кругом — бескрайняя земля, голая пустыня; кровь стольких тысяч людей проливается по прихоти одного человека; о родине он забыл, от отца своего Филиппа отрекся, из-за пустых выдумок он добивается неба.

Простые уговоры были бессмысленны перед суеверным страхом утомленных бесконечной войной людей. Александр прибег к помощи египетских прорицателей, которые считались лучшими знатоками небесных светил.

> Те, хорошо зная, что круг времени исполняет определенный черед, и что луна затмевается, когда заходит за землю или заслоняется солнцем, однако не объявили народу известное им самим обоснование этого явления. Впрочем, они сказали, что солнце — светило греков, а луна — персов, и что всякий раз, как луна затмевается, этим предсказывается поражение персов; еще они напомнили древние примеры того, как затмение луны указывало царям Персиды, что они сражались против воли богов. Ничто не имеет такой силы над толпой, как суеверие; необузданная, жестокая, изменчивая, она под влиянием суеверия больше повинуется прорицателям, чем своим вождям. Итак, разъяснения египтян вернули смущенных воинов к надеждам и уверенности.

С помощью обмана и щедрых обещаний Александру удалось привести войско к равнине, на которой расположился противник. Открывшееся зрелище, по свидетельству Плутарха, вновь повергло македонян в уныние.

> Вся равнина между Нифатом и Гордиейскими горами была освещена огнями варварского войска, из лагеря персов доносился неясный гул, подобный шуму

безбрежного моря. Старейшие из приближенных Александра, и в особенности Парменион, были поражены многочисленностью врага и говорили друг другу, что одолеть такое войско в открытом бою было бы слишком трудным делом.

Еще более неприглядную картину состояния победоносной армии рисует Курций Руф, отмечая, что «войско Александра было охвачено беспричинным страхом; все, как безумные, начинали дрожать, и какая-то робость закрадывалась всем в сердце». Тут уже и сам Александр утратил прежнюю уверенность и пожалел, что не принял советы Пармениона; но было слишком поздно, ибо он завел македонян туда, «откуда войско могло выйти лишь после победы и не без урона».

Опытнейший в военном искусстве Парменион вновь предложил весьма разумный выход из критической ситуации. Он советовал напасть на войско Дария «темной ночью: разве вступят в схватку в ночной суматохе эти люди различных обычаев и языков, испуганные неожиданной тревогой среди сна?». Почти все военачальники были согласны с Парменионом, а «Полиперкон не сомневался, что только так и можно одержать победу».

Новый совет Пармениона пропал даром: Александр в этот миг почувствовал себя благородным рыцарем, с сердцем, переполненным безумной отвагой и великой гордыней.

— Вы мне советуете действовать, как разбойнику и вору: у них на уме только обман, — возмутился Александр. — Но я не потерплю, чтобы моей славе препятствовало или отсутствие Дария, или теснота местности, или ночное воровское действие. Надо, конечно, наступать при свете; я предпочитаю раскаиваться в неудаче, нежели стыдиться своей победы.

Согласно Плутарху, македонский царь произнес знаменитую фразу:

— Я не краду победу.

Словно актер в театре, Александр сыграл роль героя и вернулся в реальную жизнь. И сразу же недавние бравады были забыты. В ночь перед битвой Александр, как пишет Курций Руф, «никогда еще не знавший такого страха, приказал позвать Аристандра для молитв и обетов. Тот явился в белой одежде с жертвенной зеленью в руках, он подсказывал царю молитвы для того, чтобы умилостивить Юпитера, Минерву и богиню Победы». Сообща молились всем богам, каких только могли вспомнить. На небожителей только и оставалось надеяться, ибо, как сообщает Арриан, Александр смог выставить против Дария лишь около 7 тысяч конницы и около 40 тысяч пехоты.

Перед трудной битвой следовало бы хорошо отдохнуть — понимал это и Александр. Совершив ритуальное жертвоприношение, он отправился в свою палатку для сна, но сон его витал где-то над бескрайней равниной, заполненной вражеским войском. Он думал о величине персидской армии, о предстоящей опасности, о наступлении того часа, который решит все. Ему удалось ослабить тревогу только перед утренней стражей — и он погрузился в глубокий сон. Готовить войско к сражению пришлось Пармениону.

Парадоксальную ситуацию описывают прочие античные авторы. У Юстина находим следующее:

> Когда перед началом битвы не оказался на месте один только царь и когда едва удалось Пармениону его разбудить, то все стали спрашивать Александра, почему он уснул в такой опасный момент, тогда как обычно он даже во время отдыха спал мало. На это Александр сказал, что он избавился от тяжкой заботы и уснул благодаря внезапной уверенности в том, что предстоит сражение со всей массой войск Дария, а до того его страшило, что война может затянуться надолго, если персы разделят свои силы.

Авторы подробно описывают построение македонян перед битвой. Любопытно, что первыми называются имена военачальников, которым суждено погибнуть… но не под Гавгамелами и не от персидских мечей, а от руки Александра или по его приказу. Именно эти военачальники во всех битвах возглавляют лучшие македонские подразделения, которые и обеспечивают победы.

Диодор пишет:

> На правом фланге он поставил царский эскадрон под начальством Клита, прозванного Черным, рядом с ним — других друзей под командой Филоты, сына Пармениона, и рядом — семь других конных полков под его же начальством. За ними сзади был выстроен пехотный отряд с серебряными щитами, отличавшийся блеском вооружения и мужеством воинов. Ими предводительствовал Никанор, сын Пармениона…

Всем левым крылом командовал Парменион. Битва началась неудачно для македонян. Дарий пытался окружить с флангов македонское войско и бросил в бой свою лучшую конницу. Завязалась упорная конная схватка. Подробности мы находим у

Арриана.

> Воинов Александра пало больше: варвары подавляли своей численностью, а кроме того, и сами скифы и лошади их были тщательно защищены броней.
>
> Левый фланг, находившийся под командованием Пармениона, стал в беспорядке отступать, теснимый бактрийской конницей, которая с шумом и криком стремительно ударила на македонян, в то время как всадники Мазея обошли фалангу и напали на охрану обоза. Парменион через гонцов сообщил Александру, что лагерь и обоз будут потеряны, если царь немедленно не пришлет тыловым отрядам сильное подкрепление, сняв для этого часть войск с передней боевой линии. Как раз в это время Александр подавал окружавшим его воинам сигнал к наступлению. Услышав просьбу о помощи, он воскликнул, что Парменион, наверное, не в своем уме, если в расстройстве и волнении забыл, что победителям достается все имущество врагов, а побежденным следует заботиться не об имуществе и рабах, а о том, чтобы, храбро сражаясь, со славой принять смерть.

Наконец, Дарий бросил в бой серпоносные колесницы, на которые возлагал большие надежды. Курций Руф описывает смертоносное оружие персов в бою.

> Колесницы, расстроив ряды перед знаменами, прорвались к фаланге: македонцы же, собравшись с мужеством, пропускают их в середину. Строй их стал подобен валу: они сомкнули свои копья и с обоих боков прокалывали животы напиравших на них лошадей, потом окружили колесницы и сбрасывали с них возничих. Строй заполнился упавшими лошадьми и возничими, они не могли больше управлять напуганными лошадьми: частыми рывками головой они не только рвали упряжь, но и опрокидывали колесницы, раненые тащили за собой убитых, взбесившиеся не могли остановиться, истощенные — двигаться. Лишь немногие колесницы достигли последних рядов строя, неся ужасную смерть тем, на кого налетали: иссеченные людские тела лежали на земле, и так как страдания причиняют лишь свежие раны, то, будучи прежде раненными и обессиленными, они не выпускали из рук оружия, пока, истекая кровью, не падали замертво.

Увы! Колесницы были страшны до тех пор, пока живы лошади, их везущие.

Однако в тыл македонян прорвались скифы. Их пытались вытеснить, но на помощь пришли посланные Дарием бактрийцы: «много македонцев было задавлено при первом налете, большинство бежало к Александру». С флангов также хозяйничала более многочисленная конница Дария. Положение македонян стало настолько катастрофическим, что спасти могло лишь чудо.

Бой при Гавгамелах (Рисунок Андреа дель Кастаньо. XV век)

Таким чудом и явился Александр. «Великие натуры могут таить в себе и великие пороки, и великие доблести», — говорит Плутарх. Мы увидим Александра разным на протяжении недолгой, но насыщенной событиями жизни: и благородным, и подлым, и жестоким, и великодушным, и суровым спартанцем, отказывающим себе в любых удовольствиях, и горьким пьяницей, окунающимся в безудержные кутежи; и лишь одна черта в македонском царе присутствует неизменно — безграничный героизм. Он проявляется везде и во всем, чаще всего без всякой необходимости, но под Гавгамелами безумная храбрость Александра явилась спасением для всего войска.

Александр готов к личному подвигу, более того, перед битвой он обещает македонянам его совершить. Курций Руф так излагает намерения Александра:

> Он не требует, чтобы они храбро бросились в бой, если сам не будет подавать другим пример мужества. Он будет сражаться впереди всех знамен. Он обещает, что каждая его рана будет знаком отличия на его теле; они сами знают, что только он не участвует в разделе общей добычи и что все добываемое победами расходится на их награды, на их потребности.

Царь македонян сдержит все обещания, его действительно не интересовали трофеи, захваченные в битвах, ему нужно было лишь владеть всем миром. После того как Парменион сообщил, что лагерь с обозом потерян, Александр надел шлем. Плутарх описывает облачение самого известного античного героя.

> Все остальные доспехи он надел еще в палатке: сицилийской работы гипендиму с поясом, а поверх нее двойной льняной панцирь, взятый из захваченной при Иссе добычи. Железный шлем работы Теофила блестел так, словно был из чистого серебра. К нему был прикреплен усыпанный драгоценными камнями железный щиток, защищавший шею. Александр носил меч, подарок царя китийцев, удивительно легкий и прекрасной закалки; в сражениях меч обычно был его главным оружием. Богаче всего был плащ, который царь надел поверх доспехов. Это одеяние работы Геликона Старшего Александру подарили в знак уважения жители города Родоса, и он, готовясь к бою, всегда надевал его. Устанавливая боевой порядок, отдавая приказы, ободряя воинов и проверяя их готовность, Александр объезжал строй не на Букефале, а на другом коне, ибо Букефал был уже немолод и его силы надо было щадить. Но перед самым боем к царю подводили Букефала, и, вскочив на него, Александр тотчас начинал наступление.

Перед тем как вступить в бой, Александр «обратился к богам с мольбой, чтобы они, если он действительно сын Зевса, помогли грекам и вдохнули в них мужество».

Итак, Александр ввел в бой последний резерв македонян и страшнейшее оружие — самого себя. Македонский царь не нуждался даже в собственном войске, он взял лишь телохранителей и тех, кто оказался под рукой. Согласно Диодору, Александр «устремился на самого Дария с царским отрядом и другими превосходными всадниками». По сведениям Арриана, Александр, «построив клином всадников-друзей и выстроенную здесь пехоту, бегом с боевым кличем устремился на самого

Дария».

Дарию была хорошо известна тактика боя македонского царя; перед началом сражения он предупредил своих воинов:

> Ведь Александр, как бы он ни казался страшен трусам и малодушным, все же только человек и, поверьте мне, безрассудный и неразумный, удачливый до сих пор не по своей доблести, а из-за нашей паники. Но ничего не бывает долговечно, если не основано на разуме. Кроме того, удачи и несчастья часто чередуются, и судьба никогда не бывает неизменна. Может быть, боги определили не губить персидское царство, которое они в течение 230 лет вели по пути удач и подняли на величайшую высоту, а скорее всего, хотят испытать нас и напомнить нам о непрочности человеческого бытия, о чем при удаче все мало думают.

В тот день боги сражались на стороне Александра. Все уговоры и разумные доводы оказались бесполезны перед бешеным порождением Зевса, который, сверкая невиданными доспехами, летел вперед на грозном Букефале. Разве можно сражаться с раскаленной лавой вулкана, разве множество рыбачьих лодок может противостоять одному-единственному шторму? Юстин пишет, что «Александр бросался туда, где было всего опаснее, там, где были гуще ряды врагов и ожесточеннее сеча, там он всегда появлялся, всем опасностям хотел подвергать себя, а не воинов».

Страх парализовал врагов, стоящих на пути Александра. Послушаем Плутарха.

> Варвары отступили прежде, чем передние ряды успели завязать бой. Яростно преследуя разбитого врага, Александр теснил персов к центру неприятельского расположения, где находился сам Дарий. Александр приметил его издалека, сквозь передние ряды персидских воинов, — Дарий стоял на высокой колеснице в середине царского отряда, рослый и красивый, окруженный множеством всадников в блестящем вооружении, сомкнувшихся вокруг его колесницы и готовых встретить врага. Однако чем ближе был Александр, тем более приходили они в смятение: гоня перед собой отступающих, разбивая строй тех, кто еще держался, он устрашил и рассеял почти всех телохранителей Дария. Только самые смелые и благородные бились за своего царя до последнего

вздоха; падая друг на друга, они затрудняли преследование, судорожно вцепляясь во вражеских всадников и их коней. Это страшное зрелище развертывалось на глазах у Дария, и окружавшие царя персидские воины уже гибли у самых его ног.

Александра могли убить множество раз, а он каким-то непостижимым образом не только остался жив, но не получил и царапины в этой страшной сече. Яростно рубя мечом налево и направо, Александр пробился в самое сердце миллионной армии, и вот он недалеко от колесницы персидского царя. Дария трудно назвать трусом, ему просто не повезло с противником. Диодор описывает персидского царя в бою.

> Царь персов встретил атаку неприятеля, сражаясь с колесницы: он бросал дротиками в несшихся на него врагов; воины его сражались вместе с ним, но цари кинулись друг на друга. Александр метнул дротиком в Дария, но промахнулся и попал в возницу, стоявшего рядом с царем. Воины, окружавшие Дария, громко вскрикнули: те, кто стоял поодаль, решили, что убит царь; они положили начало бегству, и за ними устремилась целая толпа. Отряд, стоявший возле Дария, вскоре был разметан. Не оказалось защитников и с другой стороны, и сам царь в ужасе обратился в бегство.

Описание этого момента битвы дополняет Курций Руф.

> Говорят, что Дарий, обнажив акинак, колебался, не избавиться ли ему от позорного бегства почетной смертью, но совесть не позволила ему, возвышавшемуся в колеснице, бросить на произвол судьбы воинов, не прекращавших сражаться.

Действительно, смерть восточного владыки на поле боя означала бы окончательное поражение. Надеяться же на милость македонян не приходилось: они пришли под знаменем мести, а месть не бывает снисходительной и великодушной. Уничтоженные Тир, Газа, множество прочих опустошенных городов и селений были тому подтверждением.

Дарий не мог оставаться на месте: вступить в личное противоборство с разъяренным «сыном Зевса» было равносильно самоубийству — его смерть добавила бы веса Александру.

И даже позорное спасение стало проблематичным. По Плутарху, «повернуть колесницу и выехать на ней было

невозможно, так как множество мертвых тел не давало колесам сдвинуться с места, а кони, почти скрытые под грудой трупов, становились на дыбы, делая возницу совершенно беспомощным. Бросив оружие и колесницу, Дарий, как рассказывают, вскочил на недавно ожеребившуюся кобылу и бежал».

Александр следовал по пятам за Дарием; пробиваясь через равнину, занятую вражеским войском, он убивал каждого, кто оказывался в пределах досягаемости его меча, «разил сопротивляющихся ему в лицо, а бегущих в спины». Он так увлекся преследованием, что забыл о собственном войске.

В это время левое крыло Пармениона стояло из последних сил (атакующие его персы, инды, бактрийцы еще не знали о бегстве своего царя). Заключительный этап битвы описывает Диодор Сицилийский.

> Мазей, командовавший правым флангом, на котором стояли самые лучшие и многочисленные конные отряды, жестоко теснил противника. Парменион с фессалийской конницей и другими полками, сражавшимися под его начальством, выдерживали этот натиск. Сначала, блестяще сражаясь, они взяли верх благодаря мужеству фессалийцев, но Мазей подавлял их численностью своего войска. Много людей было убито, сила варваров оказывалась необоримой, и Парменион послал несколько своих всадников к Александру, прося немедленной помощи. Те стремительно бросились выполнять его приказание, но узнали, что Александр, преследуя Дария, далеко оторвался от войска, и вернулись ни с чем. Парменион, искусно пуская в ход фессалийские эскадроны и погубив многих, с трудом повернул вспять варваров, смертельно напуганных бегством Дария.

Таким образом, Александр своим мужеством преломил ход битвы, но окончательная победа была одержана благодаря искусству Пармениона.

Справедливости ради отметим: другие античные историки утверждают, что Александр, «раздосадованный тем, что Парменион требует помощи», прекратил преследование Дария и вернулся к собственному войску. Какой смысл гоняться за царем в то время, как существовала угроза гибели собственного войска?

Поражение персов было ужаснейшим; оно и не могло быть иным, если принять во внимание число участников битвы. Когда все вражеское войско обратилось в бегство, «македонцы не уставали избивать отставших, и скоро все окрестности той равнины были усеяны трупами, — подводит итог Диодор

Сицилийский. — В этом сражении была перебита вся варварская конница; пеших пало больше 90 тысяч. У македонцев убито было человек 500; раненых же оказалось очень много. Среди них и Гефестион, начальник телохранителей, один из наиболее известных командиров (копье попало ему в руку), Пердикка, Кен, Менид и еще некоторые известные военачальники».

Дарию вновь удалось бежать. Переправившись через ближайшую реку, он колебался: разрушить за собой мост, чтобы затруднить преследование, либо оставить. Он понимал, что если сломать мост, тысячи бегущих за ним останутся в полной власти врага. И персидский царь сказал, «что предпочитает дать переправиться преследующему его врагу, чем отнять путь у спасающихся бегством».

Благородство Дария очень мало помогло несчастным персам, злосчастный мост стал для огромнейшего войска очередной ловушкой. Курций Руф сообщает:

> Толпа бегущих запрудила мост; многие, гонимые противником, бросались в реку и, обессиленные сражением и бегством, под тяжестью оружия погибали в пучине. Уже не только мост не вмещал бегущих, но и река не принимала людей, неожиданно скучивавшихся в большие массы; ведь когда впадешь в панику, больше всего боишься того, что сначала внушило страх. Александр по настоянию своих воинов разрешил бы им безнаказанно преследовать бегущего противника, если бы оружие у всех не притупилось, руки бойцов не устали; тела их были разбиты от быстрой скачки, кроме того, день уже клонился к ночи.

Александр ухитрился в этот знаменитый день и после битвы подвергнуть себя смертельной опасности и совершить подвиг. Во главе немногих спутников македонский царь возвращался в лагерь, когда ему навстречу появился отряд вражеских всадников. Увидев малочисленность недавних победителей, персы не замедлили напасть на македонян, а их предводитель непременно желал сразиться с царем. Опасность была велика, и Александр, бесстрашно бросившийся в бой против всей армии Дария, теперь ехал впереди знамени, пытаясь скрыть свой страх.

> Но и здесь не оставило в беде его обычное счастье. В самом деле, жаждущего сразиться начальника неприятельской конницы и потому неосторожно на него наседавшего он пронзил копьем, а когда тот упал с лошади, он тем же копьем сразил следующего воина и

еще многих других.

Бросились на них также и его приближенные. Но и персы не гибли неотомщенными: и в общем бою всего войска не было столько горячности, как в этой стычке небольших отрядов.

После Гавгамел Дарий так и не смог оправиться. «Этой битвой он (Александр) захватил власть над Азией на пятый год после принятия царской власти», — так оценивает Юстин значение Гавгамел. Всего же Александру было 25 лет.

В столице разврата

Царь задержался в этом городе дольше, чем где-либо, но ни в каком другом месте он не причинил большего вреда военной дисциплине. Нет другого города с такими испорченными нравами, со столькими соблазнами, возбуждающими неудержимые страсти.

Руф Квинт Курций. История Александра Македонского

После поражения Дарий бежал в Мидию, надеясь укрыться в гористой части своих владений и собрать новое войско. С ним оставалась часть бактрийской конницы и его родственники. В пути к беглецам присоединились, как сообщает Арриан, 2 тысячи наемников-чужеземцев, которыми командовали Патрон фокеец и Главк этолиец. Странное дело: греки, которых Александр пришел освобождать в Азию, хранили верность персидскому царю в самые трудные для него времена; наемники следовали за беглецом, лишившимся не только войска, но и казны, и, следовательно, не могли рассчитывать на выплату жалованья.

Александра немного волновало то, что цели его похода расходятся с желаниями тех, ради кого он появился в Азии: он даже отпустил на свободу некоторых пленных наемников и вернул Афинам статуи, вывезенные персами чуть ли не 200 лет назад. Впрочем, он отложил на некоторое время и месть персам за то, что те пытались завоевать когда-то Грецию, и даже не стал преследовать Дария, ради которого оставил одного Пармениона сражаться под Гавгамелами.

Македонский царь решил воспользоваться плодами победы; возможно, его принудили это сделать македоняне, которые привыкли обладать реальными вещами и все меньше желали добывать для царя мифическое мировое господство.

Александр направился в Арбелы — здесь находилась основная база миллионного войска Дария, и, естественно, добыча досталась неплохая. Там он нашел «великое изобилие съестных припасов, немало драгоценностей и варварскую сокровищницу, в которой находилось 3 тысячи талантов серебра».

Надолго Александр в Арбелах не задержался по причине того, что его македоняне изрядно пошалили в городе и окрестностях.

Юстин пишет, что «он снялся с места и со всей армией направился в Вавилон», поскольку сообразил: от множества трупов распространится зараза.

Древний Вавилон был одним из самых укрепленных городов Персидского царства. Его опоясывали стены высотой в 50 локтей, а ширина их была такая, что на поверхности стен могли свободно разъехаться две колесницы. Вавилоняне все предусмотрели на случай длительной осады: в черте города находились даже продовольственные поля, предназначенные для того, чтобы кормить защитников и горожан в случае внешней опасности.

Однако вавилоняне знали о безумном упорстве Александра, известна была и жестокость его воинов. Им оставалось только одно: сразить непрошенных гостей небывалым радушием.

Городом управлял Мазей, который весьма неплохо сражался с Александром при Гавгамелах, после поражения бежал в Вавилон, но лишь для того, чтобы сдать его как можно торжественнее. Едва Александр приблизился к городским стенам, как Мазей широко распахнул ворота и вышел навстречу со своими сыновьями. Курций Руф рассказывает:

> Приход его был приятен царю, иначе предстояла бы трудная осада столь укрепленного города. Казалось также, что столь знатный, столь опытный и прославленный в недавних сражениях муж может своим примером побудить к такой же сдаче и других…
>
> Много вавилонян стояло на стенах, ожидая скорее увидеть нового царя, еще больше их вышло навстречу. Среди них был и хранитель крепости и царской казны Багофан; чтобы не отстать в усердии от Мазея, он устлал весь путь цветами и венками, поставил с двух сторон серебряные алтари и возжигал на них не только фимиам, но и всякие другие благовония. За ним следовали подарки: стада мелкого скота, табуны лошадей, в клетках везли львов и барсов.

Вавилон сдался Александру без боя, но город завоевал его войско соблазнами. Больше месяца не мог царь вытащить македонян из этой развратной западни. Курций Руф описывает нравы вавилонян:

> Царь задержался в этом городе дольше, чем где-либо, но ни в каком другом месте он не причинил большего вреда военной дисциплине. Нет другого города с такими испорченными нравами, со столькими соблазнами, возбуждающими неудержимые страсти.

> Родители и мужья разрешают здесь своим дочерям и женам вступать в связь с пришельцами, лишь бы им заплатили за их позор. Пиршества и забавы по душе царям и их придворным во всей Персиде; вавилоняне же особенно преданы вину и всему, что следует за опьянением. Вначале вид у пирующих женщин бывает скромный, потом снимается верхняя одежда, понемногу обнажая тело, а под конец — не знаешь, как и сказать, — они сбрасывают с себя и нижние одежды. И этот позор в обычае не только у распутниц, но и у матрон и девушек; предоставление своего тела считается у них любезностью. Войско, покорившее Азию, пробыв среди такого распутства в течение 34 дней, конечно, оказалось бы слишком слабым для предстоящих ему испытаний, если бы перед ним был настоящий враг.

Развлечения Александра в Вавилоне были несколько другого рода. Здесь он познакомился с нефтью и был поражен ее свойствами. Желая показать природные особенности этого материала, горожане провели по улице, где остановился Александр, дорожку из этой вязкой жидкости. Когда стемнело, нефть зажгли, и мгновенно посреди улицы возникла огненная полоса.

Въезд Александра Македонского в Вавилон (Работа Шарля Лебрена. XVII век)

Плутарх рассказывает еще одну историю, как Александра позабавили с помощью этого дара природы:

Среди тех, кто обычно омывал и умащал царя, забавляя его разными шутками и стремясь привести в веселое расположение духа, был некий афинянин Афинофан. Однажды, когда в купальне вместе с царем находился мальчик Стефан, обладавший прекрасным голосом, но очень некрасивый и смешной, Афинофан сказал:

— Не хочешь ли, царь, чтобы мы испробовали это вещество на Стефане? Если даже к нему оно пристанет и не потухнет, то я без колебаний признаю, что сила этого вещества страшна и неодолима!

Стефан сам охотно соглашался на это испытание, но, как только мальчика обмазали нефтью и огонь коснулся его, яркое пламя охватило его с головы до пят… Не случись там, по счастью, нескольких прислужников, державших в руках сосуды с водой, предназначенной для омовения, остановить пламя не удалось бы вовсе, но даже и эти прислужники лишь с большим трудом потушили огонь на теле мальчика, который после этого находился в очень тяжелом состоянии.

Плутарх, бурно выражающий симпатии к Александру в своем произведении, добавляет, что когда Стефана охватило пламя, Александр пришел «в крайнее смятение и страх». Однако к тому времени македонский царь прекрасно знал, что произойдет с мальчиком, и дал согласие на чудовищный эксперимент.

За месяц македоняне изрядно поиздержались на любовниц, и царь попросту выкупил своих солдат у державшего соблазнами города. Из казны, переданной Александру в Вавилоне, каждый македонский всадник получил по 600 денариев, чужеземные всадники — по 500, пехотинцы — по 200. То есть Александр выдал трехмесячное жалованье только за то, чтобы солдаты покинули понравившийся им Вавилон. Вдобавок обещал их повести на богатейший город Сузы.

Войско настолько обленилось, что переход от Вавилона до Суз занял 20 дней. Город, считавшийся второй столицей персидских царей, также сдался без боя. Более того, правитель Суз сохранил нетронутой и передал в руки Александра всю казну. Чтобы оценить ее размер, достаточно сказать, что в Сузах персидские цари с давних пор хранили неприкосновенный запас «на случай, если судьба переменится».

Так как судьба переменилась слишком быстро, Александр стал обладателем 40 тысяч талантов золота и серебра в слитках, а также 9 тысяч талантов чеканной монетой — дариками. Плутарх

сообщает:

> Кроме денег, во дворце персидских царей македоняне нашли различную утварь и бесчисленные сокровища. Обнаружили там и пять тысяч талантов гермионского пурпура, пролежавшего в сокровищнице сто девяносто лет, но все еще сохранявшего свежесть и яркость. Это было возможно, как полагают, благодаря тому, что краску для багряных тканей изготовляют на меду, а для белых — на белом масле, а мед и масло надолго придают тканям чистый и яркий блеск. Динон рассказывает, что персидские цари хранили в своей сокровищнице сосуды с водой, привезенной из Нила и из Истра, что должно было свидетельствовать об огромных размерах Персидской державы и могуществе власти, покорившей себе весь мир.

Александр с полным правом мог считать себя самым богатым человеком на земле, но богатства мало его прельщали. Из огромной добычи, как пишет Диодор, его заинтересовал лишь трон персидских царей, который он решил немедленно примерить. Диодор уточняет:

> Царский трон, на который он сел, оказался ему не по росту: был слишком высок. Кто-то из прислужников, видя, что ноги царя совсем не достают до подножия трона, взял Дариев стол и подставил ему под ноги. Он пришелся как нельзя лучше, и царь одобрил находчивого слугу; тогда один из евнухов, стоявших около трона, потрясенный изменчивостью судьбы, залился слезами.
>
> Александр спросил его:
>
> — Какую беду ты увидел, что плачешь?
>
> — Теперь я твой раб, — ответил евнух, — раньше был рабом Дария; любовь к господину врожденная у меня, и мне стало больно, когда я увидел, что вещь, которая у него была в особом почете, теперь утратила всякую честь.

Царь понял, что совершил поступок, исполненный пренебрежения не только по отношению к прежним властителям, но и к своим новым подданным. А ведь они без боя сдали два могущественных богатейших города и признали македонского царя своим господином по праву победителя. Александру совсем не хотелось ссориться с персами: они оказывали ему, сыну бога, гораздо больше почестей, чем македоняне. Царь позвал того, кто

поставил стол, и велел его убрать.

И вдруг вмешался Филота, сын Пармениона:

— Не делай этого, царь, но прими за предзнаменование: столик, за которым пировал враг, подставлен под твои ноги!

Невольно Александру пришлось делать выбор, и не только между македонскими и персидскими традициями, но между старыми и новыми подданными.

Милость рыцаря

От верности и настроения пленника зависело спасение царя…

Руф Квинт Курций. История Александра Македонского

Дарий жив, еще не все земли признали власть Александра, а значит, нужно идти дальше. Его путь лежал в самое сердце Персии, к ее столице — Персеполю.

Македонянам понравилось брать без потерь и сражений богатейшие города, и они охотно пошли за царем, но на сей раз не обошлось без серьезных издержек.

Первые трудности начались, когда войско Александра вошло в горную область. Суровая местность, изрезанная теснинами, глубокими ущельями с нависающими сверху горами таила опасность за каждым камнем. Населявшие эти края уксии не подчинялись даже персидским царям, и за проход через их земли брали плату и с Дария. Подобный таможенный сбор предложили уплатить и Александру.

Денег у Александра было много, он щедро сорил ими (Олимпиада в письмах упрекала сына, что тот раздает огромные богатства друзьям или случайным людям), но платить он не мог. Ничтожная сумма, что запросили уксии, для Александра была бы признанием того, что этот горный народ сильнее его — сына Зевса.

После удачной битвы при Гавгамелах македонский царь окончательно поверил в свое божественное происхождение и только искал новых случаев подтвердить это, больше в глазах македонян, чем в собственных. Он был готов сразиться с кем угодно и немедленно. Но вот беда: вражеское войско под командованием Мадата — родственника Дария — спряталось в горной крепости; оставаясь недосягаемым, оно могло сыпать на головы бредущих по ущелью македонян что угодно.

Александр с бессильной злобой смотрел на крутые склоны гор, подрывающие его авторитет, и потому уцепился за соломинку, как только она появилась. По Диодору, «какой-то местный житель, уксий родом, хорошо знавший эти места, заявил царю, что он переведет войско по какой-то узкой и опасной тропе, и тогда они займут позицию, господствующую над неприятелем». Ни мгновения не раздумывая, Александр отправил отряд македонян вслед за ненадежным проводником. Очередную

авантюру македонского царя описывает Курций Руф.

> Местность была неровная, заваленная скалами и камнями: воины задерживались из-за многих ран, так как им приходилось сражаться и с врагами, и с условиями места; они все же продвигались, так как царь стоял в первых рядах и спрашивал, не стыдно ли победителям стольких городов задерживаться при осаде маленького и неизвестного укрепления. Ободряя их, он сам подвергался обстрелу с далекого расстояния; воины прикрывали его, сделав черепаху из щитов; убедить же его оттуда уйти, они не могли.

Защитники крепости поняли, что Александр не отступится, пока не возьмет их твердыню. Они выслали 30 парламентеров, чтобы обсудить условия сдачи, но Александр слишком разозлился на хозяев здешних мест. Ответ его был суров: «о пощаде не может быть и речи».

Осажденным оставалось только стоять до конца. Горная крепость держалась довольно долго: это видно из способа, которым Мадат воспользовался для спасения себя и своих людей.

> Боясь предстоящих страданий, они тайным путем, неизвестным врагу, посылают людей к матери Дария Сисигамбис с просьбой, чтобы она смягчила гнев царя, ведь они знали, что он любит и почитает ее, как мать. Мадат же был женат на дочери сестры Дария и, таким образом, состоял с ним в близком свойстве. Долго Сисигамбис отказывала им, говоря, что просьба за них не соответствует ее положению; к тому же она опасается злоупотреблять милосердием победителя, ибо всегда помнит, что, будучи раньше царицей, теперь стала пленницей. Наконец, уступив, она написала Александру письмо, в котором, прося извинения за свое вмешательство, просила оказать милость не столько осажденным, сколько ей самой: она умоляла даровать жизнь только близкому и родному ей человеку, уже не врагу, а смиренному просителю. Сдержанность и милость, которыми царь в то время отличался, могло бы доказать одно это обстоятельство: он не только простил Мадата, но дал свободу и безопасность всем сдавшимся и пленным, город оставил нетронутым, поля обрабатывать позволил без дани. Мать не могла бы добиться большего и от самого Дария в случае его победы.

С милостью Александра мы уже познакомились при взятии Тира и Газы, и это, кажется, не тот случай… Курций жил в I веке, он не знал, что через много столетий появятся рыцари, готовые по желанию дамы совершить любой поступок. Александр был рыцарем большим, чем Айвенго и Дон Кихот. Очень скоро в Персеполе он совершит величайшее в мире безумство по просьбе гораздо менее достойной дамы.

Далее Александр разделил армию: он отправил Пармениона степью вместе с обозом, фессалийской конницей, союзниками, наемниками-чужеземцами и вообще всем тяжеловооруженным войском. Ничто не мешало Александру отправиться вместе со своим военачальником, тем более, как сообщают источники, они встретились в Персеполе. Но македонский царь, казалось, намеренно искал самый трудный путь. И нашел его.

Александр упрямо шел по ущельям заснеженных гор, пока не добрался до теснин, называемых Сузанскими воротами. Они оказались занятыми сатрапом Дария Ариобарзаном; по сведениям Диодора и Курция, персы располагали 25 тысячами пехотинцев, Арриан называет цифру в 40 тысяч пехоты и 700 всадников (что ж, Александр опять дал время врагу собраться с силами).

Персам не пришлось прилагать много усилий для борьбы с македонянами. Они терпеливо ждали на горных вершинах, пока войско Александра заползет в узкое ущелье.

> Когда они увидели, что враг двигается, пренебрегая ими, они стали скатывать с высот огромные камни, которые, натыкаясь на другие, катились дальше с еще большей силой и давили не только отдельных людей, но и целые отряды. Летели в них также со всех сторон камни из пращей и стрелы. Но не это удручало храбрых воинов, а то, что их избивали неотомщенными, как диких зверей, пойманных в ловушку. Гнев переходил у них в ярость: они хватались за выступы скал и, поддерживая друг друга, старались подняться, чтобы настигнуть врагов. Но сами скалы, охваченные множеством рук, отрывались и обрушивались на тех, кто за них хватался.
>
> Итак, они не могли ни стоять, ни лезть вверх, ни прикрываться щитами, потому что варвары сбрасывали на них камни огромного веса. Царь страдал не только от огорчения, но и от стыда, что так опрометчиво завел войско в это ущелье. Он был непобедим до этого дня, ничего не предпринимал напрасно; безнаказанно прошел

ущелье Киликии, открыл новый путь по морю в Памфилию; теперь счастье его пошатнулось, не было другого спасения, как вернуться туда, откуда он пришел. Итак, дав сигнал к отступлению, он приказывает выходить из ущелья, сплотив ряды и подняв щиты над головами. Вернуться пришлось на 30 стадиев.

Александр был в полной растерянности: обходная дорога требовала много дней, а такую роскошь македонский царь позволить себе не мог. Он считал позором оставить мертвых без погребения, а просьбу о выдаче трупов рассматривал как непристойное молчаливое признание в своем поражении — поэтому приказал вывести всех пленных. Среди них нашелся ликийский пастух, который заявил, что есть горная тропа, которая выходит прямо к позициям персов, но она чрезвычайно трудна. Нашел чем пугать Александра! Он оставил часть войска во главе с Кратером в ущелье, а сам с другой половиной войска отправился вслед за пастухом.

Однако, помимо труднопроходимых скал и откосов, на которых внезапно терялся след, наступающим препятствовал снег, наметенный ветром, — рассказывает Курций Руф о трудностях маршрута, избранного Александром, — они увязали в нем, как в капкане, а когда кто-нибудь из товарищей помогал, то они скорее тянули к себе помогающих, нежели поспевали за ними. К тому же ночь, незнакомая местность и неизвестно, достаточно ли надежный проводник, — все это увеличивало страх: если бы он обманул охрану, то их можно было бы захватить, как диких зверей. От верности и настроения одного пленника зависело спасение царя и его самого.

Александру везло, как всегда; удача покровительствует смелым. Он вышел к вершинам, которые располагались прямо над позициями Ариобарзана. Внезапный удар побудил персов бежать еще до вступления в бой; снизу Александра поддержал Кратер.

Ариобарзан, в свою очередь оказавшийся в ловушке, нещадно рубил своих и чужих. Ему удалось вырваться из окружения с эскортом в 40 всадников и 5 тысяч пехотинцев. Разбитый сатрап торопился укрыться в Персеполе, но стража города отказалась его впустить. И тогда Ариобарзан принял бой с подошедшим войском Александра и погиб с честью.

Правитель персидской столицы не только распахнул ворота

навстречу Александру, но и просил как можно скорее занять город, пока не подошло новое войско Дария. Он надеялся, что Персеполь разделит счастливую судьбу Вавилона и Суз, но жестоко просчитался.

По воле распутницы

> *…Он еще засветло садился за пиршества, на которых бывали и женщины, да не такие, которых нельзя было оскорблять, а распутницы, привыкшие жить с военными более свободно, чем полагалось. Из них одна, Таис, будучи во хмелю, внушает ему, что он вызовет глубокую благодарность у всех греков, если велит поджечь дворец персидских царей.*
>
> *Руф Квинт Курций. История Александра Македонского*

На следующий день после мирного занятия Персеполя Александр совершил поступок жестокий, противоречащий всем нормам морали. Персеполь, столицу Персидского царства, Александр объявил, согласно Диодору, самым враждебным из азиатских городов и отдал его, кроме царского дворца, на разграбление солдатам.

Действие крайне нелогичное, ведь Александр считал Персию своим царством даже больше, чем Македонию; он всячески стремился наладить отношение с местным населением, оставлял покоренные города и сатрапии за прежними правителями. И вдруг одним некрасивым поступком перечеркнул свою восточную политику.

Для оправдания Александра у античных авторов есть рассказ о том, как на пути к Персеполю македонянам повстречалась толпа изуродованных греков (по Диодору, их было 800 человек, Курций называет цифру в 4 тысячи). Диодор Сицилийский описывает несчастных.

> Большинство из них были людьми старыми, и все они были искалечены: одни без рук, другие без ног, третьи без ушей и носа. Тем, кто знал какую-нибудь науку или ремесло и был мастером своего дела, оставили только те члены тела, которые были потребны для работы, — все остальные отрубили.

Видимо, эта история вымышленная, ибо малоазийским

грекам очень неплохо жилось под властью персов.

Александра они не желали видеть в Азии и сражались в войске Дария гораздо лучше самих персов.

Указывается еще одна причина уничтожения несчастного Персеполя: якобы Александр отдал долг памяти предкам, отомстил персам за совершенные ими бесчинства в Греции в давние времена. Месть очень запоздала и обрушилась на головы людей, совершенно непричастных к тем делам, которые им инкриминировал Александр. Как мы помним, последним Грецию оккупировал Филипп, огнем и мечом прошелся по ней Александр, стерев с лица земли Фивы, и затем угрозами вырвал у эллинов согласие на поход в Персию. Получается, если Александр из благородных побуждений хотел отомстить за Грецию, то мстить пришлось бы самому себе и своим македонянам.

Самое интересное, в то время как Александр заботился о чести Греции пострадавшей более ста пятидесяти лет назад, нынешняя Эллада была охвачена пламенем восстаний и не протестовала бы владычеству персов. Как сообщает Юстин, «после отбытия Александра почти вся Греция взялась за оружие, чтобы вернуть себе свободу по примеру лакедемонян, которые одни только отнеслись с презрением к миру, установленному в Греции Филиппом и Александром, и законов их не приняли».

Гораздо разумнее предположить, что Персеполь пожелали разграбить македоняне, а царь не смог им отказать. Воины Александра были большими любителями грабежа, насилия и прочих бесчинств, а заниматься любимым делом в последнее время им доводилось нечасто. Кроме того, накануне они выдержали чрезвычайно трудный переход в горах, понесли большие потери и желали мести за свои неприятности гораздо больше, чем греки. Македонянам порядком надоел Александр со своими фантастическими планами; им хотелось реального — ради чего ведутся войны, и это все было в Персеполе. Александр стоял перед выбором: пожертвовать персидской столицей либо получить мятеж войска и отказаться от далекоидущих планов.

Увы! Чтобы не лишиться войска, македонский царь был вынужден утолять самые низменные его страсти, а рассуждения о том, как Александр принес на Восток высокоразвитую цивилизацию, — дело историков последующих эпох. Когда читаешь сцены разграбления богатейшего города мира, опять сомневаешься, правильно ли античные авторы называют персов варварами. Македоняне больше походили на варваров, и даже на диких обезумевших зверей. Обратимся к источникам. Курций Руф пишет:

Он уже завоевал и частью принял на сдачу много городов с обильными царскими богатствами, но сокровища этого города намного превзошли все остальные. Сюда варвары свезли богатства со всей Персии, золото и серебро лежало грудами, одежд было великое множество, утварь была предназначена не только для употребления, но и для роскоши. Поэтому вооруженные столкновения происходили между самими победителями: кто захватил более ценную добычу, считался врагом, и так как они не могли унести всего, вещи брались подороже. Царские одежды они разрывали на части, мечами разбивали дорогие художественные сосуды, ничего не оставляли нетронутым, не уносили в целости: тащили отломанные от статуй части, кто что ухватил.

Не только алчность проявлялась в городе, но и жестокость: отягощенные золотом и серебром, победители убивали пленных, с которых нечего было взять, все попадавшиеся им навстречу умерщвлялись, если казались ничтожными по своей стоимости. Многие из неприятелей своими руками подготовляли себе добровольную смерть: одевшись в дорогие одежды, с женами и детьми бросались со стен. Некоторые подкладывали под свои дома огонь, предполагая, что это будет делать в скором времени враг, и заживо сгорали со своим имуществом. Наконец царь отдал приказ своим воинам воздерживаться от насилия над женщинами.

Диодор Сицилийский пишет:

А был этот город самым богатым из всех существующих под солнцем, и в домах частных лиц с давних пор было полным-полно всякого добра. Македонцы, врываясь, убивали всех мужчин и расхищали имущество, которого имелось очень много: битком было набито и всякой утвари, и драгоценностей. Унесено было много серебра, немало золота; множество роскошных одежд, выкрашенных в пурпурную краску, добытую из моря, или расшитых золотом, стало наградой победителям. Огромный, по всему миру прославленный дворец был отдан на позор и уничтожение. Македонцы, целый день занимавшиеся грабежом, не смогли все-таки утолить ненасытную жажду обогащения. Жадность их за время этих грабежей так развилась, что они вступали в драку друг с другом. Многих погубило обилие

> присвоенного имущества: некоторые, разрубив мечом самые роскошные материи, забирали свою долю; некоторые, не помня себя в гневе, отрубали руки тем, кто хватался за вещи, бывшие предметом спора. Женщин в их уборах волокли силой, уводя в рабство. Насколько Персеполь превосходил прочие города своим счастьем, настолько же он превзошел их и своими страданиями.

Захваченные в царской сокровищнице богатства «перекрыли» все предыдущие трофеи, ибо собирались они со времен Кира — первого персидского царя. 120 тысяч талантов стало добычей Александра. Вот уж действительно, было от чего сходить с ума македонским пастухам, из которых и состояла прославленная фаланга.

Часть денег Александр решил взять с собой на военные нужды, остальные отправить на хранение в Сузы. Чтобы перевезти все золото и серебро, он, по Диодору, «потребовал из Вавилона, Месопотамии, а также из Суз караван мулов, ходивших под вьюками и в упряжке, и, кроме того, 3 тысячи вьючных верблюдов».

Кульминацией македонских бесчинств в Персеполе стало сожжение царского дворца. Причем это недостойное деяние все античные авторы приписывают лично Александру. Даже Арриан, повествующий с неизменной симпатией к Александру, недоволен безумным поступком своего героя. Интересно и еще одно замечание Арриана: оказывается, накануне произошел спор между Александром и его лучшим полководцем Парменионом — одним из немногих, кто осмеливался возражать неуравновешенному, вспыльчивому царю.

> Дворец персидских царей Александр сжег, хотя Парменион и советовал ему сохранить его между прочим и потому, что нехорошо губить собственное имущество, а также потому, что население Азии примет его не как властителя Азии, твердо решившего удержать власть над нею, а только как человека, победоносно прошедшего по стране. Александр ответил, что он желает наказать персов за то, что, вторгшись в Элладу, они разрушили Афины и сожгли храмы; за всякое зло, причиненное эллинам, они и несут теперь ответ. По-моему, однако, Александр действовал безрассудно, и не было здесь никакого наказания древним персам.

Арриан не вдается в подробности поступка, которые способствовали бы формированию у читателя негативного

отношения к его кумиру.

Впрочем, царь и не мог услышать здравые рассуждения Пармениона, ибо был в это время пьян. Великий завоеватель упорно скатывался к банальному алкоголизму. Видимо, действием горячительного напитка и можно объяснить его ненужные безумства в битвах, постоянное стремление рисковать собой и своими солдатами и, конечно же, множество недостойных поступков. Курций Руф замечает:

> Прекрасные качества своей души, которыми он превосходил всех других царей: выносливость в опасности, быстроту в решении и исполнении задуманного, верность слову, данному сдавшимся ему, милость к пленникам, сдержанность в наслаждениях, хотя дозволенных и обычных, — все это он запятнал непреодолимой страстью к вину.

Не вняв совету старого боевого друга, царь легко поддался на уговоры женщины, отличавшейся не самым строгим поведением. Умной гетере ничего не стоило уговорить царя. Что ее подвигло на рискованный поступок, мы можем только догадываться: возможно, она хотела узнать силу своих чар, возможно, стремилась попасть в историю по примеру Герострата или просто желала посмотреть пылающую столицу персидских царей; скорее всего, великолепный дворец стал жертвой женского каприза… Она оказалась на страницах истории рядом с Александром лишь на миг, но этого оказалось достаточно, чтобы стать героиней известного романа «Таис Афинская».

На самом же деле имя Таис упоминается в исторических источниках только один раз, в одном предложении, у одного древнего автора — Курция Руфа. Диодор и Плутарх злого демона Персеполя называют другими именами: Фаида и Таида. Несомненно лишь одно: женщина рукой Александра сожгла дворец персидских царей, воспользовавшись тем, что разум царя помутнен вином.

Курций Руф так излагает это любопытное событие; по сути, оно не отличается от описаний Диодора и Плутарха:

> В то время как враг и соперник его (Александра) царской власти продолжал упорно воевать, а недавно побежденные и покоренные им с пренебрежением относились к его новой власти, он еще засветло садился за пиршества, на которых бывали и женщины, да не такие, которых нельзя было оскорбить, а распутницы, привыкшие жить с военными более свободно, чем

полагалось. Из них одна, Таис, будучи во хмелю, внушает ему, что он вызовет глубокую благодарность у всех греков, если велит поджечь дворец персидских царей: этого, мол, ожидают все, чьи города разрушили варвары. К мнению пьяной распутницы в таком важном деле присоединяются один за другим тоже упившиеся вином; царь проявил тут больше алчности, чем сдержанности:

— Почему бы нам в самом деле не отомстить за Грецию и не запалить город?

Все разгорячились от вина и бросились, хмельные, поджигать город, ранее пощаженный вооруженными врагами. Царь первым поджег дворец, за ним гости, слуги, наложницы. Обширный дворец был построен из кедра, он быстро загорелся, и широко распространился пожар. Когда это увидели в лагере, расположенном недалеко от города, воины, думая, что загорелось случайно, побежали, чтобы оказать помощь. Но подойдя к порогу дворца, видят, что сам царь все еще поддает огня. Вылив воду, которую принесли с собой, они сами стали бросать в огонь горючий материал.

Такую судьбу претерпела царская столица всего Востока: здесь столько народов раньше искало правосудия, здесь была родина стольких царей — некогда предмет исключительного страха для Греции: отсюда посылался флот в тысячу кораблей и полчища, наводнявшие Европу, завалившие море камнями, прорывшие горы и образовавшие в выемке проливы… Македонцы испытывали стыд из-за того, что такой славный город был разрушен царем, упившимся на пиру, но, серьезно обдумав это, они заставили себя поверить, что именно так и следовало разрушить город.

У Плутарха имеется ответ на вопрос: каким образом женщине легкого поведения удалось уговорить царя на глупейший поступок? «То умно прославляя Александра, то подшучивая над ним, она, во власти хмеля, решилась произнести слова, вполне соответствующие нравам и обычаям ее родины, но слишком возвышенные для нее самой». Лесть… Александр становился очень восприимчив к ней. Герой Македонский оказался слишком слаб, чтобы выдержать испытание славой и властью.

Оргия во дворце Персеполя (Работа Г. Симони)

Потребность в лести очень скоро вырастет в Александре до неимоверных размеров, все чаще он идет на недостойные поступки, чтобы ее утолить. Льстецы, умевшие произнести нужное слово, становились обладателями целых состояний; и наоборот, те, кто отказывался восхвалять царя македонян, кто не видел в нем бога, будут платить жизнями за свою опрометчивость.

Когда Александр протрезвел, то весьма пожалел о содеянном; утром он произнес запоздалую умную мысль: для персов было бы более тяжким наказанием от греков, если бы им пришлось увидеть его восседающим во дворце на троне Ксеркса. Так как от трона и дворца остались лишь дымящиеся головешки, Александру пришлось садиться на своего преданного Букефала. Вряд ли царь пожелал видеть Таис, по вине которой прослыл безумцем. Она исчезла из жизни Александра, и, следовательно, из летописных источников.

Очень скоро царь точно так же, как по сожженному Персеполю, будет скорбеть по друзьям, убитым его рукой либо по его приказу. Все чаще некоторые поступки царя будут вызывать вопрос: мог ли такое сделать человек, находящийся в здравом уме.

Глава 3. Слава непобедимого

Напрасно надеялись македоняне, что вместе с дворцом персидских царей сгорели надежды Александра занять трон Дария, что у царя больше нет никаких интересов в Азии. Александр вовсе не думал возвращаться в Македонию, ему по-прежнему нужно было завоевать всю землю. Чтобы войско пошло за ним, Александру пришлось в очередной раз его щедро наградить. Ибо главное для Александра было сдвинуть с места войско, а далее, когда начинались трудности и битвы, в ход шел личный героизм и пример царя.

В поисках Дария

И царь, еще недавно ехавший на колеснице, хранимый благословением богов и святостью своего сана, стал без вмешательства враждебной силы пленником своих рабов, его сажают на грязную повозку, закрытую со всех сторон шкурами.

Руф Квинт Курций. История Александра Македонского

Щедрость Александра не знала границ. Плутарх рассказывает следующую историю:

> Один македонянин из рядовых воинов гнал однажды мула, нагруженного царским золотом. Животное устало, и воин, взвалив груз на себя, сам понес его дальше. Когда царь увидел его мучения и разузнал, в чем дело, он сказал македонянину, намеревавшемуся снять с себя ношу:
>
> — Не поддавайся усталости, пройди остаток пути и отнеси это к себе в палатку.

Впрочем, щедрость в большей степени была необходимостью: не имея ничего иного, чтобы заставить повиноваться воинов, Александр подчинял их с помощью древнего проверенного средства — золота.

Самые богатые в мире воины радостно приняли очередную взятку и отправились за царем навстречу новым приключениям. Однако, согнувшись под тяжестью персидского золота, они все чаще задумывались о своей судьбе. С такими деньгами лучше всего на родине встретить безбедную старость, но вместо этого они бредут в противоположную сторону навстречу неизвестности и новым опасностям. Зачем им эти неприятности, когда даже для самого последнего македонянина, правившего обозной телегой, цель похода достигнута, и его походный мешок полон разного добра? Для чего тащить все эти дарики, куски дорогих тканей, слитки золота и серебра, когда неизвестно, сможешь ли ими воспользоваться? Что им до македонской славы, если никто не помнит имен товарищей, бессмысленно павших в горных ущельях на пути к Персеполю? Александр уже не заказывал лучшим

архитекторам их статуи, как после битвы при Гранике, ибо не хватило бы ваятелей. Слишком много македонян отошло в мир иной на бескрайних просторах Азии.

Так думали солдаты Александра и шли за ним. Шли, потому что получили щедрую подачку, потому что не принято у македонян бросать царя в опасности, в конце концов, надеялись: еще несколько переходов — и царь образумится, повернет назад.

А пока Александр вел свое войско все дальше и дальше на восток. Несколько месяцев прошло так, как будто Дария вовсе не существовало, теперь у него возникло острое желание настигнуть царя персов.

Не выдерживая бешеную гонку, «многие солдаты, измучившись, отставали; лошади падали». Особенно страдало войско из-за отсутствия воды. Александру пришлось забыть, что он избранник судьбы и сын бога; терпеливо царь переносил тяготы похода наравне со всеми. «В этих местах Александр однажды встретил каких-то македонян, возивших на мулах мехи с водой из реки, — рассказывает Плутарх. — Увидев Александра, страдавшего от жажды, — был уже полдень, — они быстро наполнили водой шлем и поднесли его царю. Александр спросил их, кому везут они воду, и македоняне ответили: “Нашим сыновьям; но если ты будешь жить, мы родим других детей, пусть даже и потеряем этих”. Услышав это, Александр взял в руки шлем, но, оглянувшись и увидев, что все окружавшие его всадники обернулись и смотрят на воду, он возвратил шлем, не отхлебнув ни глотка. Похвалив тех, кто принес ему воду, он сказал: “Если я буду пить один, они падут духом”. Видя самообладание и великодушие царя, всадники, хлестнув коней, воскликнули, чтобы он, не колеблясь, вел их дальше, ибо они не могут чувствовать усталости, не могут испытывать жажду и даже смертными считать себя не могут, пока имеют такого царя».

На одиннадцатый день Александр находился в одном дне пути от так называемых Каспийских ворот; Дарий только что их прошел. При такой скорости передвижения, казалось, их встреча неизбежна, и все же не Александр поставил последнюю точку в судьбе последнего персидского царя…

Дарию удалось собрать войско, вполне сопоставимое по численности и боеспособности с македонским: 30 тысяч пехоты, «среди них 4 тысячи греков, до конца верных царю», а также 3300 всадников, преимущественно бактрийцев. С такими силами Дарий надеялся дать бой Александру, но не все разделяли планы персидского царя. Бесс — сатрап Бактрии и самый влиятельный военачальник в армии Дария — решил сохранить свою власть ценой предательства. Он вступил в сговор с другим

военачальником — Набарзаном, и вместе постановили схватить Дария и заключить его в оковы.

Курций Руф пишет:

> Они рассуждали так: если Александр их настигнет, они, передав ему царя живым, заслужат большую благодарность победителя и назначат высокую цену за то, что захватили Дария; если же удастся избежать встречи с Александром, то, убив Дария, они захватят власть и возобновят войну.

Глупцы! Они не понимали, что Александру нужно одержать победу над царем персов только собственной рукой, македонский царь не привык делиться славой, тем более с предателями.

Заговор рос и ширился, слухи о нем дошли и до греческих наемников. Бесс их тоже попытался склонить на свою сторону, но командир эллинов не только отверг союз с изменниками, но и стремился из последних сил спасти царя. Он приказал своим людям надеть оружие, которое до сих пор следовало в обозе, и обратился к Дарию:

— О царь, из 50 тысяч греков нас осталось немного, и мы делим с тобой любую судьбу; мы так же верны тебе в теперешнем твоем положении, как и прежде, когда оно было блестящим; какие бы ты ни выбрал земли, мы пойдем туда как на родину и к домашним очагам. Твое счастье и несчастье тесно связали нас с тобой. Умоляю тебя, во имя нашей нерушимой верности, поставь свой шатер в нашем лагере, позволь нам быть твоими телохранителями. Мы потеряли Грецию, нет у нас никакой Бактрии, вся наша надежда на тебя; о, если бы можно было положиться и на других! Больше сказать я не могу. Я, чужеземец, не просил бы доверить мне твою охрану, если бы был уверен, что другие ее хорошо выполнят.

Дарий равнодушно отнесся к предложению грека: он устал от бесконечной борьбы с Александром и после стольких потерь уже мало ценил собственную жизнь.

И кроме того, персидский царь не мог поверить, что его предали самые близкие люди (Бесс приходился ему родственником).

Дарий ответил командиру эллинов, как пишет Курций, «что, хотя преданность греков ему хорошо известна, он никогда не отступится от своих единомышленников. Ему труднее осудить кого-нибудь, чем самому быть обманутым. Что бы ему ни предназначила судьба, он предпочитает испытывать ее среди своих и не станет перебежчиком. Если его воины не хотят сохранить ему жизнь, то он и так умирает слишком поздно.

Патрон, отчаявшись в спасении царя, вернулся к тем, которыми командовал, готовый по своей преданности на все».

Случай и судьба покровительствуют храбрым и не любят тех, кто, утратив волю к борьбе, опускает руки. Простой смертный, устав от борьбы с обстоятельствами, влачит жалкое существование, но царь обречен на гибель. Слишком много желающих занять его место.

Бесс со своими сообщниками схватил Дария и, забавы ради, приказал заковать в золотые кандалы.

> И царь, еще недавно ехавший на колеснице, хранимый благословением богов и святостью своего сана, стал без вмешательства враждебной силы пленником своих рабов, его сажают на грязную повозку, закрытую со всех сторон шкурами. Деньги и имущество царя разграбляются как бы по праву войны, и преступники, отягченные добычей, захваченной по-разбойничьи, бросаются бежать.

Бесс пытался совершить сделку с Александром, сообщив, что Дарий находится в его власти, но македонский царь лишь приказал войску ускорить шаг. Преследование и днем, и ночью вымотало окончательно солдат Александра; и тогда он покинул армию в пути и устремился за тридцатитысячным войском Бесса всего с трехтысячным отрядом всадников, к которому присоединил еще 300 так называемых двоеборцев (они имели более тяжелое вооружение и обычно ехали на конях, но при необходимости могли сражаться и в пешем строю).

Скоро Александр услышал шум движущегося персидского войска, скрытого облаками поднимаемой пыли.

> Варвары тоже заметили их, но Александр увидал уже удаляющийся от него отряд и определил, что силы их были бы неравны, если бы у Беса оказалось столько мужества для сражения, сколько было при совершении преступления. В численности и силе варвары имели преимущество, к тому же бодрые сразились бы с утомленными от пути. Но имя Александра и молва о нем — важнейший момент в этой войне — заставили их в страхе предаться бегству.

Дарию было предложено поменять повозку на лошадь, чтобы увеличить скорость передвижения, — тот отказался, больше надеясь на благородство Александра, чем на своих недавних подданных. Но тюремщики не позволили Дарию оказаться в

плену у македонян; в ярости они забросали персидского царя копьями и оставили его умирать на пыльной дороге.

Плутарх сообщает, что в лагерь персов ворвалось всего лишь 60 всадников во главе с Александром. «Трудно поверить, — удивляется Курций Руф, — но пленных было больше, чем тех, кто мог их пленить: страх настолько затмил их рассудок, что они не замечали ни своего многолюдства, ни малочисленности неприятеля». Сражалась храбрость со страхом, и судьба, в очередной раз обескураженная безумным героизмом Александра, опять позволила ему с горсткой воинов обратить в бегство толпы врагов.

Александр все же нашел Дария: по сведениям некоторых источников, он был еще жив (что маловероятно), согласно прочим авторам, жизнь покинула персидского царя незадолго до появления Александра. Плутарх сообщает, что «Александр подошел к трупу и с нескрываемою скорбью снял с себя плащ и покрыл тело Дария». Согласно Юстину, Александр отыскал тело Дария, «оплакал его смерть, столь несовместимую с его достоинством, и приказал похоронить его, как подобает царю, и положить его в гробницу предков».

Позже Александр нашел тех, кто помог ему избавиться от главного врага, и рассчитался за эту услугу весьма своеобразно. «Два прямых дерева были согнуты и соединены вершинами, — рассказывает Плутарх, — к вершинам привязали Бесса, а затем деревья отпустили, и, с силою выпрямившись, они разорвали его».

Второй убийца Дария, Барсаент, от гнева Александра бежал в Индию. И там не удалось ему скрыться; индийцы поймали помощника Бесса и выдали Александру, который немедленно его казнил «за измену Дарию».

Неповиновение

…И многие из прежних друзей стали к нему враждебны.

Руф Квинт Курций. История Александра Македонского

Хотя врагов парализовало само имя Александра и они почти не оказывали сопротивления, войско македонян понесло значительные потери. Виной тому была трудность избранного Александром маршрута. Оценить жертвы сумасшедшей погони за Дарием помогает сообщение Юстина: «Воинов, погибших во время преследования Дария, Александр торжественно похоронил, израсходовав на это большую сумму; между оставшимися в живых участниками его похода он разделил 13 тысяч талантов. Большая часть лошадей пала от зноя, а те, которые выжили, уже ни на что не годились».

Смерть настигала не только животных, но и людей, причем не столько от оружия врага: истощение, отсутствие воды, непривычный климат и местные болезни, против которых далекие пришельцы не имели иммунитета. В одном из переходов умер от болезни Никанор — второй сын Пармениона, который командовал щитоносцами и участвовал во всех значительных битвах Александра.

Александр намеренно усложнял путь к цели, обходя все легкое и удобное, предварительно давая врагу возможность удалиться на приличное расстояние и собраться с силами. Однако македонянам надоели причуды царя, их не радовали ни победы, ни набитые золотом походные ранцы — воины хотели вернуться домой живыми, а не увеличивать славу царя ценой собственных жизней.

Македоняне отказывались понимать Александра, но их царь твердо верил, что, как человекобог, он обязан владеть всей землей, как прочие боги правят солнцем, морем, ветром и другими планетами. Но если он считал себя богом, то воины были только людьми.

Особенно настаивали на возвращении домой греки, бывшие в войске Александра. Удерживать их царь не мог во избежание бунта; он лишь предложил выбор: либо возвращение на родину, либо очень большие деньги и дальнейшая служба.

Диодор пишет:

> Александр, видя, что македонцы рвутся домой, считая, что со смертью Дария война окончена, собрал всех, воодушевил подходящей речью и убедил продолжать поход. Воинов из союзных греческих городов он созвал, поблагодарил за то, что они сделали, и отпустил, подарив каждому всаднику по одному таланту и каждому пехотинцу по 10 мин. Он выплатил причитающееся им жалованье, добавив к нему плату за все время, какое они пробудут на возвратном пути домой. Тем же, кто предпочел остаться вместе с царем, он выдал каждому по 3 таланта. Так богато одарил он воинов потому, что был щедр по природе, а также потому, что, преследуя Дария, захватил много денег.

Александру удалось уговорить войско продолжать поход. После этого он довольно легко подчинил Гирканию, расположенную на юго-восточном побережье Каспийского моря. Собственно, защищать ее было некому, и не для кого после смерти Дария.

И здесь начинается перерождение Александра. В Гекатомпилах — столице новой покоренной страны, мы не увидим Александра, отличавшегося спартанским образом жизни и за это пользовавшегося уважением воинов. Дух восточных царей не умер вместе с Дарием, он вселился в победителя и развращал его пороками, не сумев победить оружием.

Курций Руф рассказывает:

> Беспрерывные пиры, нездоровые до утра попойки и увеселения с толпами распутниц, всяческое погружение в чужеродные обычаи. Перенимая их, будто они лучше родных, царь оскорблял чувства и взоры своих соплеменников, и многие из прежних друзей стали к нему враждебны. Ибо людей, преданных родным обычаям, привыкших удовлетворять естественный голод простой и легко добываемой пищей, он натолкнул на чуждые им пороки покоренных племен. Отсюда большое число заговоров против него, недовольство солдат, более свободное выражение взаимных жалоб; самого же Александра охватывал то гнев, то подозрения, вызванные беспричинным страхом, и другие подобные чувства…
>
> Тратя дни и ночи в беспрерывных пирах, пресыщение от них он старался сменить развлечениями, но, не довольствуясь артистами, толпу которых он привез из Греции, он заставлял пленных женщин петь свои песни, неблагозвучные и ненавистные для ушей

иноземцев. Среди этих женщин царь заметил одну, печальнее других, отказывавшуюся выходить вперед; она выделялась красотой, облагороженной еще и скромностью: опуская всегда глаза и закрывая, насколько можно, лицо, она внушала царю мысль, что она высокого рода и что не должна была бы появляться на пирах. На вопрос, кто она, женщина сказала, что внучка бывшего царя персов Оха, дочь его сына, и была женой Гистаспа. Гистасп этот был родственник Дария и командовал большой армией. В душе царя еще держались остатки прежнего благородства: из уважения к судьбе женщины столь высокого рода и к славному имени Оха он не только освободил пленницу и возвратил ей ее достояние, но и приказал разыскать ее мужа, чтобы вернуть ее супругу.

Пока Александр развлекался, нагрянула новая опасность; причиной ее стал не враг, а собственное войско. По лагерю македонян поползли слухи, «что царь, удовлетворенный достигнутым, решил теперь же вернуться в Македонию. Солдаты как безумные бросаются к своим палаткам и начинают упаковывать свой багаж для похода; можно было подумать, что был дан сигнал собираться в путь». Слуху этому способствовали греки, отпущенные Александром домой, — видимо многих не соблазнила даже гигантская сумма в 3 таланта, которую царь платил каждому остающемуся в войске. Все труднее покупать преданность солдат за деньги, потому что они награбили столько добра в персидских городах и столько вытянули у Александра, что золота им стало достаточно.

Царь с ужасом увидел, как войско, с которым он собирался «пройти до индов и до крайних стран Востока», грузит свое имущество на повозки, выстраивающиеся в колонну на Запад. Такого жалкого, растерянного, беспомощного Александра мы не видели даже накануне битвы при Гранике, начатой с крайне невыгодной для македонян позиции; такого страха не было в глазах Александра накануне битвы при Гавгамелах, хотя, казалось, у него не было ни единого шанса против миллионной армии Дария.

Александр собирает у себя в палатке военачальников и, как пишет Курций Руф, «со слезами на глазах жалуется, что ему приходится в зените своей славы возвращаться на родину скорее побежденным, чем победителем. И мешает ему не малодушие солдат, а зависть богов, вселивших внезапно в души храбрейших его людей тоску по родине, куда они вернулись бы немного позже

с еще большей славой».

Военачальники были также в недоумении; единственное, они посоветовали царю обратиться с речью к войску.

Он не обладал красноречием отца, которым тот не без оснований гордился. Речь Александра тяжеловесна, невыразительна и неубедительна. Царь не стал соблазнять воинов богатствами Индии, он просил лишь четыре дня, чтобы наказать убийц Дария и тем закончить войну. Из этой длинной, весьма трудной для восприятия речи процитируем лишь заключительную часть:

— Нам, прошедшим через столько снегов, столько рек, преодолевшим столько горных вершин, предстоит еще четырехдневный поход, — обещает солдатам Александр. — Ни море, заливающее волнами дорогу, не препятствует нашему пути, ни теснины Киликии; вся страна ровная и удобная для похода. Мы стоим на самом пороге победы. Нам осталось победить нескольких беглецов, убивших своего господина. Это благородная задача, клянусь богами, и среди славнейших наших дел, переданных потомству, будет упоминаться, как вы отомстили убийцам вашего врага, Дария, ненависти к которому вы после его смерти больше не имели, как ни одному бесчестному человеку вы не дали ускользнуть из ваших рук. Когда это будет сделано, насколько послушнее станут персы, поняв, что вы ведете справедливые войны и что ваш гнев возбуждает не имя Бесса, а его преступления!

Александр сознательно врал; он не собирался отпускать войско ни через четыре дня, ни через четыре года, Александр собирался воевать всю жизнь. Ему было необходимо остановить воинов сегодня и сейчас, и для этого все средства в глазах царя были хороши.

Одна из проблем Александра заключалась в том, что его идеологическая машина отработала ресурс и остановилась. Как мы помним, поход совершался под знаменем наказания персов за войну с греками; теперь Персидская держава пала, Дарий убит, следовательно, все цели восточной экспедиции достигнуты. «Справедливая война» закончилась, ибо дальше лежали земли народов, с которыми греки никогда не встречались. Великий завоеватель еще пытался некоторое время продержаться на старой идеологической мотивации, оттянуть, насколько возможно, ее полный крах.

Александр принялся искать союзников на Востоке, равно как и источники пополнения войска живой силой. Все чаще он связывает свои надежды на бесконечную войну с новыми подданными. Отсюда и заигрывание с персидской знатью,

особенно некрасивое после сожжения столицы Персии. Персидского вельможу Оксидата Александр назначил сатрапом Мидии, «а брата Дария принял в когорту своих друзей, сохранив ему все почести прежнего положения».

А македоняне? После победы над персами их ожидали репрессии и террор, штрафные батальоны для возмутителей спокойствия и смерть для несогласных с планами царя.

Тем не менее войско Александра опять подчинилось ему. Солдатам важна была не речь и не малое количество дней, что им предстояло воевать; воинов покорило то, что их жалобно просил царь, который мнил себя полубогом, герой, всегда первым встречавший любые трудности. Они могли не выполнить приказ Александра, но не просьбу. И македоняне после сбивчивой речи царя дружно, не веря собственным голосам, закричали, «чтобы он вел их, куда пожелает».

Пользуясь моментом, Александр оставил пиры и повел войско на первый же попавшийся под руку народ. Несчастье пало на горное племя мардов, живших на окраине Гиркании.

В эти земли долгое время никто не вторгался ввиду их труднодоступности. Их не трогали даже персы, потому что кроме неприятностей от мардов нечего было получить. «Народ бедный и потому воинственный» — так Арриан характеризует объект нападения Александра. Зачем же Александру понадобились горы, населенные полудикими племенами? Ответ можно найти у Курция Руфа.

> У границ Гиркании обитало племя мардов, с грубым образом жизни, привыкшее к разбоям. Только они не прислали послов и, казалось, не собирались подчиниться. Поэтому царь, раздраженный тем, что какой-то народ может лишить его славы «непобедимого», оставив обоз под охраной, выступил против них с отрядом непобедимых.

Внезапность нападения принесла некоторый успех македонянам.

> Но проникнуть во внутренние части этой страны нельзя было без большого напряжения сил для войска; путь преграждали горные хребты, густые леса и неприступные скалы; а ровные места варвары загородили по новому способу…

Марды не только скрывались в горах, но и весьма успешно сражались с македонянами. Однажды они напали на царских

конюхов, частью перебили, частью взяли в плен вместе с любимым конем Александра — Букефалом. Потеря для царя ужасная — на этом коне он одержал все победы в Азии. Букефал стал для Александра чем-то вроде талисмана.

Плутарх рассказывает о том, что «Александр пришел в ярость и объявил через вестника, что если ему не возвратят коня, он перебьет всех местных жителей с их детьми и женами». И он стремительно принялся приводить угрозы в исполнение. Тактика выжженной земли наконец-то дала положительный результат.

Устрашенные марды вернули Букефала, но Александр успокоился не сразу. Он пытался даже изменить местный ландшафт, таивший опасности на каждом шагу: «царь велит вырубить заросли и землей с гор заровнять равнину, загороженную ветвями». Так утверждает Курций Руф, но согласно Плутарху, «когда ему привели коня и города добровольно покорились, Александр обошелся со всеми милостиво и даже заплатил похитителям выкуп за Букефала».

В общем, Александр удовлетворился тем, что его признали победителем и вернулся на своем Букефале в столицу Гиркании. Здесь его ждал приятный сюрприз.

Царица амазонок

Царь, изумленный необычайным явлением и достойным видом женщины, спросил Фалестриду, что ей надобно. Она ответила, что желает иметь ребенка; он превзошел всех мужчин своими подвигами, она же выделяется среди женщин силой и мужеством; дитя, рожденное от родителей, которые превосходят прочих людей, конечно, будет первым в мире по доблести.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека

В лагерь македонян прибыли послы от царицы Талестрис (Диодор называет ее Фалестридой), земли которой находились между Кавказом и рекой Фасис. Они сообщили, что царица страстно желает видеть Александра, познакомиться с ним лично и она уже находится на пути в Гирканию. Польщенный Александр дал согласие на встречу.

Гостья прибыла в сопровождении отряда из трехсот воинственного вида женщин. Курций так описывает внешний вид ее спутниц: «Одежда амазонок не полностью покрывает тело; левая половина груди обнажена; все остальное закрыто, но одежда, подол которой они связывают узлом, не опускается ниже колен. Они оставляют только одну грудь, которой кормят детей женского пола, правую же грудь они выжигают, чтобы было удобнее натягивать лук и бросать копье».

Наконец-то царица амазонок встретилась с тем, к кому она стремилась всей душой и телом, и была несколько разочарована. По свидетельству Курция, «без всякого страха Талестрис смотрела на царя, внимательно изучая его внешний вид, совсем не соответствовавший его славе; ибо все варвары чувствуют уважение к величественной внешности и думают, что на великие дела способны только люди, от природы имеющие внушительный вид». Однако намерений своих женщина не изменила.

Когда Александр поинтересовался о цели визита, женщина ответила, что желает иметь ребенка. Ведь он превзошел всех мужчин своими подвигами, а она тоже отличается от других женщин — прежде всего силой и мужеством. Ребенок,

появившийся на свет у родителей, которые превосходят прочих людей, конечно, будет первым в мире по доблести. Александру эти слова понравились — он пришел в полный восторг и принял царицу. Он провел с ней 30 дней, после чего отпустил домой с богатыми дарами.

Талестрис обещала поступить согласно традициям своего народа: если на свет появится ребенок женского пола, то останется с матерью, мужского — отдаст отцу.

Чужие нравы

> *В эту пору во всем лагере все стали возмущаться тем, что Александр оказался таким выродком по сравнению с отцом своим Филиппом, что даже отрекся от своей родины и перенял те самые персидские нравы, вследствие которых персы были побеждены.*
>
> *Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога*

После визита царицы и без того непомерное самолюбие Александра выросло до небес. Он не только сменил захолустную Гирканию на столицу Парфии; «здесь он открыто дал волю своим страстям и сменил умеренность и сдержанность, прекрасные качества при высоком его положении, на высокомерие и распутство» (Курций).

Македонянам не суждено больше увидеть Александра, которого они знали в начале похода, который довольствовался грубой солдатской пищей, вместе с ними переносил все трудности войны и отвергал женщин.

Все древние историки единодушны, рассказывая о жизни царя во дворце Парфиены.

Читаем у Юстина.

> После этого Александр стал носить одежду персидских царей и диадему, что не было принято ранее у македонских царей; Александр как будто заимствовал законы у тех, кого победил. Чтобы эта одежда, если он станет носить ее один, не показалась от этого особенно ненавистной, он и друзьям своим приказал одеваться в длинные пурпурные одежды, расшитые золотом. Желая подражать персам в распущенности нравов не менее, чем в одежде, он отобрал среди множества царских наложниц самых красивых и знатных по происхождению и проводил с ними ночи поочередно. Кроме того, он стал держать невероятно пышную трапезу, чтобы его образ жизни не казался слишком трезвым и скудным, стал с царственной роскошью справлять пиры с играми, совершенно забыв, что такие нравы ведут не к

укреплению мощи, а к потере ее.

Юстина дополняет Диодор Сицилийский.

> Теперь Александр решил, что намерения его осуществлены и власть непоколебима. Ему начала нравиться персидская изнеженность и роскошь азиатских царей. Сначала он завел во дворце жезлоносцев и поставил на эту должность уроженцев Азии, затем сделал своими телохранителями виднейших персов, в том числе Дариева брата Оксафра. Затем он надел персидскую диадему, хитон беловатого цвета, персидский пояс и прочие принадлежности персидского костюма, кроме штанов и кандии. Спутникам своим он дал багряные одежды и на лошадей надел персидскую сбрую.

Курций Руф более негативно относится к нововведениям Александра.

> Обычаи своей родины, умеренность македонских царей и их гражданский облик он считал неподходящими для своего величия, равного величию персидских царей, и соперничал по своей власти с богами. Он требовал, чтобы победители стольких народов, приветствуя его, падали ниц, постепенно приучая их к обязанностям рабов, обращаясь с ними, как с пленниками. Итак, он надел на голову пурпурную с белым диадему, какую носил Дарий, оделся в наряды персов, не боясь дурного предзнаменования, потому что заменяет знаки отличия победителя на одежду побежденного. Он говорил, что носит персидские доспехи, но вместе с ними перенял и персидские обычаи, а за великолепием одежды последовало и высокомерие духа. Письма, посылавшиеся в Европу, он запечатывал своим прежним перстнем, а те, которые отправлял в Азию, — перстнем Дария, но было очевидно, что один человек не может охватить судьбы двоих.

Даже Плутарх, с восхищением описывавший деяния Александра, теперь недоволен своим героем. Талантливый грек пытается сгладить не самое лучшее впечатление от «нового» Александра.

> Из Гиркании Александр выступил с войском в

> Парфию, и в этой стране, отдыхая от трудов, он впервые надел варварское платье, то ли потому, что умышленно подражал местным нравам, хорошо понимая, сколь подкупает людей все привычное и родное, то ли готовясь учредить поклонение собственной особе, он хотел таким способом постепенно приучить македонян к новым обычаям. Но все же он не пожелал облачаться полностью в мидийское платье, которое было слишком уж варварским и необычным, не надел ни шаровар, ни кандия, ни тиары, а выбрал такое одеяние, в котором удачно сочеталось кое-что от мидийского платья и кое-что от персидского: более скромное, чем первое, оно было пышнее второго. Сначала он надевал это платье только тогда, когда встречался с варварами или беседовал дома с друзьями, но позднее его можно было видеть в таком одеянии даже во время выездов и приемов.
>
> Зрелище это было тягостным для македонян, но восхищаясь доблестью, которую он проявлял во всем остальном, они относились снисходительно к таким его слабостям, как любовь к наслаждениям и показному блеску.

Царица амазонок разбудила наконец в Александре страсть к слабому полу. Царь с удовольствием предался новому для него пороку; и здесь он не знал меры, как и в любом деле, за которое брался. По примеру Дария, Александр завел гарем в 365 наложниц (по числу дней в году), который обслуживала толпа евнухов. Александра услаждали самые лучшие азиатские красавицы. Каждую ночь они становились вокруг царского ложа, как пишет Диодор, чтобы он мог выбрать ту, которая проведет с ним ночь.

Воины были не столь снисходительны к новому образу жизни царя, как пытается представить Плутарх. «В эту пору во всем лагере все стали возмущаться тем, что Александр оказался таким выродком по сравнению с отцом своим Филиппом, что даже отрекся от своей родины и перенял те самые персидские нравы, вследствие которых персы были побеждены», — выражает настроение македонян Юстин.

С Юстином соглашается и Курций Руф:

> Все это в соединении с роскошью и чужеземными привычками вызывало открытое недовольство неискушенных в разврате старых воинов Филиппа, и во всем лагере были одни думы и речи, что с победой они

> потеряли больше, чем захватили на войне; что, покорившись чужеземным обычаям, они сами оказались побежденными. С какими, наконец, глазами явятся они домой, как бы в одежде пленников. Им стыдно за себя; а царь их, больше похожий на побежденного, чем на победителя, из македонского повелителя превратился в сатрапа Дария. И царь, понимая, что он глубоко оскорбил своих друзей и солдат, старался вернуть себе их преданность щедрыми подарками. Но я думаю, что ненавистна свободным людям цена рабства.

Александр понимал, что прежнее македонское войско никогда не признает в нем бога и восточного царя; даже к его отцу — хитрому, коварному, жестокому Филиппу — македоняне относились как к первому среди равных. Не в крови этого народа раболепие и почитание царей. Коль Александр не мог отказаться от своей мечты и новых привычек, он решил изменить македонян или… заменить их персами.

Юстин отмечает:

> Чтобы не показалось, что только он один опустился до порочной жизни тех, кто был побежден его оружием, он позволил также и своим воинам брать в жены тех пленных женщин, с которыми они были в связи, полагая, что у солдат будет меньше желания вернуться на родину, если в лагере они почувствуют некоторое подобие домашнего очага и семейной обстановки, и сами военные труды покажутся легче благодаря сладостям брака. Да и новые призывы в армию будут меньше истощать Македонию, если на места отцов-ветеранов будут заступать сыновья-новобранцы, чтобы сражаться у того лагерного вала, у которого они родились, и они будут еще более стойкими, если начало их военной службы пройдет в том же лагере, где стояла их колыбель.

Наконец, Александр решил вырастить новую македонскую фалангу, но не из своих соплеменников. Вскоре он приказал отобрать 30 тысяч персидских мальчиков «и поставил над ними многочисленных наставников, чтобы выучить их греческой грамоте и обращению с македонским оружием».

За казнью казнь

Из трех сыновей Пармениона двое погибли в сражениях на глазах у отца, а вместе с третьим сыном погиб он сам.

Плутарх. Александр

Новая фаланга из персов подрастала очень медленно, и македонскому царю приходилось воевать с тем войском, которое имелось. Но вот беда, кроме того что македоняне стремились на родину, они совершенно перестали уважать своего царя. Как же Александр заставил повиноваться войско?

Власть любого тирана держится на страхе, который периодически усиливают кровью самых значительных граждан. Убивают лучших из лучших — тиран не терпит потенциальных соперников его власти и славы; убивают публично, чтобы каждый знал — такое может произойти и с ним, любой может расстаться с жизнью лишь за неправильно сказанное слово. Если не уважают — пусть боятся! Так поступал и Александр.

Первыми сложили головы те, кто принес Александру все самые значительные победы в войне с Дарием. Они стали не нужны македонскому царю: государство персов пало, а дальнейшей войны не хотел ни один человек в македонском войске, за исключением самого Александра. И как раз те, кто вел македонян к победе, могли повести их против Александра, потому что солдаты их любили, верили им.

Филота (иногда, как, например, у Плутарха, встречается: Филот), сын Пармениона, непобедимого полководца двух царей — Филиппа и Александра, стал первым, на кого обрушился злой рок. Своими поступками и мыслями он был похож на Александра, как брат-близнец. Для убедительности послушаем характеристику, данную ему Плутархом.

Филот, сын Пармениона, пользовался большим уважением среди македонян. Его считали мужественным и твердым человеком, после Александра не было никого, кто был бы столь же щедрым и отзывчивым. Рассказывают, что как-то один из его друзей попросил у него денег, и Филот велел своему домоуправителю выдать их. Домоуправитель отказался, сославшись на то, что денег нет, но Филот сказал ему:

— Что ты говоришь? Разве у тебя нет какого-нибудь кубка или платья?

Однако высокомерием и чрезмерным богатством, слишком тщательным уходом за своим телом, необычным для частного лица образом жизни, а также тем, что гордость свою он проявлял неумеренно, грубо и вызывающе, Филот возбудил к себе недоверие и зависть. Даже отец его, Парменион, сказал ему однажды:

— Спустись-ка, сынок, пониже.

У Александра он уже давно был на дурном счету.

Увы, тиранам не нужны себе подобные.

Падение Филоты произошло не без участия женщины. «Ищите женщину!» — восклицали любвеобильные французы, но в седой суровой античности хрупкие нежные создания точно так же возводили на трон царей и приводили к гибели властителей и полководцев.

После победы в Киликии Филота выбрал из числа пленниц девушку по имени Антигона. Она была необыкновенно красива, неудивительно, что военачальника охватило пламя страсти и он потерял голову. «Как это свойственно молодым людям, — справедливо замечает Плутарх, — Филот нередко, выпив вина, хвастался перед возлюбленной своими воинскими подвигами, приписывая величайшие из деяний себе и своему отцу и называя Александра мальчишкой, который им обоим обязан своим могуществом».

Женщина поделилась откровениями любовника с приятелями, в конце концов слухи дошли до Александра. Александр был вне себя от злости, но, в то же время, он не мог расправиться с двумя лучшими полководцами. Несомненно, он боялся славы и силы этих людей, царю оставалось ждать подходящего повода.

Скоро повод представился. Случайно раскрыли заговор с целью убийства Александра. (В существовании заговорщиков не было ничего удивительного: царь со своими непомерными амбициями надоел всем, кроме разве что преданного друга Гефестиона и матери Олимпиады.) Участники заговора были арестованы. За Филотой Александр послал отряд в 300 воинов, его дом окружили со всех сторон, но такие предосторожности были излишними. Филота крепко спал, и когда его, полусонного, заковали в цепи, лишь произнес: «Жестокость врагов моих победила, о царь, твое милосердие!»

Арестованных допрашивали и пытали, но ни один не назвал Филоту в числе участников заговора. Было очевидно, что Филота

невиновен и его следовало отпустить, но Александр никогда не останавливался на полпути и на этот раз решил окончательно избавиться от оспаривающего его славу военачальника. Его привлекли к суду.

Что представлял собой суд у македонян, рассказывает Курций Руф:

> По древним обычаям Македонии, приговор по уголовным преступлениям выносило войско, в мирное время это было право народа, и власть царей не имела значения, если раньше не выявилось мнение масс.

Что ж, царь подготовился и к суду: он «привлек к себе тех людей, которые издавна ненавидели сына Пармениона». Теперь они кричали, что царь проявляет беспечность, оставляя до сих пор в живых Филоту.

И вот Филота предстал перед войском, исполнявшим в тот момент обязанности судьи. Его вывели «со связанными руками и покрытого изношенным плащом. Было видно, что люди тронуты жалким видом того, на кого так недавно смотрели с завистью». Военачальники Александра стремились занять прежнее место Филоты, а также боялись оказаться на его нынешнем месте, и потому неистовствовали в обвинениях. Аминта утверждал, что сын Пармениона предал войско варварам. «Затем Кен, хотя и был женат на сестре Филота, обвинял его сильнее всех остальных, крича, что он предатель царя, страны, войска, и, схватив лежащий у ног камень, собрался бросить в него…»

Далее пошли военачальники помельче, соответственно и претензии к Филоте выдвигались смехотворно мелочные. Курций Руф пишет о неком полководце Болоне.

> Старый солдат, из простого народа дослужившийся до своего высокого положения… стал настойчиво вспоминать, сколько раз его людей прогоняли с занятых ими мест, чтобы свалить нечистоты рабов Филота там, откуда согнали солдат; как повозки Филота, груженные золотом и серебром, стояли повсюду в городе, как никого из солдат не допускали к его помещению, как их отгоняла стража, поставленная охранять сон этого неженки не только от каких-либо звуков, но даже и от еле слышного шепота. Сельские, мол, жители всегда подвергались его насмешкам: фригийцами и пафлагонцами называл их тот, македонец по рождению, не стыдился выслушивать своих соотечественников с помощью переводчика.

Увы! Люди одинаковы во все времена: им доставляет огромное удовольствие пинать связанного льва. Вспоминались самые мелкие обиды; в другое время они бы вызвали лишь смех, но ныне возбудили всеобщую ненависть к Филоте. Глупцы не понимали, что уничтожая Филоту, они многим из ныне злорадствующих подписывают смертный приговор, остальные же превратятся в рабов живого бога Александра; домой вернутся немногие из участников судилища, и очень нескоро.

К удовлетворению Александра, «суд» предложил побить Филота камнями, по старому македонскому обычаю. Однако царь посчитал, что недостаточно удовлетворил свое чувство мести. Гефестион, Кратер и Кен настаивали, чтобы перед смертью Филоту подвергли пыткам с целью «добиться правды». Совет македонян дал согласие и на эту процедуру, затем воины были распущены по палаткам.

Мучили Филота долго и жестоко. «Его подвергли пыткам в присутствии ближайших друзей царя, а сам Александр слышал все, спрятавшись за занавесом» (Плутарх). Курций Руф подробно описывает издевательства над сыном Пармениона:

> Его схватили, и пока завязывали ему глаза и срывали с него одежду, он напрасно призывал богов своей отчизны и законы всех народов, обращаясь к тем, кто не хотел слушать. Затем его стали терзать изощреннейшими пытками, ибо он был осужден на это и его пытали враги в угоду царю. Сначала, когда его терзали то бичами, то огнем и не для того, чтобы добиться правды, но чтобы наказать его, он не только не издал ни звука, но сдерживал и стоны. Но когда его тело, распухшее от множества ран, не могло больше выдержать ударов бича по обнаженным костям, он обещал, если умерят его страдания, сказать то, что они хотят. Но он просил, чтобы они поклялись жизнью царя, что прекратят пытку и удалят палачей. Добившись того и другого, он произнес:
>
> — Скажи, Кратер, что ты желаешь услышать от меня?
>
> И когда Кратер, взбешенный тем, что Филота смеется над ним, позвал палачей обратно, Филота стал умолять дать ему время перевести дыхание, обещая сказать все, что знает.

И тогда Филот передал слова погибшего в сражении друга отца — Гегелоха. Они, собственно, были лишь реальной оценкой нынешнего Александра.

Когда царь приказал почитать себя как сына Юпитера, возмущенный этим Гегелох сказал:

— Неужели мы признаем царя, отказавшегося от своего отца, Филиппа? Мы погибнем, если допустим это. Кто требует, чтобы его считали богом, презирает не только людей, но и богов. Мы потеряли Александра, потеряли царя и попали под власть тирана, невыносимую ни для богов, к которым он приравнивает себя, ни для людей, от которых он себя отделяет. Неужели мы ценой нашей крови создали бога, который пренебрегает нами, тяготится советами смертных? Поверьте мне, и боги придут нам на помощь, если мы будем мужественны.

Александра мало интересовала давняя болтовня убитого Гегелоха. Ему было важно заставить Филота признать себя причастным к нынешнему раскрытому заговору. Только так царь мог избавиться «от большой опасности, не только смерти, но и ненависти, ибо Пармениона и Филота, его первых друзей, можно было осудить только при явных уликах виновности, иначе возмутилась бы вся армия».

Палачи продолжили пытки, «ударяя копьями по лицу и глазам» до тех пор, пока Филота не сознался во всех преступлениях. После этого его забили до смерти камнями; согласно Арриану, «Филоту и других участников этого заговора македонцы поразили дротиками».

Убийство Филоты и участников заговора доставило огромное удовольствие Александру: теперь он почувствовал себя могущественным, как бог. От его слова зависела жизнь и смерть не только персов, бактрийцев, но и македонян. И царь решил продолжить кровавое действо.

Третий год томился в походной тюрьме Александр Линкест. Его также обвиняли в попытке убить царя, но даже Александр не осмеливался лишить его жизни. Дело в том, что Линкест приходился зятем Антипатру, который управлял Македонией в отсутствие царя. Естественно, смерть Линкеста могла сделать Александра царем без царства, но теперь ситуация изменилась. Антипатр продолжал управлять Македонией и просил помиловать зятя, но Александр был уже не просто царь — он почувствовал себя богом, а боги не могут бояться смертных. Несчастного Александра Линкеста царь велел доставить на суд македонян.

Курций Руф пишет:

Итак, Александра привели из-под стражи и велели ему говорить. Но хотя он обдумывал оправдательную

> речь в течение трех лет, от смущения и волнения он сказал мало из того, что подготовил; под конец ему изменила не только память, но и рассудок. Ни у кого не было сомнения, что его волнение свидетельствует об упреках совести, а не о слабой памяти. Итак, воины, стоявшие к нему ближе, пронзили его копьями, пока он еще боролся со своей забывчивостью.

Волей-неволей Александру пришлось убить и любимого войском Пармениона, который считался лучшим другом Александра. Теперь же старый полководец был поставлен правителем Мидии; в его распоряжении находилась царская казна в 180 тысяч талантов и преданное войско. По одному из предположений Арриана, если Парменион и не участвовал в заговоре, «то теперь, после гибели сына, страшно было бы оставить его в живых; слишком высоко ценил его не только Александр, но и все войско, не только македонское, но и чужеземное; часто в очередь и без очереди командовал он ими по приказу Александра и к общему удовольствию».

Самыми громкими победами Александр и его отец, Филипп были обязаны Пармениону. Именно он, по словам Плутарха, побуждал Александра к походу на Азию. И этот поход принес Пармениону больше горя, чем славы. Из трех сыновей двое погибли раньше. Третий же, Филота, убит после долгих истязаний по воле Александра. Впрочем, Парменион так и не узнает о смерти последнего сына. Александр действовал молниеносно, без лишних раздумий и угрызений совести: ведь убийцам необходимо было достичь столицы Мидии раньше, чем туда попадут столь же стремительно разлетавшиеся слухи о смерти Филоты.

Исполнителем приговора для Пармениона был избран Полидамант — любимец старого полководца, обычно в сражениях находившийся подле него. Выбор был неслучаен, ибо приблизиться к Пармениону свободно мог человек, которому тот доверял, если даже молва о смерти сына дошла до Экбатан. Чтобы и вовсе не возникло препятствий, царь вручил два письма для Пармениона: одно от него, второе якобы от сына (перстень с печатью Филоты находился у Александра).

Александр видел, что его приказ очень смутил Полидаманта, но не сомневался, что он будет исполнен в точности. Царь приказал схватить младших братьев Полидаманта и держать их в качестве заложников.

Убийце в Мидии должны помочь стратеги Пармениона: Клеандр, Ситалк и Менид — Александр обещал разделить между

ними войско и власть Пармениона. Курций Руф описывает последние мгновения жизни старого полководца.

Парменион прогуливался в роще, окруженный военачальниками, которым царь в своих письмах предписывал его убить. Для исполнения предписания они установили момент, когда Парменион начнет читать письма, которые ему передаст Полидамант. Последний, изобразив уже издали, как только его заметил Парменион, радость на лице, побежал, чтобы его обнять. Когда они обменялись взаимными приветствиями, Полидамант передал Пармениону письмо, написанное царем.

Парменион, ломая печать письма, спросил, что делает царь. Тот ответил, что он узнает об этом из самого письма. Парменион, прочтя его сказал:

— Царь готовит поход против арахосиев. Деятельный человек, он никогда не знает отдыха. Однако, достигнув столь большой славы, он уже должен беречь свою жизнь.

Затем он стал читать другое письмо, написанное от имени Филота, и на его лице отразилась радость. Тут Клеандр вонзил ему в бок меч, а затем перерезал горло; остальные также пронзили его, уже мертвого.

Оруженосцы, стоявшие у входа в рощу, узнав об убийстве, причина которого им была непонятна, бросаются в лагерь и тревожной вестью поднимают воинов. Те, вооружившись, сходятся к роще, в которой было совершено убийство, и заявляют, что если Полидамант и остальные участники преступления не будут выданы, то они сломают стену, окружающую рощу, и прольют кровь за кровь своего военачальника. Клеандр велит впустить их главарей и читает им письмо царя к воинам о кознях Пармениона и с приказом отомстить. Объявление воли царя пресекло если не гнев, то, во всяком случае, мятеж. Большинство воинов разошлись; остались немногие, просившие разрешения хотя бы похоронить тело своего военачальника. Клеандр долго отказывал им в этом, боясь оскорбить царя. Затем, когда их просьбы стали более настойчивыми, он разрешил похоронить обезглавленное тело, считая необходимым устранить причину их недовольства. Голова Пармениона была послана Александру.

Таков был конец Пармениона, славного как на

> войне, так и в мирное время. У него было много удач без царя, царю же без него не довелось совершить ни одного великого дела. Он умел угождать царю, требовавшему всеобщего подчинения своему счастью. В свои 70 лет он с юношеской энергией исполнял обязанности военачальника и часто даже рядового воина; быстрый в решениях, смелый в их исполнении, он был любим военачальниками и еще более воинами.

Юстин пишет, что «в лагере все начали роптать, сожалея о смерти невинного старика и его сына, между прочим говорили, что и им всем не приходится ждать ничего лучшего».

Александр нашел способ избавиться от возмутителей спокойствия; его изобретательность удивляет, если учесть, что на поле боя она вообще никак не проявлялась. Македонский царь реализовал мечту любого властителя: узнать, что говорят о нем подданные. Он сообщил войску, что посылает в Македонию некоторых своих друзей вестниками победы над Дарием; солдатам же посоветовал написать письма родным и послать вместе с ними.

> Сданные связки писем он приказывает тайно принести к нему. Узнав из этих писем мнение о себе отдельных солдат, он всех тех, кто наиболее резко отозвался о нем, свел в одну когорту, с тем чтобы либо истребить их, либо распределить их по колониям в самых отдаленных областях.

Согласно Диодору, всех, кто дурно отзывался о царе и его намерениях, Александр соединил в одно подразделение — «отряд беспорядочных».

Так появился один из первых в истории штрафных батальонов и начала работать жесточайшая цензура — непременные атрибуты тиранов.

Добыча в костре

> *Сожжены были самими владельцами сокровища, ради которых люди часто гасили пожары, чтобы вынести их невредимыми из вражеских городов. И никто не посмел оплакивать цену своей крови, раз тот же огонь пожрал и богатства царя.*
>
> *Руф Квинт Курций. История Александра Македонского*

Войско Александра после недавних событий находилось в подавленном состоянии. Чтобы отвлечь солдат от мрачных мыслей, Александр снова повел их в поход, тем более что он не собирался отказываться от грандиозных планов. На этот раз не потребовалось подарков и денежных выплат: македоняне послушно следовали за царем.

Через некоторое время Александр выразил недовольство, что армия движется слишком медленно; причину долго искать не пришлось, — македоняне были перегружены добычей и более походили на торговый караван, чем войско. Александр радикально исправил этот недостаток, а заодно проверил степень покорности своих воинов.

> Он приказал собрать в одно место сначала его вещи, а затем вещи всех солдат, кроме самого необходимого. Нагруженные добычей повозки они свезли на обширную равнину. Когда все ожидали дальнейших приказов царя, он велел увести животных, а все остальное сжечь и первый поднес зажженный факел к своим вещам. Сожжены были самими владельцами сокровища, ради которых люди часто гасили пожары, чтобы вынести их невредимыми из вражеских городов. И никто не посмел оплакивать цену своей крови, раз тот же огонь пожрал и богатства царя. Затем короткая речь успокоила их горе, и они с готовностью к службе и ко всему на свете радовались, что потеряли лишний груз, а не свою выучку.

Такой случай рассказал Курций Руф, похожее описание есть и

у Плутарха.

Плутарх относит это любопытное происшествие ко времени начала индийского похода, но это не столь важно. Оказывается, уничтожение собственных богатств даже доставило удовольствие македонянам. В общем-то, удивляться нечему: те всегда с большим удовольствием сжигали дотла города, вырезали их население до последнего человека, вид гибнущих творений рук человеческих стал для армии Александра чем-то вроде наркотика. Александр же не прощал неповиновения…

> Оказалось, что отважиться на это дело было гораздо труднее, чем совершить его. Лишь немногие были огорчены, большинство же, раздав необходимое нуждающимся, в каком-то порыве восторга с криком и шумом принялись сжигать и уничтожать все излишнее. Это еще более воодушевило Александра и придало ему твердости. В ту пору он был уже страшен в гневе и беспощаден при наказании виновных. Одного из своих приближенных, некоего Менандра, назначенного начальником караульного отряда в какой-то крепости, Александр приказал казнить только за то, что тот отказался там остаться. Орсодата, изменившего ему варвара, он собственной рукой застрелил из лука.

Как и прежде, Александр ищет трудности, стремится совершить невозможное… В пути царь получил известие о измене сатрапа ариев Сатибарзана. Сатрапу удалось бежать в Бактрию, но часть войска отстала и укрылась на обрывистых горных скалах. У них имелся неиссякаемый источник воды, и, казалось, никто не мог победить персов либо заставить сдаться. Несчастные не понимали, что именно их неуязвимость и притянет Александра, постоянно искавшего возможность совершить подвиг. А бесстрашным, как известно, покровительствует богиня удачи.

Курций Руф рассказывает:

> Прежде всего, он приказал расчистить места, где только можно подняться, но затем, натолкнувшись на неприступные скалы и откосы, он признал борьбу с природой бесполезной. Александр, любивший преодолевать препятствия, поскольку идти вперед было трудно, а возвращаться опасно, пробовал то одно, то другое, как всегда бывает, когда не удовлетворяет ни одно решение. В таком его затруднении, когда разум был бессилен, ему внезапно помогло счастье. Поднялся сильный западный ветер, а солдаты нарубили уже много

деревьев, чтобы по ним взобраться на скалу. Эти деревья, нагретые солнцем, накалились и вспыхнули, и Александр приказывает рубить еще деревья и поддерживать огонь. Сложенные кучей деревья достигают высоты скалы. Поднесенный с разных сторон огонь охватил весь костер. Ветер погнал пламя в лицо неприятелю, и огромные клубы дыма закрыли небо, как тучей. Леса загудели от огня, и даже то, что солдаты не поджигали, загорелось само и поджигало все, что поблизости. Варвары пытались убежать от мучительной смерти туда, где затухал огонь, но где не было пламени, там их поджидали враги. И они погибали по-разному: частью в самом огне, некоторые прыгали со скалы, другие бросались навстречу врагам, немногие попадали в плен полуобгорелыми.

Пока Александр воевал со скалой, его полководец Кратер осаждал соседний город. Он давно мог взять этот небольшой городок, но не решался… Подготовив все, что нужно, военачальник ожидал царя, «чтобы предоставить, как и следовало, славу взятия города ему». У македонян пропало всякое желание прославиться; это стало чрезвычайно опасным занятием, ибо монополия на славу принадлежала Александру.

Даже в несущественных мелочах Александр должен быть первым, причем с бессмысленным риском для жизни. О чрезвычайно болезненном самолюбии царя свидетельствует случай на охоте, рассказанный Курцием Руфом. «Когда на редкость огромный лев побежал на самого Александра, то случайно оказавшийся рядом Лисимах, ставший впоследствии царем, хотел рогатиной встретить зверя. Царь, оттолкнув его и приказав не вмешиваться, заявил, что он один, как и Лисимах, может убить льва. Ведь однажды Лисимах, охотясь в Сирии, в одиночку убил зверя исключительной величины, который успел разодрать ему левое плечо до кости, и тот оказался на краю гибели. С укором напомнив об этом Лисимаху, царь доказал свою храбрость на деле лучше, чем на словах: он не только подпустил к себе льва, но и убил его одним ударом. Выдумка, будто Александр бросил Лисимаха на съедение льву, я полагаю, была порождена именно этим случаем». Вероятнее всего, Александр пригрозил, что бросит своего полководца в пасть льва, если он вмешается в схватку царя македонян с царем зверей.

Александр выбрал труднейший маршрут для дальнейшей экспедиции, его войско прошло самые негостеприимные места, какие только можно найти в Азии. В предгорьях Гиндукуша

(древние считали эти горы продолжением Кавказа) македоняне очутились на земле полудикого племени. Диодор Сицилийский описывает трудности македонян.

> Страна не имеет вида обработанной и засаженной: она лежит в сверкающей белизне снегов и застывшего льда. Не присядет и птица, не перебежит через дорогу зверь — все неприветливо и неприступно в этой стране. И все же царь, несмотря на все эти препятствия, преодолел благодаря обычному мужеству и упорству македонцев трудности переходов. Много солдат, впрочем, и людей, сопровождавших войско, выбились из сил и отстали. Некоторые ослепли от сверкания снегов и резкого отраженного света.

Курций Руф более подробно повествует о бедствиях македонян в стране, где не только нечем было поживиться, но отсутствовало даже самое необходимое для жизни.

> Войско, заведенное в эту пустынную местность без следов человеческой культуры, претерпело все, что только можно претерпеть: голод, холод, утомление, отчаяние. Многие погибли от непривычно холодного снега, многие отморозили ноги, у большинства же людей пострадали глаза. Утомленные походом воины в изнеможении ложились прямо на снег, но мороз сковывал их неподвижные тела с такой силой, что они совершенно не могли сами подняться. Оцепенение с них сгоняли товарищи, и ничем другим, как принуждали двигаться. Тогда возвращалось к ним жизненное тепло, и их члены получали силу. Кому удавалось войти в хижины варваров, те быстро приходили в себя. Однако мгла была столь густа, что жилье обнаруживали только по дыму. Местные жители, никогда ранее не видавшие чужеземцев, при виде вооруженных людей леденели от страха и предлагали им все, что было в их хижинах, умоляя о пощаде. Царь пешком обходил войско, поднимая лежавших на земле и поддерживая тех, кому трудно было идти. Он появлялся, не щадя сил, то в первых рядах, то в центре, то в арьергарде…

Александр словно пытался предвосхитить славу Ганнибала, спустя сто лет совершившего грандиозное восхождение на вершины Альп со своим войском. Однако цели у двух знаменитых военачальников были разные: если Александр стремился

совершить подвиг ради подвига, то Ганнибал избрал единственно возможный путь в логово главного врага Карфагена. А потому подвиг Ганнибала вызывает восхищение, авантюризм же Александра порицание; да, разве что остается посочувствовать македонянам, отмечавшим своими белеющими костями путь Александра.

После Гиндукуша Александр направился в пустыни Согдианы. Казалось, царю надоели постоянные жалобы воинов на холод, и он решил погреть македонян на солнце. Тепло лучей небесного светила утомило войско еще скорее, чем снега и пропасти гор; передвигалась армия Александра исключительно по ночам.

> Воды не хватало, и жажда возникала скорее от отчаяния, чем от потребности пить. На протяжении 400 стадиев нет ни малейшего признака влаги. Жар летнего солнца раскаляет пески так, что они начинают пылать, словно непрерывный пожар опаляет все пространство. Затем мгла, возникшая от чрезмерного накала земли, закрывает свет, и равнины становятся похожими на обширное и глубокое море. Ночной поход казался не очень трудным, так как облегчение приносили роса и утренний холод. Впрочем, жара начинается с восходом солнца, и сухость поглощает всю влагу в природе; во рту и внутри тела начинает гореть. Итак, сначала стал падать дух воинов, затем их силы. Было трудно и стоять на месте, и идти вперед. Лишь немногие по совету местных опытных людей запаслись водой. Этим они на недолгое время ослабляли жажду; но потом от сильной жары она снова возникала. Воины выпивали до последней капли все вино и масло, и это вызывало у них такое наслаждение, что они переставали бояться возвращения жажды. Обычно, отяжелев от чрезмерно выпитой жидкости, они не могли больше ни нести оружие, ни идти, и не имевшие воды казались тогда счастливее, ибо у их товарищей начиналась рвота и жадно выпитая влага выбрасывалась наружу.

Наконец авангард армии Александра вышел к реке Окс. Желанная вода оказалась губительной для многих македонян.

> Но большая часть войска не могла за ним поспеть, тогда он приказывает разжечь на высокой горе костры, чтобы отставшие знали, что они близко от лагеря. Он приказал также воинам из авангарда быстро

подкрепиться пищей и питьем и одним наполнить водой мехи, другим — прочие сосуды, в каких только можно было ее нести, и оказать помощь своим товарищам. Но пившие воду жадно и неумеренно задыхались и умирали, и число таких намного превосходило потери Александра в любом сражении.

А ведь их ожидала долгая, упорная и жестокая война в краю, который совершенно не нужен ни Македонии, ни Греции, ради которой якобы затевался великий поход. Македонянам придется три года сражаться и бесславно гибнуть на земле, которую невозможно покорить. Не принесет славы и Александру затерянная среди песков Согдиана, путь к которой был неимоверно труден.

Строительная политика

Для того чтобы в этих областях оставить память о своем имени, Александр основал город Александрию на реке Танаис…

Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога

Трудности похода, столь любимые Александром, вновь вызвали нарастающее недовольство македонян. Вовсе не случайно именно в этот период македонский царь начинает колоссальное градостроительство на землях, которые он проходил транзитом, на которых не собирался вести какую-либо хозяйственную деятельность. Для чего появляются все эти многочисленные Александрии?

Современные историки объясняют их возникновение весьма просто и на первый взгляд логично: для установления более органической связи между Западом и Востоком большое значение имело основание нескольких десятков Александрий — они должны были стать центрами объединения греков и македонян с местным населением и взаимного обмена культурными благами. Можно порассуждать и о том, что Александр оставлял опорные пункты для расширения македонской экспансии, создавал тыловые базы.

Вроде бы подтверждает подобные выводы и Курций Руф, когда рассказывает об основании Александрии Дальней на реке Сырдарье, на месте которой в новейшей истории расположился город Ленинабад, которому в 1991 году возвращено название Худжанд. «Царь уже выбрал на берегу Танаиса место для основания города-крепости для удержания как уже покоренной территории, так и той, куда он намеревался проникнуть. Но выполнение этого замысла отсрочилось из-за известия об отпадении согдийцев, увлекших за собой и бактрийцев».

Лишь после нескольких военных операций Александр вернулся к своему проекту. Однако что же делает Александр между благородным замыслом создания нового города и его воплощением?

Он попросту уничтожает все близлежащие города вместе с населением. Первый город, подвергшийся нападению македонян, Арриан именует Газой. Александр, видимо вспомнивший о тяжелой осаде крепости с таким же названием в Сирии, приказал

брать среднеазиатскую Газу штурмом, не считаясь с потерями.

Арриан пишет:

> В то время как пехота шла на приступ, пращники, стрелки из лука и дротометатели сбивали со стен бойцов; летели в них и стрелы с машин. Очень скоро град стрел согнал со стены ее защитников; македонцы быстро приставили лестницы и взошли на стену. Всех мужчин перебили — это был приказ Александра; женщин, детей и прочую добычу забрали себе солдаты. Отсюда он сразу же пошел на второй, соседний город, который взял таким же образом в тот же день; побежденных ждала та же участь. Александр пошел к третьему городу и взял его с первого же приступа на следующий день.

И снова возникает вопрос: зачем основывать новый город, если рядом есть готовые опустевшие города, со стенами и домами — проще поселить жителей в любом из них, по своему усмотрению. Ответ, способный объяснить внезапную любовь Александра к возведению городов, дает Юстин:

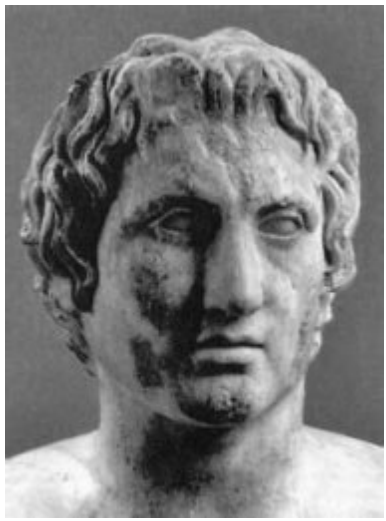
> Для того чтобы в этих областях оставить память о своем имени, Александр основал город Александрию на реке Танаис, причем в семнадцать дней была воздвигнута стена в шесть тысяч шагов, и сюда были переселены жители из трех городов, основанных Киром.

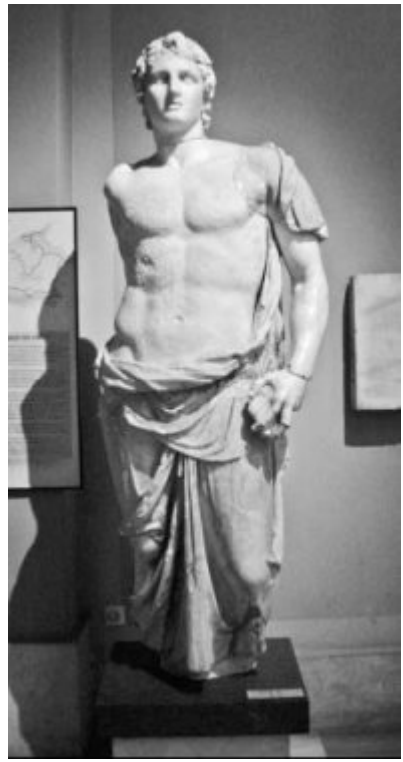
Подтверждение разрушительно-строительной политики Александра мы найдем у древнегреческого историка и географа Страбона (64/63 до н. э. — 23/24 годы н. э.):

> Александр, как говорят, основал 8 городов в Бактрии и Согдиане и несколько разрушил. Среди последних были Кариаты в Бактриане (где был захвачен Каллисфен и заключен под стражу), Мараканда в Согдиане и Киры — последний город, основанный Киром, лежащий на реке Иаксарте; это был предел Персидской державы. Александр, хотя и был почитателем Кира, велел разрушить этот город из-за частых восстаний его жителей.

Иногда Александр уничтожал города по весьма смехотворной причине — надо же как-то объяснить свое варварство. «Александр разрушил также город бранхидов, которых поселил там Ксеркс».

Оказалось, царь услышал историю о том, что бранхиды выдали в давние времена Ксерксу ценности и сокровища своего храма, и Александр «разрушил город из отвращения к святотатству и измене». Таковы сведения Страбона; Курций Руф более подробно описывает беспричинную жестокость Александра. То был наилучший пример подлости македонского царя, перечеркнувший его героизм в битве при Гавгамелах, потому что несчастные бранхиды не оказали никакого сопротивления македонянам и сами распахнули городские ворота. Тем более что таинственные бранхиды были потомками переселенцев из греческого города Милета.





Александр Македонский (Римская мраморная копия с греческой статуи. IV век до н. э.)

Подойдя к городу, он вступает в ворота в сопровождении легковооруженного отряда. Фаланга получает приказ — окружить городские стены и по сигналу разграбить город, убежище изменников, а их самих перебить до единого. И вот повсюду избиваются безоружные, и не могут смягчить жестокость врагов ни мольбы, ни священные покрывала взывающих к ним на общем с ними языке. Наконец, чтобы от города не осталось следа, стены его разрушаются до самого основания. Не только вырубают, но даже выкорчевывают деревья в священных рощах и лесах, чтобы на этом месте была обширная пустыня с бесплодной землей, лишенной даже корней деревьев. Если бы все эти меры были приняты против самих изменников, то они показались бы справедливой местью, а не жестокостью, теперь же вину предков искупили потомки, которые даже не

видели Милета, а потому и не могли предать его Ксерксу.

Что касается населения многочисленных Александрий, то древние историки довольно точно определяют его основной контингент.

> У подножия горы было выбрано место для основания города, — описывает Курций Руф появление одной из них в предгорьях Гиндукуша. — 7 тысяч старейших македонцев и, кроме того, воины, уже негодные для военной службы, получили разрешение поселиться в новом городе. Жители назвали его также Александрией.

Юстин дает более конкретные сведения относительно населения Александрий: «В Бактрии и Согдиане Александр основал семь городов, расселив в них тех, кого он считал наиболее склонными к мятежу в своем войске».

Оппозиция царю в армии росла по мере того, как бесконечная война начинала терять всякий логический смысл; скопив гигантские богатства, воины все более неохотно шли за Александром навстречу новым опасностям. Им не хотелось умирать, ибо терять уже было что. Недаром Александр пытался заменить соплеменников уроженцами Персии и был беспощаден с недовольными. Однако он не мог бесконечно убивать всех недовольных, и тогда начали появляться небольшие поселки с громким названием «Александрия».

Здесь, в чужих краях, Александр оставлял тех, в ком больше не нуждался: израненных калек, отслуживших срок стариков и смутьянов. Большинство новых городов не имело никакого реального значения, многие Александрии были уничтожены восставшими туземцами сразу же после основания. Увы! Все заслуги Александра по градостроительной деятельности утопают в крови и дыму уничтоженных до основания Фив, погубленного центра мировой торговли — Тира, сожженной дотла столицы Азии — Персеполя и множества больших и малых городов.

Согдиана

Ничто не дает человеку счастья, если этот человек, совершая великие, как кажется дела, не обладает в то же время умением себя обуздывать.

Квинт Эппий Флавий Арриан. Поход Александра

В Средней Азии Александр наконец-то столкнулся с достойным противником, которого сам не ожидал встретить на задворках Персидской империи. Боги и судьба благоприятствовали Александру, пока он громил погрязшую в грехах Персиду, но отвернулись от царя, как только он обратился против ни в чем неповинной Согдианы. Удача долго колебалась: кому отдать пальму первенства.

Спитамен был столь же смел, как Александр, но не безрассуден. С македонским царем уже не было Пармениона и Филоты, а воевать пришлось не с безвольными, не выделяющимися большими способностями полководцами Дария, а с патриотом, защищавшим свою родину. И даже численное превосходство македонян не принесло Александру скорой победы. Колебания удачи дорого обошлись Александру: он получал удар за ударом, рану за раной; опасная борьба едва не стоила царю жизни и, несомненно, стала одной из причин, что Александр умер в расцвете лет.

А ведь Спитамен, который более двух лет сражался с Александром, мог стать его другом, и желал им быть. Но, как выразился один историк, рука, которая держит меч, не слишком пригодна для рукопожатий. Дело в том, что после падения Персидской державы Александру понадобился новый лозунг, дабы оправдать дальнейшую войну. Не долго думая, он объявил, что отправляется в поход с целью наказать Бесса. Довольно странный мотив для войны: идти через непроходимые горы и пустыни, чтобы уничтожить убийцу своего врага. Логику весьма трудно найти во многих действиях Александра, но здесь он преследовал вполне определенную цель. Царь македонян считал себя не только покорителем Персии, но и преемником Дария; он мечтал создать войско из новых подданных в противовес своенравным македонянам и, естественно, пытался понравиться персам. А чем больше заслужить уважение, как отомстив убийце их царя?

Вельможи Согдианы во главе со Спитаменом также были наслышаны о цели похода Александра; они надеялись, что когда Александр получит то, зачем пришел, он повернет обратно. Одиозного Бесса связали собственные вассалы и выдали Александру. Македонский царь сдержанно поблагодарил Спитамена, вдоволь поиздевался над пленником, затем казнил его с особой жестокостью и… пошел дальше. Он захватил крупнейший город Согдианы Мараканду (Самарканд) и достиг реки Сырдарьи — здесь заканчивались владения персидских царей. И тогда Спитамен в ответ на оккупацию родной Согдианы поднял восстание.

Победы над персидским колоссом на глиняных ногах вскружили голову Александру, но воинственные согдийцы довольно скоро сбили с него спесь. Однако никто не мог заставить Александра отказаться от самой тяжелой и самой бессмысленной войны, потому что он непобедим, он — бог, и все народы земли обязаны покориться сыну Зевса.

Еще на пути к Мараканде македоняне понесли ощутимые потери от действий партизан, которых Курций Руф именует разбойниками. «На македонцев, выступивших без строя для сбора фуража, напали варвары, спустившиеся с соседних гор, и больше людей захватили в плен, чем убили. Погнав впереди себя пленных, варвары снова ушли в горы. Этих разбойников насчитывалось 20 тысяч человек. Они были вооружены пращами и луками. Ведя осаду, сам царь сражался среди первых и был поражен в голень стрелой, наконечник которой засел в ране. Глубоко опечаленные этим, македонцы отнесли его в лагерь…»

Арриан пишет, что у Александра «насквозь было пробито бедро, стрела отколола часть кости».

Озлобленный Александр уничтожал все на своем пути. Он не стал даже залечивать рану, — неся своего царя на носилках, македоняне на четвертый день после неудачной битвы достигли Мараканды. Город им сдался, казалось, пришла пора проявить милость (вспоминается отец Александра, Филипп, лишившийся глаза во время осады Матоны, и тем не менее проявивший снисхождение к ее защитникам). Александр не таков; ему чуждо великодушие, он ничего не забывает и никому не прощает. Оставив в Мараканде гарнизон, он опустошает и сжигает ближайшие села, и тем возбуждает к себе еще большую ненависть согдийцев.

Осада следующего города — Кирополя — дорого обошлась македонянам, пострадал и Александр. Горожане заманили в ловушку 50 македонских всадников и всех перебили.

Курций Руф рассказывает:

Сначала царь решил пощадить этот город, основанный Киром. Ведь из всех царей этих племен его больше всего изумляли Кир и Семирамида, прославившиеся, как он считал, величием души и славными деяниями. Однако упорство горожан разгневало его. Поэтому он велел, взяв город, разграбить его и уничтожить.

Никакой другой город не выдерживал осады с большим упорством, к тому же под его стенами пали храбрейшие воины и сам царь оказался на краю гибели: один камень с такой силой поразил его в шею, что его глаза застлал туман и он упал, лишившись чувств; войско, конечно, стало его оплакивать, думая, что он погиб. Но будучи непобедимым в том, что устрашает остальных, он, не залечив раны, повел осаду с еще большим ожесточением, так как свойственный ему пыл разгорался от гнева.

Причиной новых ран Александра стал его безумный героизм, или обычная глупость. Вместо того чтобы поручить опасное дело простому сотнику, царь полез в самое пекло. Тем более не было никакой необходимости совершать опаснейший подвиг, ибо стены были в некоторых местах разрушены и путь в город открыт. Но Александру захотелось войти непременно через ворота… Однако послушаем Арриана, описавшего этот весьма характерный для царя поступок:

Александр подвел к стене машины и думал, пробив в этом месте стену, через проломы, образующиеся один за другим, ворваться в город. Тут, однако, он обратил внимание на реку, которая протекала через город и от зимних дождей становилась полноводной, но теперь совершенно пересохла. Стены не перегораживали ее русла вплотную, так что солдаты могли по нему подлезть в город. Александр взял с собой телохранителей, щитоносцев, лучников и агриан и никем не замеченный, с малым числом людей по руслу этой реки вошел в город. Разбив изнутри ворота, находившиеся рядом с этим местом, они сразу же впустили и остальное войско. Варвары, видя, что город уже взят, все же обратились на Александра и его воинов. Завязалась жестокая схватка; Александр был тяжело поражен в голову и шею камнем, Кратер и многие военачальники ранены стрелами.

Естественно, город Кирополь после такой наглости не мог оставаться на планете Земля и был превращен в руины.

Александр с поразительной легкостью находил новых и новых врагов. А следовало бы заняться старыми…

Спитамен отвоевал Мараканду и запер в кремле македонский гарнизон. Александр ограничился тем, что послал против «бунтовщика» 60 всадников из друзей, 800 наемников и полторы тысячи македонян. Сам же вознамерился сразиться со скифским войском, которое появилось на противоположном берегу Сырдарьи.

Состояние Александра было неважным после недавних ран: «сам он не мог ни стоять на ногах, ни сидеть на коне, ни воодушевлять воинов», но воспаленный мозг требовал новых битв. Прорицатели пытались отговорить царя от опасной затеи доступным им способом. Арриан отмечает:

> Намереваясь переправиться, он (Александр) стал совершать жертвоприношения, но знамения оказались неблагоприятными. Его это очень раздосадовало, но все-таки от переправы он удержался. Александр опять принес жертву, собираясь перейти через реку, и Аристандр-прорицатель опять сказал, что ему грозит беда. Александр ответил, что лучше ему пойти на смерть, чем, покорив почти всю Азию, стать посмешищем для скифов, как стал им когда-то Дарий, отец Ксеркса. Аристандр ответил, что знамения, посылаемые божеством, он не может толковать по-другому, только потому, что Александру хочется услышать другое.

Никто не мог сломить упрямство Александра. Тогда он приказал готовить плоты и кожаные меха для переправы.

В это время пришли вести из-под Мараканды; они были хуже всяких ожиданий. Войско, посланное на выручку осажденных в кремле, попало в засаду и было почти полностью уничтожено Спитаменом. Как же поступил царь в этой сложной ситуации? Даже потеря крупного воинского контингента, поставившая под вопрос все завоевания македонян в Согдиане, не заставила Александра отказаться от сумасбродных планов. «Это поражение Александр ловко скрыл, пригрозив прибывшим с места сражения казнью за распространение вести о случившемся». А ведь у него была возможность закончить дела со скифами миром. Когда все было готово для форсирования Сырдарьи, к Александру явились 20 скифских послов.

По мнению того же Курция Руфа, «скифы, в отличие от остальных варваров, имеют разум не грубый и не чуждый

культуре. Говорят, что некоторым из них доступна и мудрость, в какой мере она может быть у племени, не расстающегося с оружием». Воинственный народ не чувствовал страха перед завоевателями, но зачем же напрасно проливать кровь. Увы! Александру требовались лишь покорность и новые победы, ему чужд был принцип мирного сосуществования.

Стычка со скифами

Наложи узду на свое счастье:
легче будет им управлять.

Квинт Эппий Флавий
Арриан. Поход Александра

Речь старшего из скифских послов весьма точно передала сущность Александра:

> Если бы боги захотели величину твоего тела сделать равной твоей жадности, ты не уместился бы на всей земле; одной рукой ты касался бы востока, другой запада, и, достигнув таких пределов, ты захотел бы узнать, где очаг божественного света. Ты желаешь даже того, чего не можешь захватить. Из Европы устремляешься в Азию, из Азии в Европу; если тебе удастся покорить весь людской род, то ты поведешь войну с лесами, снегами, реками и дикими животными. Что еще? Разве ты не знаешь, что большие деревья долго растут, а выкорчевываются за один час? Глуп тот, кто зарится на их плоды, не измеряя их вышины. Смотри, как бы, стараясь взобраться на вершину, ты не упал вместе с сучьями, за которые ухватишься. Даже лев однажды послужил пищей для крошечных птиц; ржавчина поедает железо. Ничего нет столь крепкого, чему не угрожала бы опасность даже от слабого существа.
>
> Откуда у нас с тобой вражда? Никогда мы не ступали ногой на твою землю. Разве в наших обширных лесах нам не позволено быть в неведении, кто ты и откуда пришел? Мы не можем никому служить и не желаем повелевать. Знай, нам, скифам, даны такие дары: упряжка быков, плуг, копье, стрела и чаша. Этим мы пользуемся в общении с друзьями и против врагов. Плоды, добытые трудом быков, мы подносим друзьям; из чаши вместе с ними возливаем вино богам; стрелой мы поражаем врагов издали, а копьем — вблизи. Так мы победили царя Сирии, а затем царя персов и мидийцев, и благодаря этим победам перед нами открылся путь вплоть до Египта. Ты хвалишься, что пришел сюда преследовать грабителей, а сам грабишь все племена, до

которых дошел. Лидию ты занял, Сирию захватил, Персию удерживаешь, бактрийцы под твоей властью, индов ты домогался; теперь протягиваешь жадные и ненасытные руки и к нашим стадам. Зачем тебе богатство? Оно вызывает только больший голод. Ты первый испытываешь его от пресыщения; чем больше ты имеешь, тем с большей жадностью стремишься к тому, чего у тебя нет. Неужели ты не помнишь, как долго ты задержался в Бактрии? Пока ты покорял бактрийцев, начали войну согдийцы. Война у тебя рождается из побед. В самом деле, хотя ты самый великий и могущественный человек, никто, однако, не хочет терпеть чужестранного господина.

Перейди только Танаис, и ты узнаешь ширину наших просторов; скифов же ты никогда не настигнешь. Наша бедность будет быстрее твоего войска, везущего с собой добычу, награбленную у стольких народов. В другой раз, думая, что мы далеко, ты увидишь нас в своем лагере. Одинаково стремительно мы преследуем и бежим. Я слышал, что скифские пустыни даже вошли у греков в поговорки. А мы охотнее бродим по местам пустынным и не тронутым культурой, чем по городам и плодоносным полям. Поэтому крепче держись за свою судьбу. Она выскальзывает, и ее нельзя удержать насильно. Со временем ты лучше поймешь пользу этого совета, чем сейчас. Наложи узду на свое счастье: легче будет им управлять. У нас говорят, что у счастья нет ног, а только руки и крылья: протягивая руки, оно не позволяет схватить себя также и за крылья. Наконец, если ты бог, ты сам должен оказывать смертным благодеяния, а не отнимать у них добро, а если ты человек, то помни, что ты всегда им и останешься. Глупо думать о том, ради чего ты сможешь забыть о себе.

Александр был слишком молод и честолюбив, чтобы оценить и понять речь скифского старейшины. Она не только не добавила благоразумия царю, но, наоборот, разозлила его. Вскоре все войско оказалось на плотах и кожаных мешках, плывущих навстречу новому опасному противнику. Македоняне стали удобной мишенью для превосходных лучников — скифов. «Едва ли остался хоть один щит, в который не вонзилось бы несколько стрел», — сообщает древний автор. Македоняне не могли даже ответить врагам, так как главными их заботами было сохранять равновесие своих плавучих средств и противостоять течению

реки. Выручили метательные орудия, с берега осыпавшие толпы врагов смертоносными снарядами; лишь благодаря их поддержке Александр и смог высадиться на противоположном берегу.

Очень скоро скифы обратились в бегство. Во время преследования вновь пострадал Александр — судьба продолжала наносить ему удар за ударом. «Врага преследовали стремительно, и воины замучились от сильной жары; все войско терпело жажду, и сам Александр на скаку пил воду, какая там была. А была эта вода плохой, и у него началось сильное расстройство. Поэтому и не удалось догнать всех скифов; я думаю, что если бы Александр не заболел, то их всех бы перебили во время бегства, — делает вывод Арриан. — Он же в чрезвычайно тяжелом состоянии был отнесен обратно в лагерь».

Арриан, видимо, не был знаком со скифской тактикой отступлений и внезапных нападений, сопровождаемых смертоносной работой лучников. Болезнь Александра спасла македонян от истребления в засадах и ловушках, на которые скифы были великими мастерами.

Царь понял, что со скифами ему тягаться не по силам, отсюда и благородный жест, подобных которому давно не видела Азия. «Всех пленников он отпустил без выкупа, чтобы тем самым подтвердить, что с отважнейшими из племен он состязался в храбрости, а не в ярости».

Была и вторая причина «доброты» Александра: нужно было срочно решать проблемы в Согдиане — крупное поражение под Маракандой призывало к этому.

Александр достиг того места, где потерял отряд, шедший на выручку гарнизону Мараканды. Кости 2 тысяч пехотинцев и 300 всадников он велел предать погребению и по македонскому обычаю принес умершим жертву. Главный виновник, Спитамен, бежал в Бактрию. И тогда Александр стал самим собой: разделив свои силы, чтобы охватить как можно большее пространство, он «приказал жечь села и убивать всех взрослых».

Весьма неблагородно обошелся Александр и со сдавшимися на милость защитниками горной крепости. «Аримаз, отчаявшись в своем положении, хотя оно и не было проиграно, спустился в лагерь вместе с близкими и знатнейшими мужами своего племени. Всех их Александр велел подвергнуть бичеванию и распять на крестах у самого подножия скалы». Ярость Александра не знала границ: если б он мог, то уничтожил всех жителей Согдианы до последнего старика, сжег бы все города и села до последней хижины.

Мысли Александра были заняты Индией и прочими странами, но истерзанная Согдиана не хотела отпускать своего

разорителя. Едва он покинул злосчастную страну, как пришло известие, «что множество согдиан собрались по укреплениям и отказались повиноваться сатрапу, которого поставил Александр». Пришлось вернуться и надолго забыть об Индии.

Александр в очередной раз покорил Согдиану, а в это время неуловимый Спитамен объявился в Бактрии. С отрядом в 600 скифов-массагетов он напал на македонскую крепость и перебил защитников. Македоняне собрали небольшое войско, в ближайшей стычке отняли у массагетов добычу, но, в конце концов, попали в засаду, ловко устроенную Спитаменом, — погибли 7 друзей и 60 наемных всадников.

Война грозила тянуться до бесконечности, но тут вмешалась женщина… Женщины всегда любили Александра, независимо от того, к какому народу они принадлежали; любили столь же сильно, сколь мужчины его ненавидели — также решительно все, включая плетущихся за царем который год македонян и греков, за которых он зачем-то мстил персам.

Курций Руф рассказывает историю подлого предательства, благодаря которому Александр избавился от самого опасного врага.

> У Спитамена была красавица жена, которая все эти годы делила с ним все невзгоды, хотя ей трудно было переносить постоянное бегство и изгнание. Измучившись от такой жизни, она беспрерывно пускала в ход все женские ухищрения, чтобы заставить мужа прекратить, наконец, бегство и снискать прощение у победителя-Александра, от которого все равно нельзя убежать. Но, думая, что жена предает его, а не уговаривает и, рассчитывая на свою красоту, хочет при первой возможности отдаться Александру, Спитамен обнажил свой акинак, чтобы заколоть жену, но прибежавшие ее братья помешали ему. Как бы то ни было, он приказывает ей уйти с глаз долой, пригрозив убить, если снова увидит ее. Для удовлетворения своей страсти он стал проводить ночи с распутницами. Однако отвращение к этим женщинам усилило его прежнюю любовь.

Хитрая женщина сделала все, чтобы вернуться в шатер мужа. На этот раз она не просила Спитамена сложить оружие перед Александром, наоборот, она выражала готовность во всем повиноваться мужу и разделить его судьбу, какой бы она ни была.

> Спитамен, обманутый притворным повиновением,

приказал среди дня начать пиршество; отяжелевшего от вина и еды, сонного, его относят в спальню. Жена, убедившись, что он погрузился в глубокий сон, обнажает скрытый под его одеждой меч и обезглавливает мужа; обагренная кровью, она отдает голову своему рабу — сообщнику в преступлении.

В сопровождении его она, как и была в окровавленной одежде, приходит в македонский лагерь и велит сообщить Александру, что принесла известие, которое царь должен узнать от нее лично. Тот сразу приказывает впустить варварку. Увидев ее, забрызганную кровью, он подумал, что она пришла жаловаться на насилие, и позволил ей сказать то, что она хотела.

Она попросила ввести раба, которому приказала стоять в дверях. Раб, державший под полой голову Спитамена, вызвал подозрение. При обыске он показал, что скрывал. Бескровная бледность так исказила черты Спитамена, что нельзя было достоверно узнать, чья это голова. Итак, царь, услыхав, что ему принесли человеческую голову, вышел из покоев, расспросил раба, в чем дело, и все узнал из его показаний. Разные соображения одно за другим приходили ему в голову. Он понимал значение оказанной ему услуги — убийства перебежчика и изменника, который, если бы остался жив, был бы помехой в его делах. С другой стороны, ему внушало отвращение то, что женщина коварно убила человека, проявлявшего к ней такую любовь, отца их детей. Омерзение, вызванное этим преступлением, взяло все же верх над благодарностью, и царь приказал сказать ей, чтобы она удалилась из лагеря; он опасался, как бы пример варварской жестокости не повлиял на нравы и податливые характеры греков.

После смерти Спитамена партизанская война некоторое время продолжалась. Немало македонян погибло, штурмуя неприступные горные крепости; они срывались в пропасти, покорно подставляли тела под град стрел и камней, потому что так хотелось Александру, потому что царь не мог покинуть край без победы.

Когда силы согдийцев истощились и явственно стал виден конец долгой тяжелой войны, на македонян обрушился гнев богов. Небеса словно напомнили Александру, что его миссия на земле выполнена и пора остановиться.

Неприятности, стоившие войску Александра ужасных потерь,

случились во время зимнего похода в одну из областей Согдианы. На третий день после выступления по всему небу засверкали молнии.

Курций Руф рассказывает:

> Свет, то вспыхивающий, то погасавший, слепил глаза идущему войску и приводил его в ужас. Гром гремел почти беспрерывно. И со всех сторон были видны вспыхивающие молнии; воины перестали слышать и, оцепенев, не отваживались ни идти вперед, ни остановиться. Тут внезапно хлынул потоком ливень с градом. Сначала воины укрывались от него под своим оружием, но потом уже не могли не только удержать закоченевшими руками скользкое оружие, но и решить, в какую сторону повернуться, так как буря с громадной силой обрушивалась на них со всех сторон, и от нее нельзя было укрыться.
>
> И вот, нарушив строй, войско разбрелось по всему перевалу; многие, обессилев скорее от страха, чем от напряжения, распростерлись на земле, хотя от усилившейся стужи дождь превращался в град. Другие укрывались под деревьями, и это было для многих опорой и убежищем. Они не обманывались в том, что сами выбрали себе место для смерти, так как, не двигаясь, они утрачивали свое жизненное тепло, но неподвижность была приятна утомленному телу, и они готовы были умереть в покое. А буря бушевала свирепо и упорно. И дневной свет, эту отраду природы, скрывали тучи и темные, как ночь, леса.

Лишь Александр в новой опасности не терял присутствия духа. Этому человеку просто необходимы были нестандартные ситуации, чтобы проявить себя. И потому, где Александр — там война и бедствия, он был обречен на бесконечную непрерывную войну; войну, не во имя каких-то целей, но ради самой войны. Когда она ненадолго прекращалась, царь становился очень неприятным человеком: он впадал в разврат и пьянство, убивал друзей и сжигал дворцы. Но даже бешенство природы, казалось, возвратило Александра к жизни, подняло его авторитет. Как вампир питается кровью, так и Александр на фоне гибели, страданий сотен и тысяч людей становился всемогущим исполином.

> Один лишь царь бодро переносил такое бедствие; он обходил солдат, собирал разбежавшихся, поднимал

упавших, показывая дым, выходящий из далеких хижин, убеждал спешить в ближайшие укрытия. Ничто так не ободряло солдат и не послужило к их спасению, как боязнь отстать от царя, который ценой напряжения всех сил выдерживал непосильные для них несчастья.

В конце концов нужда, которая в несчастье бывает действенней, чем разум, изобрела средство от холода. Воины принялись рубить лес и повсюду зажигать костры. Можно было подумать, что весь лес охвачен пожаром и среди пламени не осталось места войску. Этот жар отогревал закоченевшие тела, и дыхание, перехваченное холодом, становилось более свободным. Одни укрылись в жилищах варваров на самом краю леса, куда завела людей необходимость; другие разбили лагерь на сырой земле, так как небесный гнев уже стихал. Это бедствие погубило две тысячи воинов, маркитантов и обозной прислуги.

Три года полководец, которого два тысячелетия считают великим, гениальным, непревзойденным… сражался с маленькой Согдианой, входившей вместе с Парфией и Хорезмом в состав 16-й сатрапии Персидской державы. Мы бы и понятия не имели о существовании этого края, если бы не зверства Александра. Три года своей недолгой жизни потратил македонский царь на завоевание этих малопригодных для жизни пустынь и гор. Для чего? Чтобы завоевать, уйти и никогда сюда не возвращаться? Зачем? Ради все той же славы. Но и ее Александр не получил, ибо три года на территорию, ничтожную в сравнении с Персидской державой, — это уже не слава, а позор.

Глава 4. Гнев пьяного бога

При всей своей ненависти к Спитамену и согдийцам Александр понимал, что лишь мечом и огнем желаемого не добьешься. Он прекрасно видел, что македонянам надоела бесконечная война, что людские ресурсы Македонии истощены и человеческого материала явно недостаточно для осуществления грандиозных проектов царя. Александр ищет союзников даже в переполненной до краев кровью и разлагающейся плотью Согдиане. Нашел не слишком много, но каких! Об одном случае рассказывает Курций Руф.

> Из числа согдийских пленников к царю были приведены 30 знатнейших, отличавшихся физической силой; лишь только они узнали через переводчика, что по приказанию царя их ведут на казнь, как стали петь веселую песнь и проявлять какую-то душевную радость пляской и весьма причудливыми телодвижениями. Царь, удивившись мужеству, с каким они встречали смерть, велел их вернуть и спросил о причине столь чрезмерного ликования перед казнью. Те ответили, что если бы их казнил кто-нибудь другой, они умирали бы в печали, но направленные к своим предкам столь великим царем, победителем всех племен, они, распевая свои родные песни и веселясь, празднуют свою почетную смерть, предмет желаний всех храбрецов.

Ответ понравился Александру. Он безумно любил лесть, к тому же она исходила от врага, идущего на казнь, и потому была особенно ценна.

> Тогда царь спросил:
>
> — А не хотите ли вы продолжать жизнь, если я ее вам подарю, но уже не как мои враги?
>
> Те ответили, что никогда не были ему врагами, но стали ими, будучи втянуты в войну. Если кто-либо захотел бы испытать их милостью, а не несправедливостью, то они никому не дали бы превзойти себя в преданности. На вопрос, что будет залогом их верности, они ответили: жизнь, которую они получат из рук Александра и вернут ему, когда бы он ее ни потребовал.

Расчувствовавшийся Александр тотчас отменил казнь, а четверо пленников были зачислены в телохранители царя. Он все меньше доверял македонянам и старался заменять их варварами, насколько это возможно.

Страстное сближение

Таким образом, царь Азии и Европы взял себе в жены девушку, приведенную для увеселения на пиру, с тем чтобы от нее родился тот, кто будет повелевать победителями. Стыдно было приближенным, что царский тесть был выбран во время пира и попойки из числа покоренных.

Руф Квинт Курций. История Александра Македонского

Плутарх утверждает, что его любимый герой Александр «стал все больше приспосабливать свой образ жизни к местным обычаям, одновременно сближая их с македонскими, ибо полагал, что благодаря такому смешению и сближению он добром, а не силой укрепит свою власть на тот случай, если отправится в далекий поход». Скажем прямо, благородная цель — соединить Запад с Востоком, но вот беда: македоняне совсем не хотели сближаться с согдийцами и даже персами; они желали их грабить, убивать, а еще они хотели домой. И потому Александру пришлось сближаться одному. Он породнился с бактрийцем, и что же? Получил не очень влиятельного союзника и недовольство всего македонского войска. Об этом случае расскажем подробнее.

Свадьба Александра и Роксаны (Картина Содомара. XVI век)

Один из вельмож по имени Оксиарт присоединился к мятежу Спитамена, но сражался неудачно и сдался на милость царя. Александр сохранил ему не только жизнь, но и власть, которой тот пользовался во времена Дария. Единственное, он забрал двух сыновей Оксиарта в свое войско. Вельможа на радостях устроил для Александра грандиозный пир. Послушаем Курция Руфа.

> Когда веселье на пиру было в разгаре, сатрап приказал ввести 30 знатных девушек. Среди них была его дочь по имени Роксана, отличающаяся исключительной красотой и редким у варваров изяществом облика. Хотя Роксана вошла вместе со специально отобранными красавицами, она привлекла к себе внимание всех, особенно царя, невоздержанного в своих страстях благодаря покровительству Фортуны, против чего не может устоять ни один из смертных.
>
> В свое время Александр с отцовским чувством любовался женой Дария и его двумя дочерьми-девушками, по красоте ни с кем, кроме Роксаны, не сравнимыми. Теперь же он распалился любовью к девушке совсем не знатной, если сравнить ее происхождение с царским. Александр сказал, что для

> укрепления власти нужен брачный союз персов и македонян: только таким путем можно преодолеть чувство стыда побежденных и надменность победителей. Ведь Ахилл, от которого Александр ведет свое происхождение, тоже вступил в связь с пленницей. Пусть не думают, что он хочет опозорить Роксану: он намерен вступить с ней в законный брак.
>
> Отец в восторге от неожиданного счастья слушал слова Александра. А царь в пылу страсти приказывает принести по обычаю предков хлеб: это было у македонцев священным залогом брака. Хлеб разрезали мечом пополам, и Александр с Роксаной его отведали. Я полагаю, что те, кто установил народные обычаи, хотели этой незначительной и легкодобываемой пищей показать вступающим в брак, сколь малым они должны довольствоваться. Таким образом, царь Азии и Европы взял себе в жены девушку, приведенную для увеселения на пиру, с тем чтобы от нее родился тот, кто будет повелевать победителями. Стыдно было приближенным, что царский тесть был выбран во время пира и попойки из числа покоренных. Но после убийства Клита свобода была утрачена, и на привыкших к раболепию лицах выражалось одобрение.

О несчастном Клите речь впереди, а пока скажем: вряд ли Александр думал о слиянии двух культур, когда предложил руку восточной красавице. Разве можно думать о «сближении местных обычаев с македонскими», предварительно разрушив большинство городов Согдианы и перебив половину ее населения? Александру был чужд трезвый расчет даже в судьбоносных битвах. Он герой и разрушитель, но никак не созидатель. Он стирал границы государств, он объединял мир под своей властью, но едва ли задумывался, что будет после смерти. Заигрывание с восточными подданными нужно было Александру постольку, поскольку он ясно понимал: с маленькой Македонией ему не удастся поставить на колени весь мир.

Свадьба Александра и Роксаны (Рисунок Андреа дель Кастаньо. XV век)

Все же Александр женился по любви, ибо брак с дочерью незначительного провинциального вельможи принес царю больше «минусов», чем «плюсов». В Согдиане у него была прекрасная возможность совершить брак по расчету: скифы предлагали

Александру взять в жены дочь их царя. Если бы союзником Александра стал самый воинственный народ, то его великие планы стали бы менее фантастичными. По какой-то причине македонский царь отверг чрезвычайно перспективную сделку.

Однако напрасно радовался отец невесты выгодному замужеству. Любовь Александра подобна вспышке падающего метеорита, и Роксане не найдется места в грандиозных планах Александра. Ее имя исчезнет со страниц произведений древних авторов, которые описывали дальнейшую жизнь Александра. Роксана появится лишь после смерти царя, когда начнется дележ наследства земного бога.

Женитьба на Роксане была не единственным шокирующим поступком Александра в Согдиане. Накануне свадьбы он обагрил руки кровью старейшего из своих друзей, спасшего жизнь македонскому царю в битве при Гранике.

Убийство друга

Вот какую благодарность воздал я своей воспитательнице: два ее сына ради моей славы приняли смерть под Милетом. А ее брат, единственное утешение в одиночестве, убит мною на пиру!

Руф Квинт Курций. История Александра Македонского

Тяжелая война в Согдиане довела Александра до совершенного безумия. Жертвами его стали не только вражеские города и народы, но и ближайшие сподвижники. В мятежной стране остался навеки тот, кому было поручено ею управлять. Он пал не от руки Спитамена, но от гнева македонского царя.

Свои неудачи в Согдиане Александр периодически заливал вином. Арриан пишет, что «у Александра уже вошло в привычку пировать по-новому, по-варварски», то есть пить неразбавленное вино, пить много и шумно. Хуже было то, что с головой, одурманенной хмелем, царь стремился совершить значимый поступок; о двух из них мы уже рассказали: спьяну спалил дворец персидских царей; опять же на пиру влюбился в Роксану, и тут же, не выпуская из рук чаши, женился на ней.

Пир в Мараканде также попал в историю.

Льстецы и подхалимы знали буйный нрав Александра, его любовь к славе, и потому из кожи лезли, чтобы вознести заслуги царя до небес. Их гротесковые сравнения Александра с мифическими героями были смешны, и человеку разумному показались бы издевательством, но Александр с удовольствием принимал неуклюжую лесть. «Некоторые из присутствующих, льстя Александру (такие люди были и всегда будут проклятьем для царей), — справедливо замечает Арриан, — заявили, что Полидевка с Кастором нельзя и сравнивать с Александром, а дела их с его подвигами. Досталось от них на пирушке и Гераклу; зависть, по их словам, становится на пути живых и мешает современникам воздать им должный почет».

Александр не только с удовольствием слушал небылицы подхалимов, но и сам хвастался так, что ему мог позавидовать барон Мюнхгаузен. Он не оспаривал славу у небожителей, но у почитаемого македонянами человека пытался отнять самые значимые победы. А именно, у собственного отца. Юстин пишет:

Когда во время пира опьяневшие гости упомянули деяния, совершенные Филиппом, сам Александр стал утверждать, что он выше своего отца, а величие своих подвигов превозносить до самого неба.

Старым македонянам, воевавшим под началом Филиппа, было противно слушать речи, его оскорбляющие. Но они молчали, пока Александр не дошел до битвы при Херонее — после которой македоняне стали хозяевами Греции. И эту славную победу Александр принялся отнимать у отца, считая ее своей заслугой и утверждая, что славы от этого великого подвига он лишился из-за злобы и зависти отца. Далее подробности — у Курция Руфа.

По его (Александра) словам, когда вспыхнула распря между македонскими воинами и греческими наемниками, Филипп, получив ранение среди общей свалки, лег, притворившись ради безопасности мертвым; Александр же прикрывал отца своим щитом и собственноручно перебил всех, кто пытался напасть на него. Отец в этом никогда не признавался, досадуя, что своим спасением обязан сыну.

Клиту, воевавшему под началом Филиппа, надоело слушать пустую болтовню пьяного царя. Он обратился к возлежащим ниже товарищам и прочел им стихи из Еврипида. Читал достаточно тихо, так что до царя мог дойти только звук слов, а не их смысл. В этих стихах говорилось, что греки неправильно постановили писать на трофеях только имена царей, поскольку они присваивают славу, добытую чужой кровью. И вот царь, подозревая, что в этих словах содержится злой намек, стал спрашивать у соседей, что они слышали от Клита.

Они упорно молчали, а Клит, чуть возвысив голос, начал вспоминать дела Филиппа и его войны в Греции, ставя все это выше деяний Александра. Тут начался спор между молодыми и старыми. Царь, казалось, терпеливо слушал, как Клит умаляет его славу, на самом же деле кипел от сильного гнева. Впрочем, он, по-видимому, овладел бы собой, если бы Клит окончил свою столь дерзко начатую речь, но так как он не прекращал говорить, то царь все больше ожесточался. А Клит уже осмеливался защищать Пармениона и победу Филиппа над афинянами противопоставлял разрушению Фив. Это он делал не только под влиянием вина, но и в силу несчастной привычки всему перечить. Напоследок он

заявил:

— Если нужно умереть за тебя, я, Клит, готов первый. Но когда ты награждаешь за победу, то преимуществом пользуются те, кто злостно поносит память твоего отца.

Ты мне назначаешь Согдиану, которая столько раз восставала и не только еще не покорена, но и не может быть покоренной. Меня посылают к диким, от природы не обузданным зверям. Но я не говорю лично о себе. Ты презираешь воинов Филиппа, забывая, что если бы этот старик Атаррий не остановил молодых, бежавших из сражения, то мы до сих пор сидели бы под Галикарнасом…

Из всех дерзких и необдуманных речей Клита ничто так не оскорбило царя, как похвала Пармениону. Однако царь подавил чувство обиды и лишь приказал Клиту покинуть пир… Но Клит медлил выходить, и возлежавшие рядом с ним пытались вывести его силой, браня и увещевая. Когда Клита выводили, он, перейдя от прежней дерзости к гневу, закричал, что своей грудью прикрывал спину царя, а теперь, когда прошло много времени, само воспоминание об этой заслуге ненавистно царю. Кроме того, он стал укорять Александра убийством Аттала, а напоследок, насмехаясь над оракулом Юпитера, которого Александр считал своим отцом, сказал, что слова его, Клита, правдивее ответа оракула. Тут царь пришел в такой гнев, с которым и трезвый едва бы совладал. Вино взяло над ним верх, и он стремительно вскочил со своего ложа. Ошеломленные друзья тоже встают, не отставив, а отбросив бокалы, и напряженно следят за тем, что царь в своей ярости будет делать. Александр, выхватив копье из рук оруженосца, пытался поразить Клита, который продолжал безумствовать в своих бранных речах, но Птолемей и Пердикка остановили царя. Обхватив его поперек тела, они силой удерживали отбивавшегося царя, а Лисимах и Леоннат даже отняли у него копье.

Правитель Согдианы, старый преданный друг, когда-то спасший от смерти Александра, родной брат кормилицы царя получил отсрочку своей смерти, но… всего лишь на несколько минут.

Бедняга Клит в пылу полемики коснулся запретной темы: Александр не прощал тем, кто подвергал сомнению его

божественное происхождение. Именно последняя насмешка довела царя до бешенства и решила судьбу Клита.

Юстин, Курций Руф и Арриан говорят, что ссора Александра и Клита произошла из-за их отношения к Филиппу Македонскому. Версия Плутарха немного отличается.

> В разгар веселого пиршества кто-то стал петь песенки некоего Праниха, в которых высмеивались полководцы, недавно потерпевшие поражение от варваров. Старшие из присутствовавших сердились и бранили сочинителя и певца, но Александр и окружавшие его молодые люди слушали с удовольствием и велели певцу продолжать.

Подобный концерт, естественно, не мог понравиться Клиту, потому что именно он являлся наместником Согдианы и знал, что представляет собой подвластный край и как погибли его воины. Так что причина для ссоры была весьма весомая, согласно Плутарху, хотя на первый взгляд видится незначительной. Возможно, подбор репертуара певца был не случаен.

> Клит, уже пьяный и к тому же от природы несдержанный и своевольный, негодовал больше всех. Он говорил, что недостойно среди варваров и врагов оскорблять македонян, которые, хотя и попали в беду, все же много лучше тех, кто над ними смеется. Когда Александр заметил, что Клит, должно быть, хочет оправдать самого себя, называя трусость бедою, Клит вскочил с места и воскликнул:
>
> — Но эта самая трусость спасла тебя, рожденный богами, когда ты уже подставил свою спину мечу Спитридата! Ведь благодаря крови македонян и этим вот ранам ты столь вознесся, что, отрекшись от Филиппа, называешь себя сыном Амона!

В варианте, изложенном Плутархом, Клит также позволил себе сомневаться в божественном происхождении Александра, чем и привел царя в бешенство.

> С гневом Александр отвечал:
>
> — Долго ли еще, негодяй, думаешь ты радоваться, понося нас при каждом удобном случае и призывая македонян к неповиновению?

Из ответа Александра следует, что у него с Клитом и раньше

были столкновения, и противоречия между ними нарастали. Так или иначе, наместник Согдианы должен был разделить судьбу Пармениона. Клит Черный не был человеком, способным сломаться и покориться прихотям царя, спина его не привыкла гнуться перед владыками. Он принадлежал к старой гвардии Филиппа, привыкшей разговаривать с царем на равных и уважать повелителя за поступки, а не за мифическое происхождение от богов.

— Да мы и теперь не радуемся, Александр, вкушая такие «сладкие» плоды наших трудов, — возразил Клит. — Мы считаем счастливыми тех, кто умер еще до того, как македонян начали сечь мидийскими розгами, до того, как македоняне оказались в таком положении, что вынуждены обращаться к персам, чтобы получить доступ к царю.

В ответ на эти дерзкие речи поднялись друзья Александра и стали бранить Клита, а люди постарше пытались угомонить спорящих…

Клит не унимался, он требовал, чтобы Александр при всех высказал то, что думает, или же чтобы он больше не приглашал к себе на пир людей свободных, привыкших говорить откровенно, а жил среди варваров и рабов, которые будут поклоняться его персидскому поясу и белому хитону.

Александр уже не мог сдержать гнева: схватив лежавшее около него яблоко, он бросил им в Клита и стал искать свой кинжал. Но так как один из телохранителей, Аристофан, успел вовремя убрать кинжал, а все остальные окружили Александра и умоляли его успокоиться, он вскочил с места, по-македонски кликнул царскую стражу (это был условный знак крайней опасности), велел трубачу подать сигнал тревоги и ударил его кулаком, заметив, что тот медлит. Впоследствии этот трубач пользовался большим уважением за то, что благодаря его самообладанию весь лагерь не был приведен в смятение.

Клита, не желавшего уступить, друзья с трудом вытолкали из пиршественного зала, но он снова вошел через другие двери, с превеликой дерзостью читая ямбы из «Андромахи» Еврипида:

Какой плохой обычай есть у эллинов…

Далее следовали строки, которые Клит произнести не успел:

Когда трофей
У эллинов победный ставит войско
Между врагов лежащих, то не те
Прославлены, которые трудились,
А вождь один себе хвалу берет.
И пусть одно из мириады копий
Он потрясал и делал то, что все,
Но на устах его лишь имя.

Александр, видимо, был знаком с этим произведением Еврипида, поэтому поспешил прекратить его декламацию.

> Тут Александр выхватил копье у одного из телохранителей и, метнув его в Клита, который отбросил дверную завесу и шел навстречу царю, пронзил дерзкого насквозь. Клит, громко застонав, упал, и гнев Александра сразу же угас. Опомнившись и увидев друзей, безмолвно стоявших вокруг, Александр вытащил из трупа копье и пытался вонзить его себе в шею, но ему помешали — телохранители схватили его за руки и насильно унесли в спальню.

Вообще-то Александр виртуозно владел оружием (в битвах мы видим его в гуще врагов, сражающимся с несколькими противниками одновременно), и если бы он желал убить себя, то сделал бы это. Согласно сведениям Юстина, он не спешил даже с переживаниями по поводу смерти Клита:

> Ликуя по поводу убийства, он стал упрекать мертвеца за то, что он вступился за Филиппа и восхвалял отцовские боевые успехи. Но когда, пресытившись этим убийством, он успокоился и гнев сменился размышлением, он стал думать то о самом убитом, то о причине убийства и раскаиваться в своем поступке; он стал убиваться о том, что похвалы своему отцу он встретил с таким раздражением, какого не должен бы проявить даже при оскорблении его памяти, и о том, что убил друга своего, ни в чем не повинного старика, среди пира, за кубками.

Все правильно, раскаяние было самым лучшим вариантом для Александра. Убийство лучшего из лучших македоняне могли бы и не простить. Даже на пиру многие старые воины в присутствии Александра поддерживали Клита. И хотя Клит

должен был умереть, как Парменион и Филота, царь сделал все, чтобы представить его убийство роковой нелепой случайностью.

Испытывал ли Александр муки совести? Да. Но в то же время убийство друга было для него необходимостью — он стал препятствием на пути к неограниченной власти. И потому в его переживания все чаще, как отмечает Юстин, вторгались весьма рациональные мысли: «Он думал и о том, сколько пересудов и недоброжелательства вызвал он своим поступком в войске и среди покоренных народов, сколько страха и ненависти среди своих друзей, сколь горьким и печальным сделал свой пир, оказавшись на пиру более страшным, чем вооруженный во время битвы».

Сходные с Юстином выводы мы найдем у Курция Руфа:

> Впрочем, его больше беспокоило, что, как он видел, все друзья пришли в ужас; ведь после этого никто не осмелился вступать с ним в разговор; ему придется жить в одиночестве, как дикому зверю, который одних пугает, а других сам боится. На рассвете он велел принести к себе все еще залитое кровью тело Клита. Когда его положили перед царем, тот, обливаясь слезами, вскричал:
>
> — Вот какую благодарность воздал я своей воспитательнице: два ее сына ради моей славы приняли смерть под Милетом. А ее брат, единственное утешение в одиночестве, убит мною на пиру! К кому ей, несчастной, теперь прибегнуть? Изо всех лишь я один остался у нее; но именно на меня она не сможет спокойно смотреть. Могу ли я, убийца своих спасителей, возвратиться на родину и протянуть руку воспитательнице так, чтобы не напомнить ей о горе?
>
> Казалось, не будет конца его слезам и жалобам; поэтому тело Клита по приказу друзей было унесено. Царь же три дня лежал запершись. Оруженосцы и телохранители подумали, что он решил умереть, и все ворвались в его покои; долгими просьбами они с трудом сломили его упорство и заставили принять пищу.

И подхалимы Александра, и прорицатели ломали голову, как лучше объяснить убийство Клита. «Друзья, напуганные его молчанием, без разрешения вошли в спальню, — рассказывает Плутарх. — Но речи их не тронули Александра. Только когда прорицатель Аристандр, напомнив царю о сновидении, в котором ему явился Клит, и о дурном знамении при жертвоприношении, сказал, что все случившееся было уже давно определено судьбою,

Александр, казалось, несколько успокоился».

Даже римского историка Арриана тронули крокодильи слезы Александра:

> По этому поводу некоторые прорицатели объявили, что Дионис разгневался, так как Александр пренебрег жертвой ему. Друзья с трудом уговорили Александра притронуться к еде и кое-как привести себя в порядок. Дионису жертву он принес, потому что ему желательнее было приписать случившееся несчастье гневу божества, а не собственной порочности. Я очень хвалю, однако, Александра за то, что он не отнесся к своему преступлению как к чему-то незначительному, не стал защищать себя (такой защитник хуже преступника), а сознался в падении, человеку свойственном.

И удивительное случилось. Курций пишет:

> Чтобы царь меньше терзался убийством, македонцы постановляют, что Клит убит законно, и даже хотят запретить похороны, но царь приказал предать тело земле.

Наконец заботливые македоняне привели к убийце их заслуженного товарища двух философов: Анаксарха из Абдер и Каллисфена — родственника Аристотеля. Как рассказывает Плутарх, философы давно соперничали друг с другом; и нетрудно догадаться, чьи идеи были ближе Александру.

> Каллисфен пытался кроткой и ласковой речью смягчить горе царя, а Анаксарх, который с самого начала пошел в философии особым путем и был известен своим презрительным отношением к общепринятым взглядам, подойдя к Александру, воскликнул:
>
> — И это Александр, на которого смотрит теперь весь мир! Вот он лежит, рыдая, словно раб, страшась закона и порицания людей, хотя он сам должен быть для них и законом и мерою справедливости, если только он победил для того, чтобы править и повелевать, а не для того, чтобы быть прислужником пустой молвы. Разве ты не знаешь, — продолжал он, — что Зевс для того посадил с собой рядом Справедливость и Правосудие, дабы все, что ни совершается повелителем, было правым и справедливым?
>
> Такими речами Анаксарх несколько успокоил царя,

но зато на будущее время внушил ему еще большую надменность и пренебрежение к законам.

Насколько искренним было раскаяние Александра, мы увидим очень скоро. Через несколько месяцев подтвердятся все опасения, высказанные Клитом. Гордые македоняне встанут на колени перед царем, позабыв, как недавно презирали за подобные обычаи персов. Все меньше и меньше будет сомневающихся в том, что Александр обладает божественной силой; по крайней мере, сомнения вслух будут высказывать только те, кто не дорожил собственной жизнью.

Убивать царь будет, как и прежде. Как всякий тиран, Александр не терпел подле себя ярких личностей. Ему не нужны талантливые военачальники или мудрые философы, потому что это уже соперники, если не трона, то авторитета. По-прежнему судьбу Клита будут разделять те, кто высказывал мысли, отличные от мыслей царя, чье мнение было неугодно Александру. Он не будет прощать и малейшей язвительности в свой адрес. Александр еще более желал стать единственным законом на земле, вершителем судеб государств и людей. Тирану не нужны советники, собеседники; лесть и повиновение — вот те вещи, в которых нуждался Александр.

Заговор пажей

> *Он избавил греков от большого позора, а Александра — от еще большего, но себе самому уготовил погибель, ибо казалось, что он не столько убедил царя, сколько принудил его отказаться от почестей благоговейного поклонения.*
>
> *Плутарх. Александр*

После Согдианы Александр направил свои помыслы на Индию. Читаем у Курция.

> Бывалые люди говорили, что все в Индии сверкает золотом и слоновой костью. Итак, Александр, превосходя всех и не желая, чтобы его в чем-либо превосходили, покрывает щиты серебряными пластинками, на коней надевает золотые уздечки, одни панцири украшает золотом, другие — серебром.

Александр намеревался появиться в Индии не просто царем и военачальником. Сам он давно поверил, что является сыном Юпитера, но никак не мог добиться от македонян должного почтения.

> Закончив все приготовления, Александр решил, что пришло время исполнить безрассудно задуманное дело; он начал обдумывать, как стяжать себе божеские почести. Он хотел, чтобы его не только называли сыном Юпитера, но и верили в это; как будто он мог предписывать людям, что думать и что говорить. Он приказал македонцам раболепно приветствовать его по персидскому обычаю, падая ниц на землю. Это желание царя подогревалось гибельной лестью, обычным злом для царей, ибо угодничество подрывало их силы чаще, чем даже враг.

Александр Мень отмечает:

> То был один из старых соблазнов человечества, который всплывал в самые разные эпохи. Суть его сводилась к отождествлению Кесаря и Бога,

> отождествлению, сулившему Кесарю абсолютное владычество над душами и телами. Недаром Наполеон признавался, что его высшая мечта — видеть себя основателем новой религии; он знал, что никакие армии не могут сравниться с силой священного авторитета. Он не успел начать того, что Александр почти осуществил.

Вместе с подхалимами и льстецами он разработал план, который должен был воплотиться (как обычно) на ближайшем пиру. Замысел Александра был прост, как все гениальное. Он решил ввести для всех своих подданных проскинезу — обряд коленопреклонения перед владыкой с последующим поцелуем. У персов падать ниц перед царем считалось обычным актом уважения и вовсе не свидетельствовало о потере достоинства. Бывшие вельможи Дария продолжали по привычке исполнять древний восточный обряд в присутствии Александра, но с македонянами дело обстояло сложнее. То, что для жителей Востока было простым и естественным, для македонян и греков являлось неслыханным унижением. Царей соплеменники Александра считали первыми среди равных, а на колени становились только в храме, во время беседы с богами.

Александру нравились знаки внимания, оказываемые восточными подданными, и он не мог отказать себе в удовольствии их принимать. Коробило другое: вид падающих на колени персов вызывал смех македонян. И он почувствовал острую необходимость приучить к этой незатейливой процедуре соотечественников. Мы уже указали, в каком случае македонянина можно было увидеть совершающим проскинезу, соответственно, если бы затея Александра удалась — было бы равносильно, что его признали богом.

Царь долго готовился к процедуре. Все, кто не мог участвовать в его затее, были уничтожены; ведь невозможно даже представить Клита, Пармениона или Филоту на коленях — они умели блестяще побеждать, но не кланяться.

Арриан рассказывает:

> Александр сговорился с софистами и знатнейшими персами и мидянами, окружавшими его, завести об этом разговор на пирушке. Анаксарх положил начало и стал говорить, что гораздо правильнее почитать богом Александра, а не Диониса и Геракла, и не только за множество его великих деяний, но и потому, что Дионис фиванец и к македонянам не имеет отношения, а Геракл аргивянин и с македонцами его связывает только происхождение Александра, Гераклида родом.

> Справедливее будет, если македонцы станут оказывать своему царю божеские почести. Нет ведь никакого сомнения в том, что, когда он уйдет из этого мира, они будут чтить его как бога; гораздо правильнее возвеличить его при жизни, чем чтить умершего, которому эти почести уже ни к чему.

Неожиданно Александр получил удар с той стороны, откуда меньше всего ожидал. Философ Каллисфен выступил против обожествления царя. Тот самый Каллисфен, что «пытался кроткой и ласковой речью смягчить горе царя» после убийства Клита; Каллисфен, который был близким товарищем Александра «с того времени, когда они оба учились у Аристотеля; теперь Каллисфен приглашен самим царем сопутствовать ему для увековечения его подвигов» (Юстин). Каллисфен, который, по словам Арианна, «прибыл к Александру не за славой для себя, а чтобы прославить его». Были у Каллисфена личные мотивы прославлять Александра, ибо, как сообщает Плутарх, философ «отправился за Александром лишь затем, чтобы восстановить свой родной город и вернуть туда жителей».

Македонский царь, видимо, настолько был уверен в Каллисфене, что не поставил его в известность о намечавшейся процедуре. Речь философа, по свидетельству Арриана, повергла в шок и Александра, и придворных льстецов.

> — Анаксарх, — произнес Каллисфен, — я считаю, что Александр достоин всяческой чести, которая подобает человеку; люди, однако, провели строгую границу между почестями, которые воздаются людям, и теми, которые воздают богам: им строят храмы, ставят статую, выделяют для них священные участки, приносят жертвы и совершают возлияния, сочиняют в их честь гимны, а для людей пишут хвалебные песни. Особо важен обряд преклонения. Люди, здороваясь, целуют друг друга, но божество пребывает высоко над ними, и прикасаться к нему — кощунство. Поэтому мы величаем его, склоняясь перед ним; в честь богов устраивают хоры, в честь богов поют пеаны. Нет ничего удивительного в том, что разных богов, клянусь Зевсом, и чтят по-разному; героям воздают ведь тоже почести иные, чем богам. Не подобает все это перемешать и привести в полный беспорядок, возводя людей на недосягаемую высоту и оказывая им преувеличенные почести, и в то же время низвергать и принижать, по крайней мере, насколько это от нас зависит, богов, почитая их наравне

с людьми. Александр ведь не вынес бы, если бы частному человеку присвоены были поднятием рук или неправильным голосованием царские почести. Еще справедливее будут боги в своем гневе на тех людей, которые присваивают себе божеские почести или соглашаются на их присвоение.

Для Александра более чем достаточно быть и считаться самым храбрым из храбрецов, самым царственным из царей, из военачальников самым достойным этого звания. И уж кому, как не тебе, Анаксарх, следовало бы сказать то, что говорю я, и помешать высказываниям противоположным: ты ведь живешь при Александре, чтобы приобщить его к образованию и мудрости. Не выступать с твоим словом подобало тебе, а вспомнить, что ты живешь советником не при Камбизе или Ксерксе, а при сыне Филиппа, ведущем род от Геракла и Эака; его предки пришли из Аргоса в Македонию и стали править ею не как насильники, а по закону. И самому Гераклу при жизни эллины не воздавали божеских почестей и стали чтить его как бога не сразу после смерти, а только потом, по приказу дельфийского бога.

Если же человеку, который рассуждает в варварской стране, приходится иметь и варварский образ мыслей, то, прошу тебя, Александр, вспомни об Элладе, ради которой предпринял ты весь этот поход, пожелав присоединить Азию к Элладе. Подумай: вернувшись туда, ты и эллинов, свободнейших людей, заставишь кланяться тебе в землю? Или эллинов оставишь в покое и только на македонцев наложишь это бесчестье? Или вообще почести тебе будут оказывать разные: эллины и македонцы будут чтить тебя, как человека, по эллинскому обычаю, и только варвары по-варварски? О Кире, сыне Камбиза, рассказывают, что он был первым человеком, которому стали кланяться в землю, и с того времени персы и мидяне продолжают унижаться подобным образом. Следовало бы подумать, что этого Кира образумили скифы, люди бедные и независимые; Дария опятьтаки скифы; Ксеркса афиняне и лакедемоняне; Артаксеркса Клеарх и Ксенофонт со своими 10 000 воинов, а Дария, нашего современника, Александр, которому земно не кланялись.

Македоняне «сочувственно слушали Каллисфена как

защитника общественной свободы. Его слова вызвали не только молчаливое согласие, но и возгласы одобрения, особенно со стороны стариков, которым тяжело было изменение старого обычая на иноземный лад». Реакцию македонян на выступление Каллисфена можно понять и без Курция Руфа; как и то, что отныне философ стал заклятым врагом Александра.

Что же подвигло философа на безумный поступок? Как мы помним, и другой философ, Анаксарх, был в это время подле Александра. Принадлежали они к разным философским школам и, соответственно, были враждебно настроены по отношению друг к другу. Стычки происходили и в малом, и в большом. Одну из них описывает Плутарх:

> Рассказывают, что однажды на пиру, когда разговор зашел о временах года и погоде, Каллисфен, разделявший взгляды тех, которые считают, что в Азии холоднее, чем в Греции, в ответ на возражения Анаксарха сказал так: «Ты-то уж должен был бы согласиться с тем, что здесь холодней, чем в Греции. Там ты всю зиму ходил в изношенном плаще, а здесь лежишь, укрывшись тремя коврами». После этого Анаксарх стал еще больше ненавидеть Каллисфена.

Возможно, банальное соперничество и стало причиной ответной речи Каллисфена. Впрочем, Каллисфен давно понял, что Александр не нуждается в нем, тирану ближе беспринципный Анаксарх, славившийся «презрительным отношением к общественным взглядам». Праведному философу уже не находилось места подле царя из-за толп льстецов и угодников. По свидетельству Плутарха, его откровенно презирали за то, что вел безупречную жизнь — «чистую, чуждую искательства».

> Ненавидимый из-за своей славы, он и поведением своим давал врагам пищу для клеветы, ибо большей частью отклонял приглашения к царскому столу, а если и приходил, то своей суровостью и молчанием показывал, что он не одобряет происходящего. Оттого-то Александр и сказал про него:
>
> — Противен мне мудрец, что для себя не мудр.

С этой позиции речь Каллисфена явилась последней попыткой остановить Александра от сползания в абсолютное зло; это был своего рода последний бой камикадзе.

Несмотря на досадное вмешательство Каллисфена запланированная процедура продолжалась, однако она

превратилась в фарс. Пример подали те, кому дело было привычным, — «самые почтенные и старые персы встали и один за другим земно поклонились Александру».

Когда восточные подданные выказывали ему знаки почтения, находившийся подле Александра Полиперкон стал насмешливо уговаривать одного из персов, касавшегося бородой земли, еще сильнее бить ею о землю. Эти слова вызвали в Александре гнев, с которым он и раньше едва справлялся. Поэтому царь спросил:

— А ты не хочешь приветствовать меня? Или тебе одному я кажусь достойным насмешки?

Тот ответил, что царь не достоин насмешки, а он — унижения. Тогда, стащив Полиперкона с ложа, царь сбросил его на землю и, так как тот упал ничком, сказал:

— Вот видишь, теперь и ты делаешь то же самое, над чем смеялся.

Полиперкона царь приказал взять под стражу, но простил после долгой немилости.

Понимая, что любого из них может ожидать участь Клита, македоняне лениво принялись исполнять унизительный обряд. Он состоял из следующего: сначала Александр отпивал из чаши вина и передавал кому-нибудь из друзей; получивший выпивал вино и падал ниц перед царем, потом целовал Александра и возвращался на место.

Обратимся снова к Плутарху.

> Так поступали все. Когда очередь дошла до Каллисфена, он взял чашу (царь в это время отвлекся беседой с Гефестионом), выпил вино и подошел к царю для поцелуя. Но тут Деметрий, по прозвищу Фидон, воскликнул:
>
> — О царь, не целуй его, он один из всех не пал пред тобою ниц.
>
> Александр уклонился от поцелуя, а Каллисфен сказал громким голосом:
>
> — Что ж, одним поцелуем будет у меня меньше.

Александр так и не смог сломить волю Каллисфена. Более того, в последующем царь не решился прибегать к обряду проскинезы для македонян, он довольствовался прежним способом приветствия без падения ниц. Так Каллисфен победил Александра.

> Он избавил греков от большого позора, а Александра — от еще большего, но себе самому уготовил погибель, ибо казалось, что он не столько убедил царя, сколько

принудил его отказаться от почестей благоговейного поклонения.

Философ был обречен, но Александр не мог уничтожить его немедленно. Грека Каллисфена македоняне стали уважать больше, чем царя. Еще бы! Он спас их честь, не позволил превратить их в рабов! И потому Александру, прежде чем уничтожить Каллисфена физически, необходимо было опорочить в глазах соплеменников. (Слишком дорого обошлось ему устранение непокорного Клита, и память о нем была свежа. Новое беззаконное убийство македоняне могли не простить.) И Александр нашел способ, как отделить Каллисфена от македонян. Плутарх рассказывает следующее:

> Однажды на царском пиру при большом стечении приглашенных Каллисфену поручили произнести за кубком вина хвалебную речь в честь македонян, и он говорил на эту тему с таким красноречием, что присутствовавшие стоя рукоплескали и бросали ему свои венки. Тогда Александр привел слова Еврипида о том, что прекрасно говорить о прекрасном предмете — дело нетрудное, и сказал:
>
> — Теперь покажи нам свою силу, произнесши обвинительную речь против македонян, чтобы, узнав свои ошибки, они стали лучше.
>
> Тут уже Каллисфен заговорил по-другому, в откровенной речи он предъявил македонянам многие обвинения. Он сказал, что раздор среди греков был единственной причиной успехов Филиппа и его возвышения, и в доказательство своей правоты привел стих:
>
> > Часто при распрях почет достается в удел негодяю.
>
> Этой речью Каллисфен возбудил против себя лютую ненависть со стороны македонян, а Александр сказал, что Каллисфен показал не столько силу своего красноречия, сколько силу своей вражды к македонянам.

Повод окончательно устранить Каллисфена у Александра появился довольно скоро. Случился очередной заговор — у Александра обнаружились поразительные способности наживать врагов, большей частью оттого, что характер царя и его привычки

постоянно менялись в худшую сторону. Смерть Каллисфена связывается с так называемым «заговором пажей». Об институте пажей рассказывает Арриан.

> Еще Филиппом было заведено, чтобы сыновья знатных македонцев, вошедшие в юношеский возраст, набирались для услуг царю; им поручалось прислуживать царю и стоять на страже, когда он спит. Когда царь собирался выезжать, они приводили ему лошадь из конюшни, подсаживали его по персидскому обычаю, принимали участие в охотничьих состязаниях.

Почетная должность была мечтой юношей лучших македонских родов во времена Филиппа, но превратилась в сущий кошмар при Александре. «Представьте себе всю необузданность его темперамента, непостижимую внезапность решений, безудержность в гневе, безмерность пристрастий, его беспорядочный образ жизни в сочетании с напряженной работой, бессонными ночами, проведенными в попойках, и днями, потраченными на сон! Все это больше жгло, чем согревало: у людей, общавшихся с ним, захватывало дыхание. Что-то в нем мучило окружающих, и они чувствовали усталость от него, а подчас и болезненное отвращение», — выводы Шахермайра позволяют понять степень трудности службы пажей.

Однажды на охоте прямо на Александра несся разъяренный кабан. Юноша по имени Гермолай убил животное; бедняга, видимо, недавно состоял при Александре и не знал, что врага царь должен убить собственной рукой, что у царя вошло в привычку ежедневно совершать подвиг. Вместо обещанной награды за спасение жизни Александра Гермолай был высечен розгами на глазах у остальных участников охоты.

Обида и явилась причиной заговора, а найти единомышленников среди товарищей Гермолаю не составило труда. Юноши договорились убить Александра, когда тот будет возвращаться с очередного пира.

Спасла царя от неминуемой смерти лишь случайность. Уже рассвело, когда Александр собирался покинуть место пиршества, как путь ему преградила сириянка, обладавшая даром пророчества. Она принялась убеждать царя вернуться назад и продолжить развлечение. «Царь шутливо ответил, что боги подают ему благой совет, и, вернув друзей, пробыл на пиру почти до второй стражи».

Царь с удовольствием последовал совету сириянки не только оттого, что слепо ей доверял, но еще и потому, что превратился в алкоголика и в это время страдал обычным запоем. На всем

протяжении «дела пажей» мы видим великого завоевателя либо пьяным, либо с такого похмелья, что он едва мог соображать.

Итак, юноши не дождались царя и вынуждены были отложить исполнение задуманного до лучших времен. Однако, как это часто бывает, нашелся предатель, который рассказал о заговоре царским телохранителям — Птолемею и Леоннату. По свидетельству Курция Руфа, отворив двери царской почивальни «и внеся огонь, они будят Александра, крепко спавшего после попойки. Понемногу собравшись с мыслями, царь спрашивает, с чем они пришли».

Царь приказал арестовать участников заговора, а заодно и Каллисфена; сам же занялся любимым делом. «Когда их привели к царскому двору, царь спал, устав от попойки и ночных бдений, он проспал весь день и всю следующую ночь».

Никто из допрашиваемых и пытаемых юношей не назвал Каллисфена в числе участников заговора. Впрочем, несомненно, что именно философ, помешавший Александру поставить на колени македонян, был для них идеалом и невольным вдохновителем. По македонской традиции, обвиняемых выставили перед воинским собранием; не было среди них только философа — бесстрашный Александр продолжал бояться Каллисфена и его речей. Однако ученик философа, Гермолай, произнес такую речь, что Александр в душе проклял древний обычай давать обвиняемому последнее слово.

Интересно, что даже Арриан, всегда пытающийся оправдать Александра, упоминает о его чрезмерном пристрастии к вину.

> Гермолай, когда его поставили перед собранием македонцев, заявил, что он действительно составил заговор — свободному человеку невозможно терпеть дерзостное самомнение Александра — и он перечислил все: несправедливую казнь Филоты и уже совсем беззаконное уничтожение заодно с ним и его отца, Пармениона, и других людей; убийство Клита, совершенное в пьяном виде; мидийскую одежду; непрекращающееся обсуждение того, как ввести в обиход земные поклоны; попойки Александра, сменяющиеся сном. Он не в силах был переносить этого и захотел освободить и остальных македонцев.

Последнее слово Гермолая в изложении Курция Руфа прозвучало как беспощадная обвинительная речь против Александра:

> — Как великодушно ты позволяешь говорить юнцам,

неискусным в речах! А голос Каллисфена заглушен стенами тюрьмы, потому что этот человек умеет говорить. Почему же его не приводят, хотя слушают даже сознавшихся? Значит, ты не только боишься слушать свободный голос невинного, но и не выносишь его вида. Я утверждаю, что он ничего не делал. Здесь находятся те, кто вместе со мной замышляли прекрасное дело, но никто из нас не скажет, что Каллисфен был нашим сообщником, хотя он давно уже осужден на смерть справедливейшим и великодушнейшим царем.

Вот какова награда македонцам: их кровь ты проливаешь как ненужную и грязную! Твои 30 тысяч мулов возят захваченное золото, тогда как воинам нечего увезти домой, кроме никому не нужных шрамов. Однако все это мы могли сносить, пока ты не забыл о нас ради варваров и не надел на нас ярмо новых обычаев. Тебе нравятся персидские одежды и персидский образ жизни. Выходит, мы хотели убить персидского царя, а не македонского. Тебя мы преследуем по праву войны как перебежчика. Ты захотел, чтобы македонцы бросались перед тобой на колени и приветствовали тебя, как бога; ты отрекся от своего отца Филиппа; а если бы кто из богов был выше Юпитера, ты пренебрег бы и Юпитером. Ты удивляешься, что мы, свободные люди, не можем терпеть твоей гордыни. Чего ожидать от тебя нам, которым предстоит без вины умереть или — что тяжелее смерти — жить в рабстве? Ты же, если еще можешь исправиться, будешь многим обязан мне. Ведь от меня ты впервые узнал, чего не могут выносить свободнорожденные. Пощади же их, не отягчай мучениями их одинокой старости. А нас прикажи увести, чтобы мы своей смертью обрели то, чего хотели добиться твоей.

Александр передал Гермолая и прочих заговорщиков в руки воинов их же когорты. «Те, стремясь своей суровостью выказать верность царю, жестоко пытали их и убили» (Курций).

Каллисфена, в оковах и под стражей, царь еще семь месяцев возил за собой, пока тот не скончался. Впрочем, некоторые авторы считают, что Каллисфена убили вместе с прочими участниками заговора. Курций пишет, что «Каллисфен тоже умер после пыток, хотя не был повинен в заговоре», а Плутарх говорит, что «некоторые сообщают, что Александр повесил Каллисфена». Последнее маловероятно — Александр не посмел бы, не решился

бы убить известного и почитаемого философа без соблюдения обязательных процедур.

Точно так же царь возил за собой несколько лет Александра Линкеста, до тех пор пока не представился случай его убить. Гораздо лучший вариант: уморить Каллисфена в индийском походе. И Юстин придерживается мнения, что Каллисфен умер не сразу, причем Александр так издевался над племянником любимого когда-то Аристотеля, что подобного глумления не испытывали даже заклятые враги:

> За то, что философ Каллисфен воспротивился приказанию приветствовать царя по персидскому обычаю, Александр Великий разгневался на него, ложно обвинил его в соучастии в заговоре, который якобы готовился против царя, и отдал жестокое приказание искалечить Каллисфена, отрезать ему уши, нос и губы и превратить его таким образом в бесформенное и жалости достойное подобие человека. Кроме того, Александр велел запереть Каллисфена в клетку вместе с собакой и носить ее повсюду для устрашения других. Тогда Лисимах, который имел обыкновение слушать беседы Каллисфена и получать от него наставления в добродетели, исполнился жалости к столь великому человеку, терпящему наказание не за вину, а за свободолюбие, и дал ему яд, чтобы избавить его от мучений.

В стране сокровищ

Александр стремился дерзостью одолеть судьбу, а силу — мужеством, ибо он считал, что для смелых нет никакой преграды, а для трусов — никакой опоры.

Плутарх. Александр

Индию европейские народы знали плохо; именно отсутствие знаний и породило легенды о ее сказочных богатствах. «Золото находится в реках, спокойные воды которых текут медленно и ровно, — рассказывает Курций Руф. — Море выбрасывает на берега драгоценные камни и жемчуг. С тех пор как инды распространили у других народов торговлю предметами роскоши, ничто иное их так не обогащает: ведь цена этим отбросам бурного моря устанавливается прихотью».

Царь способствовал распространению подобных слухов среди воинов, ибо вести их до края вселенной становилось все труднее и труднее. Самого Александра, как и прежде, интересовали только подвиги; новая неизведанная страна — это новые возможности для их совершения. Александр хотел убедиться, что он стал богом, и стремился совершить дела, достойные небожителя. Но вместо этого получал рану за раной, из которых текла обычная кровь, а тело все так же болело после каждого удара. Оттого царь все больше злился, и его злость щедро оплачивалась людской кровью.

Ко времени появления Александра Индия была раздробленной на множество княжеств, враждовавших между собой. Некоторые властители почли за лучшее покориться воинственному пришельцу, но горе было тем, кто решился оказать сопротивление. Из труднейшей индийской кампании мы рассмотрим лишь несколько эпизодов, которые наиболее ярко характеризуют Александра.

После небольшого сражения на берегу Инда Александр обратил врагов в бегство и загнал их в ближайший город. Индийцы за его стенами продолжали упорно сопротивляться и даже ранили Александра стрелой в ногу. Этим действием они и подписали смертный приговор себе и городу. Как пишет Курций Руф, «чтобы прежде всего устрашить народ, еще не знакомый с оружием македонцев, он (Александр) приказал никого не щадить, после того как будут сожжены укрепления осажденного им

города… Он взял город и перебил всех его жителей; гнев царя обратился даже на дома».

Даже Плутарх недоволен своим кумиром, и один из поступков Александра называет позорным: «Храбрейшие из индийцев-наемников, переходившие из города в город, сражались отчаянно и причинили Александру немало вреда. В одном из городов Александр заключил с ними мир, а когда они вышли за городские стены, царь напал на них в пути и, захватив в плен, перебил всех до одного».

Бой с наемниками был на редкость жестоким, как и всякий бой с обреченными. Он более подробно описан Диодором.

> Бились врукопашную; враги, сошедшись грудью, поражали насмерть один другого и наносили многочисленные разнообразные раны. Македонцы, пробивая сариссами щиты варваров, вонзали железные наконечники своих копий им в легкие; наемники, бросая копья в гущу врагов, били без промаха по близкой цели. Много было раненых, немало убитых; женщины подбирали оружие павших и бились рядом с мужчинами. Страшная опасность и напряжение заставили их забыть свою природу и вступить в бой. Некоторые, вооружившись, смыкали свой щит со щитом мужа; другие нападали без оружия, хватали щиты врагов и сильно им мешали. Все — мужчины и женщины — сражаясь вместе и погибая от рук многочисленного врага, выбрали для себя славную смерть, предпочитая ее жизни в унижении.

Увы! Куда-то исчезло рыцарское отношение Александра к женщине, которое мы наблюдали в начале персидского похода.

В Индии Александр бросается в любую опасность, совершенно не заботясь о последствиях; он совершенно утрачивает чувство самосохранения. Плутарх рассказывает:

> Перед крепостью, называвшейся Нисой, македоняне остановились в нерешительности, так как их отделяла от нее глубокая река. Став на берегу, Александр сказал:
>
> — Почему я, глупец, не научился плавать?
>
> И все же, взяв в руки щит, он хотел броситься в реку…
>
> В боях Александр подвергал себя множеству опасностей и получил несколько тяжелых ранений, войско же его больше всего страдало от недостатка в съестных припасах и от скверного климата. Александр

стремился дерзостью одолеть судьбу, а силу мужеством, ибо он считал, что для смелых нет никакой преграды, а для трусов — никакой опоры.

Мечась от одного индийского города к другому, Александр все же нашел достойное себе занятие. Он обнаружил утесы, «необычайно суровые и высокие», на которых укрылось множество индийцев. По мифическому преданию, эту скалу пытался захватить Геракл, но был вынужден прекратить осаду из-за землетрясения. Разве Александр упустит возможность превзойти Геракла?

Македоняне были в ужасе от затеи Александра. Чтобы поднять их дух, царь спросил перебежчика-индийца: храбрый ли человек Сисимитр — то есть, военачальник, защищавший неприступную скалу. Индиец ответил, что Сисимитр — трусливейший из людей. Тогда Александр сказал: «Выходит, что мы можем захватить скалу, — ведь вершина у нее непрочная».

Все же Александр долго не решался что-либо предпринять, казалось, крутые и обрывистые горы не давали ему ни единого шанса превзойти Геракла. И тут появился какой-то старик с двумя сыновьями, который пообещал показать путь на гору, если ему заплатят за сей труд. На радостях царь дал проводнику огромное состояние — 80 талантов. Однако чтобы приблизиться к горе, пришлось завалить лесом пропасти и овраги. Курций Руф описывает очередную эпопею Александра.

Сам царь сбросил обрубленное дерево, в войске поднялся крик, выражавший воодушевление; никто не отказывался делать то, в чем царь показал пример.

На седьмой день пропасти были завалены, и царь приказал стрелкам и агрианам лезть наверх; кроме того, он отобрал из своей когорты 30 самых отважных юношей. Начальниками над ними были поставлены Хар и Александр, последнему царь напомнил, что оба они носят одинаковое имя. Сначала ввиду столь явной опасности было решено, что самому царю не следует идти на риск. Но как только был дан сигнал трубой, царь, как человек выдающейся храбрости, обратился к телохранителям, приказал следовать за собой и сам первый стал подниматься в гору. Тогда никто из македонцев не остался на месте. Покинув стоянку, все устремились за царем.

Многих ожидал печальный конец: они сорвались с отвесной скалы и утонули в протекавшей здесь реке, что было ужасным зрелищем и для тех, кто не подвергался

опасности. Когда они увидели, что эта печальная судьба угрожает им самим, то к состраданию присоединился страх, и они стали оплакивать не погибших, а самих себя. А между тем они зашли уже туда, откуда могли возвратиться только победителями, иначе им предстояло погибнуть: варвары скатывали на поднимавшихся македонцев огромные камни; сбитые с ног люди стремительно падали вниз, так как нетвердо стояли на скользкой почве.

Однако Александр и Хар, которых вместе с 30 отборными воинами царь выслал вперед, взошли на гору и уже начали биться с врагом врукопашную. Но так как варвары стреляли сверху, то македонцы чаще падали сами, чем ранили других. Александр же, помня о своем имени и обещании, сражается отважно, не соблюдая осторожности; получив с разных сторон сильные удары, он падает. Хар, увидев, что тот лежит, бросился на врага, не помня ни о чем, кроме мести, и многих поразил копьем, а некоторых мечом. На него одного поднялось множество рук, и он бездыханным пал на тело своего друга. Совершенно естественно, что царь, подавленный гибелью отважных юношей и других воинов, подал сигнал к отступлению. Спасением для македонцев было то, что они отступали постепенно и без паники и что варвары, удовлетворившись тем, что отбили врага, не преследовали отступавших.

Однако, хотя Александр и решил отказаться от замысла, так как овладеть скалой не было никакой надежды, он все же сделал вид, что будет продолжать осаду; он приказал занять дороги, подвести осадные башни и на смену утомившимся воинам прислать других.

Началась война нервов, и победу в ней одержал Александр. Пораженные упорством македонян, индийцы не выдержали и на третью ночь оставили свое неприступное убежище. Во время бегства множество индийцев погибло, но убило их не оружие врага, а собственный страх.

От Балакра, посланного на разведку, царь узнает, что инды покинули скалу и бежали; тогда он дал знак всем разом поднять крик и этим нагнал страх на беспорядочно бегущих врагов. Многие, как будто их уже настигал враг, стремительно падали со скользких камней и неприступных утесов. Те, кто оставался

> невредимым, бросали на произвол судьбы многих людей, повредивших себе при падении какую-нибудь часть тела. Царь, оказавшийся победителем скорее над местной природой, чем над врагами, создал впечатление большой победы, устроив богатые жертвоприношения и другие религиозные церемонии.

В 326 году до н. э. произошло самое крупное сражение Александра за время индийского похода. Его противником стал Пор — царь небольшого государства в Пенджабе.

Враги долго не могли встретиться; их разделяла река Гидасп: Пор старался не допустить македонян за этот водный рубеж, Александр же стремился попасть на противоположный берег во что бы то ни стало. Но воины Александра вовсе не разделяли его энтузиазм.

Ситуацию описывает Курций Руф.

> Македонцев страшил не только вид врагов, но и величина реки, которую предстояло перейти. Разлившись в ширину на 4 стадии, будучи очень глубокой и не имея нигде брода, она показалась им огромным морем. Но ее течение не было медленным, как это обычно бывает у широко разлившихся вод; река неслась быстро и бурно, как будто текла в узких берегах: перекатывавшиеся волны во многих местах обнажали скрытые на дне камни. А еще страшнее был вид берега, полного людей и лошадей. Там стояли чудовищные по своей величине слоны; нарочно разъяренные, они оглушали своим ужасным ревом. И река, и враг сразу привели македонцев в ужас, хотя их сердца, обычно полные уверенности, выдержали много испытаний. Им казалось, что на неустойчивых плотах невозможно ни переплыть реку, ни безопасно пристать к берегу.

Александр не терял надежды повторить битву при Гранике; на середине реки имелось несколько островов, которые, казалось, были призваны облегчить переправу. Нашлись и желающие стать первопроходцами.

> В македонском войске отличались безрассудством и дерзкой смелостью знатные юноши Симмах и Никанор; полагаясь на свое обычное счастье, они презирали всякую опасность. Под их предводительством наиболее отважные юноши, вооружившись только легкими копьями, переправились на остров, где засела масса

> врагов, многих индов они умертвили, причем главным оружием их была храбрость. Они могли бы возвратиться со славой, если бы их отвага знала меру в удаче. Но они с презрением и гордостью встречали подступавших врагов, а те, подплыв незаметно, окружили их и издалека забросали стрелами. Тот, кто убежал от врага, был унесен течением реки или утонул в водовороте.

Александр, привыкший бросаться в опасность не разбирая пути, наконец-то применил хитрость. Оставив в лагере Птолемея, он с частью войска тайком направился вверх по реке. Нашлось и благоприятное место с бродом и лесистым островом на середине реки, укрывавшим войско Александра от Пора.

Затея удалась, но трудностей македонянам хватило, ибо действо совершалось с сезон дождей. В Индии эта напасть равносильна землетрясению, извержению вулкана и прочим природным катаклизмам. «Прелести» купания в южной реке описывает Плутарх.

> В это время пошел проливной дождь, подул ураганный ветер, то и дело ударяли молнии. На глазах у Александра несколько воинов были убиты и испепелены молнией, и все же он отплыл от острова и попытался пристать к противоположному берегу. Из-за непогоды Гидасп вздулся и рассвирепел, во многих местах берег обрушился, и туда бурным потоком устремилась вода, к суше нельзя было подступиться, так как нога не держалась на скользком, изрытом дне.

Македоняне одолели Гидасп и… «остановились при виде животных и самого царя. Слоны, стоявшие среди воинов, издали были похожи на башни. Пор был выше обычных людей, но особенно высоким он казался благодаря слону, на котором ехал и который был настолько же крупнее остальных, насколько царь был выше прочих индов».

Лишь Александр остался удовлетворенным зрелищем индийского войска:

— Наконец-то я вижу достойную меня опасность! — воскликнул он. — Предстоит иметь дело со зверями и необыкновенными людьми.

Александр получил то, что хотел: сражения с Дарием показались легкими прогулками по сравнению с битвой при Гидаспе. И слонов македоняне не зря опасались…

Диодор Сицилийский рассказывает:

> Во время сражения конница первым делом уничтожила почти все колесницы индов. Затем в бой вступили слоны, должным образом используя и огромную массу своих тел, и свои силы: одни гибли под их ногами, растоптанные вместе с оружием; других они обхватывали хоботом и, подняв вверх, швыряли на землю, — люди умирали страшной смертью; многие были насквозь пронзены клыками и тут же испускали дух.

Арриан солидарен с Диодором.

> Это было сражение, не похожее ни на одно прежнее. Слоны врывались в ряды пехоты, поворачивались, и в этом месте густого строя македонцев как не бывало.

Ценой неимоверных усилий македонянам удалось выстоять, один за другим падали слоны, пораженные стрелами и дротиками; многие животные приходили в бешенство от боли и тогда давили своих и чужих.

Диодор пишет:

> Началось великое смятение; Пор, видя что происходит (он сидел на самом сильном слоне), собрал вокруг себя 40 слонов, находившихся в спокойном состоянии, и устремил всю массу этого отряда на врага. Много людей было перебито, тем более что физической силой Пор значительно превосходил своих соратников. Высотой он был в 5 локтей; панцирь его был вдвое шире, чем у других отличавшихся силой воинов. Дротики, брошенные его рукой, ударяли с такой же силой, как стрелы из катапульты. Македонцы, стоявшие против него, испугались…

Мы помним, что Александр всегда стремился вступить в противоборство с начальником вражеского войска, помним, как он, позабыв о собственном войске, не обращая внимания на сотни тысяч персов, пытался добраться до Дария при Гавгамелах. В битве при Гидаспе ситуация изменилась диаметрально. Юстин сообщает:

> Пор приказал своему войску напасть на македонян, а сам потребовал, чтобы царь македонский вступил с ним в бой один на один. Александр не замедлил вступить в бой, но в первой же стычке конь его был ранен, и он

стремглав упал с коня на землю; сбежались телохранители и спасли его.

Александр проиграл поединок и поступил довольно подло, учитывая его кодекс поведения военачальника в битве. Диодор рассказывает:

> Он вызвал лучников и легковооруженных и приказал всем целить в Пора. Воины быстро выполнили этот приказ: множество стрел разом полетело в инда, и так как был он размеров огромных, то все попали в цель. Пор героически бился; потеряв от множества ран много крови, он лишился чувств и, склоняясь к спине животного, скатился на землю. Когда разнеслась молва, что царь убит, все войско индов обратилось в бегство.

Однако Пор был только ранен, и подал признаки жизни, когда македоняне начали снимать с него доспехи. Александр чувствовал вину за то, что победил могучего инда не в равном поединке, а с помощью лучников.

Плутарх передает первый разговор между двумя царями.

> Когда Пора взяли в плен и Александр спросил его, как следует с ним обращаться, Пор сказал:
>
> — По-царски.
>
> Александр спросил, не хочет ли он добавить еще что-нибудь. На это Пор ответил:
>
> — Все заключено в одном слове: по-царски.

Согласно Курцию Руфу, между Александром и Пором произошел следующий диалог:

> Царь, увидев, что Пор открывает глаза, сказал без ненависти, но с состраданием:
>
> — Какое безумие побудило тебя, злополучный, испытывать свою судьбу на войне, раз ты знал славу моих деяний, раз судьба Таксила была непосредственным примером моей милости к покорным?
>
> А тот ответил:
>
> — Поскольку ты спрашиваешь, я отвечу так же свободно, как ты задал вопрос. Я считал, что нет никого сильнее меня: ведь я знал свои силы, а твоих еще не испытал; исход войны доказал, что ты сильнее меня. Но тем не менее я счастлив, что оказываюсь вторым после тебя.

В свою очередь Александр спросил, что, по мнению самого Пора, следует делать победителю. Пор ответил:

— То, что подсказывает тебе тот день, в который ты испытал непрочность счастья.

Этим предостережением Пор достиг большего, чем если бы стал умолять: неустрашимое величие его духа, не сломленное даже судьбой, показалось Александру достойным не только сострадания, но и почести.

Александр назначил Пора сатрапом той области, которой он ранее правил, и даже присоединил к ней соседние земли.

Таким образом, в результате кровопролитнейшей битвы все остались при своих интересах. Однако испытание, кто кого сильнее, дорого обошлось обеим сторонам. Согласно Диодору, «в этом сражении индов пало больше 12 тысяч, среди них двое сыновей Пора и самые славные военачальники. В плен взяли больше 9 тысяч, поймали 80 слонов. У македонцев пало 280 всадников и больше 700 пехотинцев».

Битва с Пором стоила жизни любимому коню Александра — Букефалу. Он был ранен и вскоре издох. Александра это событие опечалило, пожалуй, больше, чем гибель македонян под ногами слонов. В память о своем самом преданном друге царь основал у Гидаспа город и назвал его Букефалией.

Гораздо разумнее закончилось противостояние Александра с другим индийским владыкой. Об этом событии, произошедшем задолго до войны с Пором, весьма интересно рассказывает Плутарх:

Таксил, как сообщают, владел в Индии страной, по размерам не уступавшей Египту, к тому же плодородной и богатой пастбищами, а сам он был человек мудрый. Приветливо приняв Александра, он сказал ему:

— Зачем нам воевать друг с другом, Александр, — ведь ты же не собираешься отнять у нас воду и необходимые средства к жизни, ради чего только и стоит сражаться людям разумным? Всем остальным имуществом я охотно поделюсь с тобой, если я богаче тебя, а если беднее — с благодарностью приму дары от тебя.

С удовольствием выслушав эту речь, Александр протянул Таксилу правую руку и сказал:

— Не думаешь ли ты, что благодаря этим радушным словам между нами не будет сражения? Ты ошибаешься. Я буду бороться с тобой благодеяниями, чтобы ты не превзошел меня своей щедростью.

> Приняв богатые дары от Таксила, Александр преподнес ему дары еще более богатые, а потом подарил тысячу талантов в чеканной монете. Этот поступок очень огорчил его друзей, но зато привлек к нему многих варваров.

Победа у Гидаспа подействовала на воинов Александра удручающе. «Сражение с Пором охладило пыл македонян и отбило у них охоту проникать дальше в глубь Индии, — сообщает Плутарх. — Лишь с большим трудом им удалось победить этого царя, выставившего всего-то 20 тысяч пехотинцев и 2 тысячи всадников…»

Обычно после битв древние авторы перечисляют захваченные трофеи, но после сражения при Гидаспе подобной описи нет. Собственно, о какой добыче может идти речь, если оба царя — и победитель и побежденный — стали друзьями еще не похоронив павших воинов.

Миф о стране сокровищ, который использовал Александр, чтобы заманить свое воинство в новый поход, так и остался мифом. Даже больше, Александр растратил свою казну на подарки и подкуп раджей, на выплаты проводникам, опять же в пути не забывал устраивать роскошные пиршества… и в результате стал испытывать финансовые затруднения.

Царю по-прежнему нечего дать своим солдатам… кроме обещаний. Курций Руф пишет:

> Собрав воинов на сходку, он хвалит их и убеждает довести с бодрым духом войну до конца: все, мол, силы, какие были у индов, разбиты в последнем бою; все остальное составит обильную добычу, а в стране, куда они идут, находятся прославленные богатства. Ничтожной и скудной покажется добыча, взятая у персов: драгоценными камнями и жемчугом, золотом и слоновой костью они наполнят не только свои дома, но всю Македонию и Грецию.

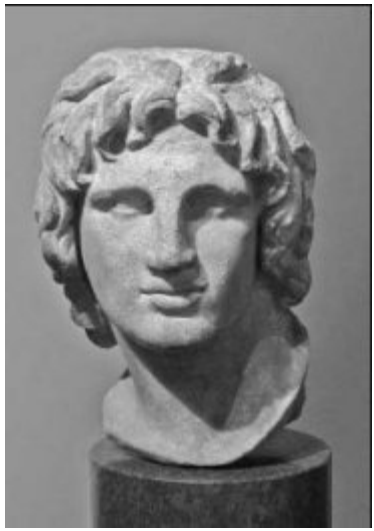
Предел мечтам

Царь, если что хорошо, так это смирение в счастье. Тебе, такому вождю, ведущему такое войско, нечего бояться врагов, но божество может послать нечто неожиданное, и человеку тут остеречься невозможно.

Квинт Эппий Флавий Арриан. Поход Александра

После сражения с Пором война еще некоторое время продолжалась, но больше по инерции. Самым крупным успехом Александра было взятие города Сангалы. «При взятии погибло 17 000 индов; в плен взяли больше 70 000 человек, 300 колесниц и 500 всадников. У Александра за всю осаду погибло немногим меньше 100 человек; число раненых было неизмеримо больше: более 1200 человек. Среди них были разные военачальники и Лисимах — телохранитель». Такова статистика битвы за один лишь город от Арриана.

Сангалы Александр разрушил до основания, а принадлежавшие ему земли передал тем индам, которые добровольно ему покорились. Но о захваченной добыче историки опять не упоминают.



Если в Персии Александр сумел стать почти «своим», то Индия для него так и осталась чужой страной, с непонятной македонянам кастовой системой, чуждыми традициями и непостижимой европейскому разуму философией. Индия и Александр не поняли и не приняли друг друга, и потому один из двух гигантов должен был уйти или умереть. Казалось, Александр хотел убить Индию; он убивал жестоко и беспощадно, сжигал города, вырезая население до последнего человека; не знали милости те, кто решил отстаивать право на свободную жизнь, кто дерзнул оказать сопротивление македонскому завоевателю. «Не меньше хлопот, — читаем у Плутарха, — доставили Александру индийские философы, которые порицали царей, перешедших на его сторону, и призывали к восстанию свободные народы. За это многие из философов были повешены по приказу Александра».

Этот же автор рассказывает историю, связанную с индийскими философами. Можно сомневаться в ее достоверности, но она чрезвычайно интересна.

> Александр захватил в плен десять гимнософистов из числа тех, что особенно старались склонить Саббу к измене и причинили македонянам немало вреда. Этим людям, которые были известны своим умением давать краткие и меткие ответы, Александр предложил несколько трудных вопросов, объявив, что того, кто даст неверный ответ, он убьет первым, а потом — всех остальных по очереди. Старшему из них он велел быть судьею.
>
> Первый гимнософист на вопрос, кого больше — живых или мертвых, ответил, что живых, так как мертвых уже нет. Второй гимнософист на вопрос о том, земля или море взращивает зверей более крупных, ответил, что земля, так как море — это только часть земли. Третьего Александр спросил, какое из животных самое хитрое, и тот сказал, что самое хитрое — то животное, которое человек до сих пор не узнал. Четвертый, которого спросили, из каких побуждений склонял он Саббу к измене, ответил, что он хотел, чтобы Сабба либо жил прекрасно, либо прекрасно умер. Пятому был задан вопрос, что было раньше — день или ночь, и тот ответил, что день был на один день раньше, а потом, заметив удивление царя, добавил, что задающий мудреные

вопросы неизбежно получит мудреные ответы. Обратившись к шестому, Александр спросил его, как должен человек себя вести, чтобы его любили больше всех, и тот ответил, что наибольшей любви достоин такой человек, который, будучи самым могущественным, не внушает страха.

Из трех остальных одного спросили, как может человек превратиться в бога, и софист ответил, что человек превратится в бога, если совершит нечто такое, что невозможно совершить человеку. Другому задали вопрос, что сильнее — жизнь или смерть, и софист сказал, что жизнь сильнее, раз она способна переносить столь великие невзгоды. Последнего софиста Александр спросил, до каких пор следует жить человеку, и тот ответил, что человеку следует жить до тех пор, пока он не сочтет, что умереть лучше, чем жить.

И тут царь обратился к судье и велел ему объявить приговор. Когда судья сказал, что они отвечали один хуже другого, царь воскликнул:

— Раз ты вынес такое решение, то умрешь первым.

На это софист возразил:

— Но тогда ты окажешься лжецом, о царь: ведь ты сказал, что первым убьешь того, кто даст самый плохой ответ.

Александру понравились ответы философов. Он богато одарил их и отпустил. Так повезло далеко не всем. Однако царь не мог убить всех индийцев; не по своей доброте, великодушию или царской снисходительности, а потому, что его войско было лишь маленькой лодкой в безбрежном индийском море, причем лодкой довольно ветхой и уже давшей течь. Катастрофа была неминуема.

Между тем состояние войска Александра, несмотря на одержанные победы, было весьма плачевным. Вот как характеризует его Диодор Сицилийский:

Воинов погибло много, а окончание войн не предвиделось. У лошадей от непрерывного пребывания в пути постирались копыта; оружие в большей части своей уже никуда не годилось; эллинская одежда изорвалась, и солдаты вынуждены были одеваться по-варварски, они только укорачивали индийские плащи. Случилось как раз, что в течение 70 дней неистовствовала буря, удары грома раздавались один за другим, молнии били без промаха.

Александр, по словам Курция Руфа, был уже не столь уверен в успехе грандиозного мероприятия.

> Ему казалось, что людям, заброшенным почти на край человеческого обитания, найти и преодолеть грань мира нелегко. С другой стороны, из-за жажды славы и ненасытной страсти к подвигам он ничего не считал для себя ни недоступным, ни слишком отдаленным. Иногда он, правда, сомневался, захотят ли его македонцы, прошедшие столько земель, состарившиеся в боях и лагерной жизни, следовать за ним через реки, преодолевать трудности природы, не предпочтут ли они пользоваться добычей, которой они уже отягощены, а не утомлять себя в погоне за новой. У него и его воинов не одинаковые стремления. Он лелеет в душе завоевание всего мира и находится только у начала своего дела, воины же, утомленные трудностями похода, ожидают любой, лишь бы быстрой пользы, после того как опасность миновала.

Чтобы поднять упавший ниже некуда дух солдат, Александр разрешил им разграбить ближайшие города и селения. Диодор рассказывает:

> Пока войско занималось собиранием добычи, Александр созвал солдатских жен и детей, велел выдать каждой хлебный паек на месяц, а мальчикам выплатить каждому сумму, соответствующую жалованью его отца. Когда солдаты вернулись, нагруженные множеством награбленного добра, он созвал всех на собрание и произнес обдуманную речь относительно похода на гандаров.

Все уловки Александра были бесполезны, войско не хотело и не могло воевать. Особенно испугало македонян намерение Александра переправиться через Ганг.

Плутарх рассказывает о страхах македонян:

> Они слышали, что эта река имеет тридцать два стадия в ширину и сто оргий в глубину и что противоположный берег весь занят вооруженными людьми, конями и слонами. Шла молва, что на том берегу их ожидают цари гандаритов и пресиев с огромным войском из восьмидесяти тысяч всадников, двухсот тысяч пехотинцев, восьми тысяч колесниц и

шести тысяч боевых слонов.

В последней надежде Александр собрал совет военачальников. Те понимали ситуацию, но не решались высказать вслух то, о чем думал последний воин в обозе, — это могло для них стать смертным приговором. Лишь престарелый больной Кен (он умрет через несколько дней после совета) решился взять на себя тяжкий груз.

— Ты покорил, о царь, величием подвигов не только врагов, но и своих воинов, — устами Курция Руфа произнес Кен. — Мы выполнили все, что могли взять на себя смертные. Нам, измерившим моря и земли, все известно лучше, чем местным жителям. Мы стоим почти на краю света. Ты же хочешь идти в другой мир и проникнуть в Индию, неведомую самим индам, хочешь поднять с укромного ложа людей, живущих среди зверей и змей, и своей победой осветить больше земель, чем освещает солнце. Этот замысел достоин твоего гения, но он не по нашим силам. Твоя доблесть все будет возрастать, а наши силы уж на исходе.

Посмотри на наши обескровленные тела, пробитые множеством ран с гниющими рубцами на них. Оружие наше притупилось, не хватает средств защиты. Мы надели персидские одежды, потому что нельзя подвезти наших; мы уподобились чужеземцам-варварам. У многих ли есть панцири? У кого остались кони? Прикажи выяснить, многих ли из нас сопровождают рабы, что у кого осталось от добычи. Всех победившие, мы во всем нуждаемся. И мы страдаем не от излишества: оружие войны мы израсходовали на войну же. И такое прекраснейшее войско ты хочешь голым бросить против зверей?

— Не веди солдат против их воли, — передает речь престарелого полководца Квинт Флавий Арриан. — Если у них нет желания сражаться, они у тебя не будут такими, как раньше. Возвращайся сам на родину, повидайся с матерью, уладь эллинские дела, приведи в отцовский дом твои многочисленные и великие победы. И тогда уже вновь снаряди поход, если пожелаешь, на индов, живущих на востоке; если пожелаешь, к Эвксинскому морю или же против Карфагена и ливийских земель, лежащих за Карфагеном. Твое дело будет — вести людей. Другие македонцы и другие эллины пойдут за тобой: молодежь вместо стариков, полные сил вместо обессиленных; люди, которые не испытали, что такое война, и поэтому не боятся, а хотят ее в надежде на будущее. Они пойдут за тобой, разумеется, с особенной охотой, видя, что твои прежние сподвижники ушли

неизвестными бедняками, а вернулись на родину богатыми и прославленными людьми.

Царь, если что хорошо, так это смирение в счастье. Тебе, такому вождю, ведущему такое войско, нечего бояться врагов, но божество может послать нечто неожиданное, и человеку тут остеречься невозможно.

Когда Кен окончил речь, многие из присутствующих даже плакали, и Александр понял, что не найдет единомышленников даже среди своих полководцев. Раздосадованный царь распустил совет. Оставалось последнее средство — обратиться непосредственно к воинам. Но и солдатам были чужды размышления Александра о будущих великих победах и сказки о несметных сокровищах.

Они упорно молчали, опустив глаза и не решаясь возразить царю.

— Не знаю, чем я нечаянно вас обидел, что вы не хотите даже смотреть на меня, — умолял воинов Александр. — Мне кажется, я в одиночестве. Никто мне не отвечает, но никто и не отказывает. К кому я обращаюсь? Чего требую? Хочу спасти вашу славу и величие. Где те, чье мужество я видел совсем недавно, кто торопился подхватить тело своего раненого царя? Я вами брошен, обманут, выдан врагам. Но я пойду дальше один. Предоставьте меня рекам и зверям и тем племенам, имена которых вас ужасают. Я найду, кто пойдет со мной, которого вы бросили, — со мной будут скифы и бактрийцы, недавние враги, теперь наши воины. Полководцу лучше умереть, чем превратиться в просителя. Возвращайтесь домой! Идите, торжествуйте, покинув своего царя! Я найду здесь место для победы, в которую вы не верите, или для почетной смерти!

Никто из воинов не издал ни звука в ответ на пламенную речь царя, молчали скифы, бактрийцы, персы — и для них проявленное Александром доверие оказалось непосильной ношей. Плутарх описывает реакцию царя на безмолвие, охватившее воинов:

> Сначала Александр заперся в палатке и долго лежал там в тоске и гневе. Сознавая, что ему не удастся перейти через Ганг, он уже не радовался ранее совершенным подвигам и считал, что возвращение назад было бы открытым признанием своего поражения.

Но делать нечего — пришлось собираться в обратный путь. «Если Александру и хотелось когда-нибудь собственной рукой перебить всех своих военачальников, то, скорее всего, в эту минуту, — приходит к выводу Питер Грин. — Он не забыл ни

своего отступления у Гифасиса, ни его виновников. Александр, очевидно, решил превратить в ад для всех долгий путь домой, и, судя по всему, добился своего».

Смертельный трюк

Он не мог совладать с собой (так иные уступают зову наслаждений) и бросался в гущу боя: до того разгоралось у него сердце и так хотелось ему прославиться.

Квинт Эппий Флавий Арриан. Поход Александра

Чашу горя испили до дна народы, оказавшиеся на пути македонского царя. На них он выместил всю злобу за неудачное покорение мира. У древних римских писателей был замечательный девиз: «Ни дня без строчки!»; если перефразировать его под Александра, то получится: «Ни дня без боя!»

Одно племя выставило 40 тысяч пехоты, — все вражеское войско было сметено одним ударом. Беглецы укрылись в ближайших городах; и там их достал Александр: всех взрослых перебили, остальных продали в рабство.

«Затем он начал осаждать другой город, но был отбит большой силой защитников и потерял много македонян, — рассказывает Курций Руф о следующей военной операции царя. — Но так как он упорно не снимал осады, горожане, отчаявшись в спасении, подпалили свои дома и сожгли самих себя с женами и детьми. И поскольку сами раздували пожар, а неприятель его тушил, получился новый вид войны: жители разрушали город, враги отстаивали. Насколько война может извратить законы природы!»

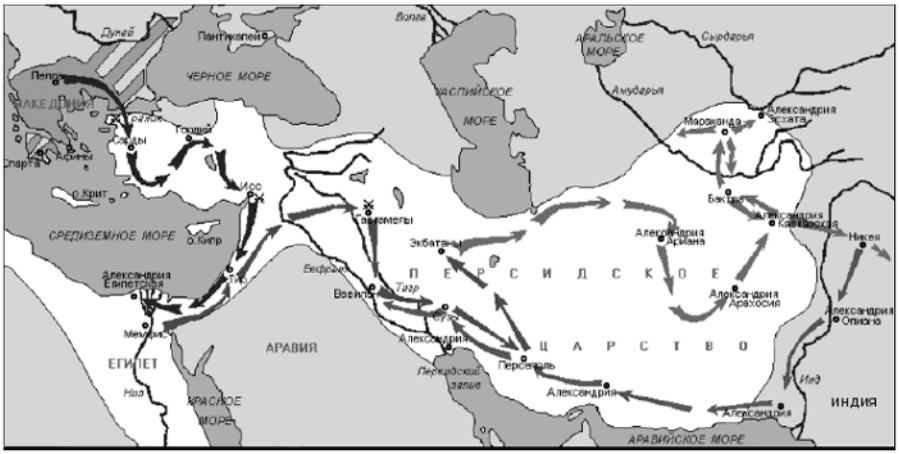
Тут уже македоняне начали возмущаться поведением царя и снова плакаться на свою горькую судьбу:

> Отказавшись от переправы через Ганг и следующие за ним реки, он, мол, не закончил войну, а только изменил ее. Они брошены против неукротимых племен, чтобы своей кровью открыть ему путь к океану. Их ведут за пределы звезд и солнца, заставляют проникать в места, самой природой скрытые от глаз человеческих.

Александр лишь мстительно ухмыльнулся: хотели домой — туда и веду, но никто не обещал, что путь будет легким.

Царь не только не знал жалости к врагам и македонянам, но

совершенно перестал ценить собственную жизнь. Войско принудило идти царя в направлении, противоположном его цели и мечтам. Стоило ли дальше жить, когда за спиной остается непокоренная неведомая часть мира? Не лучше ли последовать совету индийского философа и умереть, когда почувствуешь, что жизнь стала хуже смерти?



Военные походы Александра Македонского

Даже македоняне перестали понимать собственного царя и не столь охотно вдохновлялись его примером. Им настолько надоело воевать, что они не желали лезть в пекло вслед за царем.

Во время штурма города брахманов, по словам Арриана, «Александр первым взошел на стену, где его и увидели. При этом зрелище македонцы устыдились и со всех сторон полезли на стену».

Из Александра получился бы великолепный гладиатор, боец, каких трудно найти, но судьба капризна и любит совершать над человеком (в нашем случае, и над человечеством вообще) злые шутки. Стараниями матери он получил корону, в наследство от Филиппа ему досталось первоклассное войско и великие планы. Но увы! Природа сделала Александра не полководцем и не царем, но воином — безумно бесстрашным, но мыслящим узкой категорией простого солдата.

Он великолепен в бою, как и любой человек, выполняющий работу, предопределенную судьбой. Только в битве македоняне восхищаются Александром, забывая о перенесенных по его вине невзгодах, о тысячах загубленных товарищей, об унижениях и

издевательствах, о собственных ранах, полученных в бессмысленных сражениях.

Читаем у Арриана:

> Неарх рассказывает, что Александра сердили друзья, бранившие его за то, что он лично ввязывается в сражение: сражаться дело солдата, а не полководца. Мне кажется, что Александр сердился на эти речи, сознавая их справедливость; он понимал, что заслуживает порицания. И все-таки он не мог совладать с собой (так иные уступают зову наслаждений) и бросался в гущу боя: до того разгоралось у него сердце и так хотелось ему прославиться.

Битва — единственное место, где Александр был профессионалом, богом, где он достоин восхищения. Однако он не годился даже на должность сотника, ибо совершенно не замечал, что творится у него за спиной. В конце концов, вырвавшись по привычке вперед, он попал в ловушку — глупо и почти без надежды на спасение. Именно так! Произошедшее во время осады одного из городов являлось откровенной глупостью либо попыткой самоубийства, но никак не разумной храбростью.

Царь уже готовил штурм города, когда прорицатель стал его убеждать не делать этого или отложить осаду до благоприятных знамений. Жрец утверждал, что жизни Александра угрожает опасность. На это Александр ответил:

— Если кто-нибудь прервет тебя, занятого своим искусством, изучающего внутренности жертвы, я уверен, это может показаться тебе неприятным и тягостным.

Увы! Если боги хотят кого-то наказать, то отнимают разум.

Роковой штурм индийского города встречается у всех авторов, передающих историю Александра, но наиболее ярко и подробно этот эпизод описан Курцием Руфом.

> Немедленно после этих слов он приказывает придвинуть лестницы к стенам и, пока другие мешкают, сам поднимается на стену. Охват стен был невелик, и зубцы не расширяли его, как в других случаях: но вокруг них броня заграждала доступ. Таким образом, царь не твердо стал, а лишь зацепился за край стены, отражая своим щитом стрелы, со всех сторон летевшие в него из башен. И воины не могли подойти к нему, ибо на них обрушивалось сверху множество стрел.
>
> Наконец чувство стыда преодолело силу опасности, и солдаты поняли, что их промедление предаст царя

врагу. Но их торопливость еще больше задерживала подачу помощи: так как каждый старался подняться скорее, они перегружали лестницы; их не хватало, и солдаты, скатываясь с них, отнимали у царя последнюю надежду. Царь стоял на виду всего войска и все же был как бы всеми покинут.

Левая рука его, отражавшая щитом удары, уже утомилась, друзья кричали ему, чтобы он прыгал к ним вниз, и готовы были принять его, когда он решился на невероятное и неслыханное дело, больше способное создать славу безрассудства, чем доблести. Он прыгнул со стены в город, полный врагов, хотя едва мог надеяться, что будет убит в сражении и отомщен; ведь он мог быть захвачен живым, не успев даже подняться.

Но он так удачно прыгнул, что сразу стал на ноги и тотчас же вступил в бой, а чтобы его нельзя было окружить, об этом позаботилась сама судьба. Недалеко от стены, как бы нарочно, стояло старое дерево, раскидистые ветви которого, покрытые густой листвой, прикрыли царя; он прислонился спиной к толстому его стволу так, что его нельзя было обойти, и стрелы, пущенные против него, принимал на щит. И хотя столько рук поднято было издали против одного, никто не осмеливался подойти ближе, а стрелы больше попадали в ветви дерева, чем в его щит. В сражении царю содействовали, во-первых, слава его имени, а во-вторых, безнадежность, всегда побуждающая искать почетной смерти.

Но когда число врагов стало прибывать, удары в щит обрушились с огромной силой, камни уже пробили его шлем, и колени его подгибались, ослабев от непрерывного напряжения.

Однако когда стоявшие к нему ближе неосторожно, пренебрегая его силой, сделали на него нападение, он так ударил мечом двух из них, что они упали бездыханные у его ног. После этого ни у кого не было мужества подойти к нему ближе, стрелы и копья пускали в него издали.

Открытый для всех ударов, он уже с трудом защищал свое тело, когда один инд так пустил в него стрелу в два локтя длиной (именно такой длины, как раньше было сказано, были у индов стрелы), что, пронзив панцирь, она вонзилась ему несколько выше правого соска. Получив такую рану и потеряв много

крови, он опустил щит, точно умирая, и до того ослаб, что не хватало у него силы, чтобы рукой вырвать стрелу. Поэтому ранивший его с торжеством бросился к нему, чтобы снять доспехи. Но как только царь почувствовал прикосновение чужой руки к своему телу, в нем, как я думаю, обострилось чувство возмущения и крайнего позора, он призвал свой слабеющий дух и вонзил кинжал в открытый бок врага. Вокруг царя лежали уже три трупа, остальные воины подались назад. Желая расстаться с жизнью в момент борьбы, пока в нем еще держалось дыхание, он пытался стать на ноги, опираясь на щит. Но у него не хватило на это сил, и, чтобы подняться, он хватался рукой за нависавшие над ним ветви; но так как и это ему не удавалось, он снова упал на колени, рукой вызывая врага, не осмелится ли кто с ним сразиться.

Казалось, еще несколько мгновений, и с величайшим завоевателем будет покончено. Но боги дали еще один шанс Александру. Боги надеялись, что после такой передряги гордец поймет, что напрасно причислял себя к небожителям, что избрал путь, который невозможно пройти до конца. Слишком дорого стоило раскаяние величайшего в мире убийцы, судьба была согласна подождать и остановила время за несколько мгновений до его смерти.

Наконец на помощь царю пришел Певкест, проложивший себе путь в другой части города, сбив защитников стены. Александр, увидев его и подумав, что он несет ему облегчение не жизни, а смерти, упал обессиленным телом на щит. Затем явился Тимей, немного позже Леоннат, за ними Аристон. А инды, узнав, что у них в городе царь, бросив остальных, сбежались к нему и теснили его защищавших. Из них Тимей, приняв много ран в грудь, геройски пал в славной битве. Певкест тоже был ранен дротиками, но не столько себя прикрывал щитом, сколько царя — своим телом; Леоннат, отражая сильно напиравших врагов, получил тяжелый удар в шею и упал к ногам царя. Уже и Певкест, истощенный ранами, опустил щит; последняя надежда была на Аристона. Но он тоже был тяжело ранен и не мог больше сдерживать такое множество врагов.

Между тем до македонцев дошла весть, что царь пал в бою. Других эта весть могла бы напугать, в них она разбудила мужество. Забыв о всякой опасности, они

топорами пробили стену, через брешь ворвались в город и перебили много индов, обращавшихся перед ними в бегство и не решавшихся объединиться. Не было пощады ни старикам, ни женщинам, ни детям; кто бы им ни попадался, они считали, что именно он ранил царя.

Царя отнесли в палатку, и врачи прежде всего отрезали древко застрявшей в нем стрелы, не тронув острия. Затем, обнажив тело, они заметили, что у стрелы есть зубцы, и что ее можно вынуть, только если разрезом увеличить рану. При этом они опасались, что поток крови может помешать разрезу: стрела была большая и, как стало ясно, проникла во внутренние органы. Критобул, обладавший выдающимся искусством врача, в данном тяжелом случае боялся прикоснуться к ране, как бы при неудачной операции беда не обрушилась на его голову.

Царь взглянул на плачущего, охваченного крайней тревогой и почти лишившегося сил врача и сказал:

— Что же ты медлишь и не освободишь сейчас же от страданий меня, обреченного несомненно на смерть? Или ты боишься оказаться виновным в том, что я получил неизлечимую рану?

Тогда Критобул, справившись со своим страхом или скрыв его, начал убеждать царя, чтобы тот дал себя связать, пока он будет вынимать острие, ибо опасным может быть даже малейшее телодвижение. Царь же, сказав, что нет надобности его связывать, предоставил свое тело врачу и, как было ему указано, пролежал совершенно неподвижно. Итак, рана была расширена, и, когда вынуто было острие, кровь хлынула потоком. Силы покинули царя, в глазах у него потемнело, и он лежал, как мертвый. Тщетно врачи старались лекарствами унять кровь, и друзья, подумав, что царь умер, подняли громкий вопль и плач. Но кровь, наконец, остановилась, понемногу вернулось к царю сознание, и он начал узнавать окружающих.

Семь дней царь находился между жизнью и смертью. Этого времени оказалось достаточно, чтобы среди индийцев распространился слух о гибели Александра. Вся страна оказалась в огне восстаний.

Так как царь не покидал палатки, то и македоняне решили, что Александра уже нет в живых. Совсем недавно они отказывались сражаться и равнодушно взирали, как надоевший

до смерти Александр в одиночку карабкался на стены вражеских городов. Теперь их отношение к царю переменилось.

Арриан повествует:

> Сначала все солдаты рыдали, передавая друг другу этот слух. Когда плач утих, всеми овладело чувство растерянности и беспомощности: кто поведет войско? Останутся ли они в живых на своем пути домой, когда вокруг столько воинственных племен, готовых преградить им путь? Одни из них вовсе не покорились и готовы мужественно отстаивать свою свободу, а другие восстанут: Александра ведь бояться нечего. Реки, лежащие на их пути, показались им непереходимыми: без Александра все представлялось безвыходным и неодолимым.

Царь был слишком слаб, но растерянность и паника войска заставили его покинуть палатку. Увидев Александра, македоняне издали единодушный крик восторга; одни поднимали руки к небу и благодарили его, другие протягивали их к Александру, у многих текли невольные слезы.

Телохранители предложили с трудом передвигавшемуся Александру носилки, но тот потребовал коня. Восхищению воинов не было предела, казалось, они, наконец-то признали в Александре бога. По Арриану, «солдаты подходили к нему со всех сторон; касались его рук, обнимали колени, трогали самую одежду; некоторые только смотрели, стоя неподалеку, и уходили, благословляя его. Его осыпали лентами и цветами, которые есть в это время в Индии».

Если бы македоняне знали, каким путем их поведет Александр, сколько их останется лежать на дороге к дому, то не стали бы столь бурно радоваться, а, пожалуй, вошли бы в палатку и добили своего царя.

Поединок

Многие корили его и осуждали за глупость, говоря, что худо иметь большое тело и малый ум.

Диодор. Историческая библиотека

Жестокое предупреждение богов не достигло цели; Александр не изменил прежний образ жизни, то есть продолжал воевать, убивать и… пьянствовать. Вином царь заливал горечь неудач, вином отмечал победы, без вина не обходился его обед, — он уже не мог жить без этого напитка.

Диодор говорит, что «Александр, выздоровев от ран, принес богам благодарственные жертвы и стал устраивать роскошные пиршества друзьям. За одной попойкой случилось событие своеобразное и заслуживающее упоминания». Воины Александра по пьянке предвосхитили и любимое развлечение римлян и непременный атрибут средневековых рыцарей.

В числе приближенных Александра было два богатыря, прославившихся своими подвигами: македонянин Горрат и грек Диоксипп. Выпитое вино способствовало самым низменным проявлениям гордыни и создавало иллюзию небывалой силы у поднимающих чаши с обманчивым зельем. Македонянин начал глумиться над товарищем-афинянином, говоря, «что за войском следует бесполезное животное в военном плаще: когда они вступают в бой, оно умащается и готовит свое брюхо для пира».

Так как Диоксиппа мало трогали эти оскорбления, разгоряченный и осмелевший македонянин потребовал, чтобы он сразился с ним на мечах. Диоксипп со спокойной усмешкой принял вызов. Александру показалось забавным будущее развлечение, и он назначил поединок на следующий день.

Все же поединок походил на бой гладиаторов, а именно — полуобнаженного ретиария и вооруженного до зубов секутора. Необычное зрелище описывает Курций Руф.

> Собралось множество воинов, среди которых были и греки, сочувствовавшие Диоксиппу. Македонец надел полное вооружение: в левую руку он взял медный щит и копье, называемое «сарисса», в правую дротик и опоясался мечом, точно собирался сражаться с несколькими сразу. Диоксипп блестел от масла и был

украшен венком, в левой руке держал багряный плащ, в правой — большую узловатую дубину. Это обстоятельство вызвало у всех захватывающий интерес, так как выступать голому против вооруженного казалось даже не безрассудством, а полным безумием.

Итак, македонец, уверенный, что можно быть убитым и издали, метнул в противника дротиком. Диоксипп легким движением увернулся от него, но пока враг перекладывал копье из левой руки в правую, он подскочил и ударом дубины переломил копье пополам. Потеряв оба метательных оружия, македонец стал отстегивать меч. Пока он был занят этим, Диоксипп подбил ему ноги и, свалив на землю, вырвал у него меч, поставил ногу на шею лежащего, замахнулся дубиной и размозжил бы ему голову, если бы не был остановлен царем.

Александр был опечален результатом короткого боя, как будто только что проиграл решающее сражение. Македоняне также находились в большом унынии, и лишь греки чествовали победителя, как могли: земляки украсили его лентами, словно он прославил всех эллинов.

Судьба однако не позволила Диоксиппу долго наслаждаться победой. Он сразу же попал в немилость к Александру, а придворные льстецы, желая угодить царю, нашли способ окончательно избавиться от ненавистного героя. Они уговорили слугу афинянина подбросить ему под подушку золотой кубок, якобы пропавший у Александра.

Послушаем окончание этой истории из уст Диодора Сицилийского:

На очередной пирушке его обвинили в воровстве, ссылаясь на то, что у него нашли кубок, — Диоксипп был опозорен и обесславлен. Видя, что македонцы устремляются на него, он ушел с пирушки. Вскоре после этого, прибыв уже к себе домой, он написал Александру о подстроенной ему ловушке, поручил близким передать это письмо царю, а сам покончил с собой.

Безрассудно согласился он на поединок и еще бессмысленнее оборвал свою жизнь. Поэтому многие корили его и осуждали за глупость, говоря, что худо иметь большое тело и малый ум. Царь, прочтя письмо, опечалился смертью Диоксиппа и часто вспоминал о его доблести. Пренебрегая живым и тоскуя об умершем, который уже ничем не мог послужить ему, он раскрыл

низость клеветников и понял высокие качества этого человека.

Это в духе Александра: отправить человека, выделившегося какими-либо замечательными качествами, на смерть и затем лить крокодильи слезы. Точно так же он переживал за им же погубленных Клита, Филоту, Пармениона…

Глава 5. На закате

Путь по Индии продолжался еще пять месяцев. И снова Александр ввязывается в любой бой, находя для этого малейший повод, и снова он впереди сражающихся. Так, он напал на индийское племя оритов потому, что оно «не оказало никаких дружеских услуг ни ему, ни его войску». Очень потрясла и удивила македонян битва за пограничный город брахманов. Они легко обратили в бегство войско индов, частью перебили, частью загнали в городские стены. При этом немало воинов Александра было ранено, и самое удивительное было то, что умирали в страшных муках даже те, кому случайная стрела нанесла небольшую царапину.

Македоняне не сразу поняли, что имеют дело с новым страшным оружием. Его действие описывает Диодор Сицилийский.

> Оказалось, что варвары смазывали свое оружие смертельным ядом. Полагаясь на его силу, они и вышли, чтобы решить боем свою судьбу. Яд этот получали из каких-то змей: их ловили и, убив, клали на солнце. От зноя змеиные трупы становились мягкими, из них вытекала жидкость — в этой влаге и заключался змеиный яд.
>
> Раненый сразу впадал в оцепенение, вскоре начинались жестокие боли, судороги и дрожь сотрясали все тело. Кожа становилась холодной и синей; больного рвало желчью; из раны текла черная пена и начиналась гангрена, быстро распространявшаяся по главным частям тела; смерть была ужасной. Одинаковая судьба ожидала и тех, кто получил большие раны, и тех, кого случайно и слегка оцарапало. Такой смертью погибали раненые, но царь не так уж печалился над их судьбой; особенно огорчала его рана Птолемея, будущего царя (Египта), а тогда царского любимца.

Ужасы бедствий

Александр пошел этой дорогой, хорошо зная, как она трудна, только потому, что услышал, будто из тех, кто до него проходил здесь с войском, никто не уцелел, кроме Семирамиды, когда она бежала от индов.

Квинт Эппий Флавий Арриан. Поход Александра

Чтобы спасти Птолемея, одного из последних своих друзей, Александр занялся лихорадочными поисками противоядия. Его все-таки нашли, и Птолемей остался жить. Но множество македонян не дождалось лекарства.

Страшная смерть македонян от неизвестного яда была лишь слабой местью за то, что Александр сделал в этой области Индии накануне. Во владениях царя Самба он перебил до 80 тысяч индов; много пленных было продано в рабство. Вождя индов, осмелившегося оказать македонянам сопротивление, Александр приказал распять на кресте.

Впрочем, не инды нанесли наибольший урон войску македонян, а легкомыслие или безумие Александра. Он сознательно выбрал самую трудную дорогу, лишенную всего необходимого: воды и каких-либо припасов. Для чего он это сделал? Ответ есть у Арриана:

> Александр пошел этой дорогой, хорошо зная, как она трудна, только потому, что услышал, будто из тех, кто до него проходил здесь с войском, никто не уцелел, кроме Семирамиды, когда она бежала от индов. И у нее, по рассказам местных жителей, уцелело только 20 человек из всего войска, а у Кира, сына Камбиза, только 7, не считая его самого. Эти рассказы и внушили Александру желание состязаться с Семирамидой и Киром.

От войска Александра осталось больше людей, чем от войска Кира, но какие мучения вынуждены были претерпеть македоняне из-за больного (не болезненного) честолюбия царя. Когда знакомишься с описанием перехода через пустыню, возникает непреодолимое чувство жалости к македонянам, хотя накануне

они были палачами целых народов. Обида за них возникает потому, что сложили они головы не в честном бою, а исключительно из-за каприза царя. Курций Руф пишет:

> Израсходовав свои запасы, македонцы начали терпеть нужду, а потом и голод и стали питаться корнями пальм, так как произрастают здесь только эти деревья. А когда и этой пищи стало не хватать, они закалывали вьючных животных, не жалели и лошадей, и когда не стало скота, чтобы возить поклажу, они предавали огню взятую у врага добычу, ради которой и дошли до крайних восточных стран.
>
> За голодом последовали болезни: непривычный вкус нездоровой пищи, трудности пути и подавленное состояние духа содействовали их распространению, и нельзя было без урона в людях ни оставаться на месте, ни продвигаться вперед: в лагере их угнетал голод, в пути — еще больше болезни. Однако на дороге оставалось не так много трупов, как полуживых людей. Идти за всеми не могли даже легкобольные, так как движение отряда все ускорялось: людям казалось, что чем скорее они будут продвигаться вперед, тем ближе будут к своему спасению. Поэтому отстающие просили о помощи знакомых и незнакомых.
>
> Но не было вьючного скота, чтобы их везти, а солдаты сами едва тащили свое оружие, и у них перед глазами стояли ужасы грозящих бедствий. Поэтому они даже не оглядывались на частые оклики своих людей: сострадание заглушалось чувством страха. Брошенные же призывали в свидетели богов и общие для них святыни и просили царя о помощи, но напрасно: уши всех оставались глухи. Тогда, ожесточаясь от отчаяния, они призывали на других судьбу, подобную своей, желали и им таких же жестоких товарищей и друзей.

Согласно Диодору Сицилийскому, перед пустыней Александр завел войско к народу «негостеприимному и звероподобному». Здешние индийцы питались мясом китов, которых выбрасывало море, и жили в хижинах, построенных из китовых ребер. Естественно, македоняне не только не нашли добычи, но и столкнулись с трудностями, которые будут увеличиваться с каждым днем пути.

> Александр с трудом прошел через эту область, так как еды здесь не хватало, и вступил в пустыню, где

вообще не было ничего, чем поддерживается жизнь. Многие погибли от голода; войско пало духом; Александр был во власти печали и заботы: страшное зрелище представляла собой смерть этих людей, которые превзошли всех своей воинской доблестью и теперь бесславно погибали в пустыне от голода и жажды.

Даже Арриан, который всегда с симпатией относится к Александру, на сей раз им недоволен. Древний автор сочувствует страдающим по его вине македонянам:

> Жгучий зной и отсутствие воды погубили много людей и еще больше животных, которые падали, увязая в раскаленном песке; много умирало и от жажды. По дороге встречались целые холмы сыпучего песка, который нельзя было утоптать: в него проваливались, как в густую грязь или, вернее, как в рыхлый снег…
>
> В гибели большого числа животных часто виноваты были сами солдаты. Когда у них не хватало хлеба, они, сойдясь вместе, резали лошадей и мулов, питались их мясом и говорили, что животные пали от жажды или от усталости…
>
> А между тем трудно становилось везти больных и от усталости отставших: не хватало животных, а повозки солдаты сами изрубили в куски, потому что их невозможно было тащить по глубокому песку, и люди уже с первых дней были вынуждены идти не по самой короткой дороге, а выбирать наиболее легкую для животных. Но и тут были отстающие: больные, измученные или усталостью, или зноем, или жаждой, и не было никого, кто повел бы их дальше, никого, кто остался бы ухаживать за ними. Поход совершался с великой быстротой; в заботе о главной цели отдельными людьми по необходимости пренебрегали. Некоторых сон одолевал на дороге (переходы совершались главным образом ночью): проснувшись, они, если были в силах, шли по следам войска. Кое-кто и уцелел, но большинство погибло в песках, утонув в них, словно в море.

Александр наконец-то понял, что затеял слишком неудачный эксперимент, который принесет ему больше позора, чем славы.

Он мучился горем и стыдом, поскольку был причиной стольких страданий. Царь отправил скороходов в Парфию и ближайшие сатрапии. Наместникам было приказано как можно быстрее привести «к границам Кармании караван быстроногих

верблюдов, приученных ходить под вьюками, с грузом хлеба и других припасов».

Казалось, боги издевались над Александром: долгое время они мучили воинов недостатком воды и вдруг дали ее в избытке. Произошло это на выходе из пустыни, дорога по которой была отмечена разбросанными разлагающимися телами македонских воинов.

О новой напасти рассказывает Арриан.

Однажды войско расположились на ночлег у мелководного горного ручья: вода и заставила их здесь остановиться. Ручей этот спускался с гор, над которыми пошел проливной дождь.

> Около второй ночной стражи ручей переполнился водой от ливней — а солдаты и не подозревали, что ливни идут, — и настолько вышел из берегов, что погибло много женщин и детей, сопровождавших войско, пропало все царское снаряжение и утонули еще уцелевшие мулы. Много людей погибало и от того, что, измученные зноем и жаждой, они, встретив много воды, пили без меры.

Общее число потерь македонян во время Индийского похода называет Плутарх. Причем большинство воинов погибло отнюдь не в жарких битвах:

> Сам Александр, двинувшись сушею через страну оритов, оказался в чрезвычайно тяжелом положении и потерял множество людей, так что ему не удалось привести из Индии даже четверти своего войска, а в начале похода у него было сто двадцать тысяч пехотинцев и пятнадцать тысяч всадников. Тяжелые болезни, скверная пища, нестерпимый зной и в особенности голод погубили многих в этой бесплодной стране, населенной нищими людьми, все имущество которых состояло из жалких овец, да и те были в ничтожном числе.

Едва ли можно разделить восторги Питера Грина, которые он выражает в начале своей книги об Александре: «Александр, бесспорно, был гением…» Уж если и награждать македонского царя этим существительным, то непременно следует добавить к нему «злым» — причем, злым гением и по отношению к индийцам, и персам, и к согдийцам, и к македонянам…

Александр, выбравшись из пустыни, предался привычным занятиям: он, по сообщению Диодора, «дал войску отдохнуть в

течение семи дней и потом в торжественном шествии с войском в парадной одежде прошел, справляя праздник Дионису и упиваясь до опьянения во время пути».

Плутарх пишет:

> Восьмерка коней медленно везла Александра, который беспрерывно, днем и ночью, пировал с ближайшими друзьями, восседая на своего рода сцене, утвержденной на высоком, отовсюду видном помосте. Затем следовало множество колесниц, защищенных от солнечных лучей пурпурными и пестрыми коврами или же зелеными, постоянно свежими ветвями, на этих колесницах сидели остальные друзья и полководцы, украшенные венками и весело пирующие. Нигде не было видно ни щитов, ни шлемов, ни копий; на всем пути воины чашами, кружками и кубками черпали вино из пифосов и кратеров и пили за здоровье друг друга, одни при этом продолжали идти вперед, а другие падали наземь. Повсюду раздавались звуки свирелей и флейт, звенели песни, слышались вакхические восклицания женщин. В течение всего этого беспорядочного перехода царило такое необузданное веселье, как будто сам Вакх присутствовал тут же и участвовал в этом радостном шествии.

А вот что рассказывает Курций Руф.

> Семь дней подряд двигалось войско, предаваясь таким образом вакханалиям, — готовая добыча, если бы только у побежденных нашлось мужество выступить против пиршествующих. Клянусь богами, достаточно было бы тысячи трезвых мужей, чтобы захватить празднующих триумф воинов, семь дней упивавшихся и отягощенных обжорством. Но судьба, определяющая форму и цену всех вещей, и на этот раз обратила позор в славу. И современники, и потомство удивлялись тому, что хмельные солдаты прошли так по землям, еще недостаточно покоренным, а варвары принимали явное безрассудство за самоуверенность.

Живые радовались и предавались веселью, позабыв о тысячах мертвых, брошенных без погребения в песках. Поразительно, насколько при Александре девальвировалась цена жизни человека! Насколько деформировалось понятие о человеческих ценностях! Никто и не вспомнил, что во все времена величайшим

позором считалось оставить без погребения солдата.

Силой страха

Александр начал проявлять склонность к казням и доверчивость к наихудшим наветам. Так изменяют характер человека постоянные удачи, и редко кто проявляет осторожность при собственном счастье.

Руф Квинт Курций. История Александра Македонского

Царь сделал все, чтобы превратить свое возвращение из Индии в триумф. Тем не менее индийская авантюра потерпела сокрушительное фиаско: идея покорения мира провалилась, большая часть армии погибла в пустыне. Главным виновником был, конечно же, Александр, но бог не может быть виновником неудач смертных, он может только наказывать их, сын бога не может наказать самого себя — он непогрешим.

Кто же заплатит за неудачи Александра? Кто своей смертью успокоит хотя бы на время его мятежную душу? Кто своей кровью зальет в его груди пылающий огонь несбывшихся надежд? Как мы помним, после того как македоняне отказались следовать за царем на край земли, он выместил свою злобу на индийцах. В Персии с этим обстояло дело хуже; здесь врагов не осталось. И тогда Александр вымещал злобу за провал великих планов, за неудачный поход в Индию, за бессмысленную гибель стольких македонян в пустыне… на самих македонянах.

Как только Александр появился в Персии, «многие покоренные племена принесли ему жалобы на его наместников». Отчасти они были справедливы: сатрапы не надеялись, что Александр вернется живым из последнего похода, и потому вели себя как цари в странах, принадлежавших им по праву войны. Александру были весьма кстати подобные жалобы. И царь безжалостно казнил своих сатрапов «на глазах у послов, не принимая во внимание того, что среди них были его друзья».

Один за другим умирали провинившиеся в чем-либо полководцы.

Плутарх рассказывает:

Оксиарта, одного из сыновей Абдулита, он убил сам, пронзив его копьем. Абдулит не приготовил съестных

припасов, а поднес царю три тысячи талантов в чеканной монете, и Александр велел ему бросить эти деньги коням. Кони, разумеется, не притронулись к такому «корму», и царь воскликнул:

— Что нам за польза в твоих припасах? — и приказал бросить Абдулита в тюрьму.

Впрочем, казнь некоторых македонских военачальников с одобрением была воспринята самими македонянами.

В числе встречавших Александра были Клеандр, Ситалк, Геракон и Агафон, которые по приказанию царя убили доблестного Пармениона. О следующей чистке Александра рассказывает Курций Руф.

Но за ними следовали и обвинители из провинции, во главе которой они стояли; всех совершенных ими преступлений они не могли искупить услугой в убийстве, столь угодном царю. В самом деле, разграбив все частное имущество, они не воздержались и от грабежа храмов, и девушки и знатные женщины терпели от них насилие и оплакивали оскверненную свою честь. Их алчность и разврат сделали имя македонцев ненавистным для варваров. Но среди всех выдавался своим буйством Клеандр: лишив невинности знатную девушку, он отдал ее в наложницы своему рабу. Много друзей Александра придавали значение не столько величине преступлений, в которых открыто их обвиняли, сколько памяти об убитом ими Парменионе; кроме того, они радовались, что гнев царя обратился на пособников и что не бывает продолжительной власть, добытая преступлением. Царь, рассмотрев обвинения, объявил, что обвинителями забыто одно, и притом самое большое преступление — неверие в его благополучие: они никогда не осмелились бы совершить того, что сделали, если бы желали его успешного возвращения из Индии или верили, что он вернется.

Убийц Пармениона не пожалел никто, но впечатляет число их «сообщников», отправленных на казнь! Александр приказал перебить целое собственное войско! «Итак, их самих он заковал, а 600 солдат, помогавших в их преступлениях, велел казнить».

Война закончилась, но македоняне терпели удар за ударом; собственный царь стал их палачом.

Истинную причину убийства тех, кто помог избавиться Александру от Пармениона, называет Арриан: «Он казнил их,

чтобы внушить страх тем, кто оставался сатрапами, князьями и монархами: пусть знают, что если они будут совершать беззакония, то их ждет такое же наказание». Однако Арриана следует поправить: «если они будут совершать» то, что не понравится Александру.

Александр Македонский (Мрамор. Лувр)

Мечтой молодого Александра было: «Повелевать, не внушая страха». И он долгое время добивался своих целей уговорами, обещаниями, наградами. Мы помним, что вышло из его затеи покупать согласие македонян на дальнейшую войну: персидским золотом оказались переполнены и походные ранцы, и обоз воинов до такой степени, что армия не могла двигаться дальше — и тем не менее македоняне не хотели следовать за царем. Лишь после серии убийств Александр нашел самое действенное средство, которое безоговорочно заставляло повиноваться властителю. Это — страх.

Александр стремился к абсолютной власти, а она способна держаться только на страхе, насилии и произволе. И царь принял условия игры в неограниченного властителя — тирана, которому дозволено все. Вначале он убивал несмело и нечасто; убивал по необходимости — тех, кто мог составить ему конкуренцию либо в силу свободолюбия не желал преклонить колени. Эффект, произведенный очередной расправой, понравился царю, и он вошел во вкус. И начались убийства для профилактики, жестокие,

ничем не оправданные, бесчисленные… Александр пришел к тому, к чему приходит любой тиран, не представляющий смысла своего существования без абсолютной власти.

Печальна судьба Орсина — сатрапа одной из центральных областей Персии. По словам Курция Руфа, Орсин — «выдающийся среди всех варваров знатностью и богатством. Он вел свой род от древнего персидского царя Кира; богатство его было унаследовано им от предков, а затем приумножено во время обладания властью.

Он вышел навстречу царю со всякого рода дарами, чтобы раздать их не только самому царю, но и его друзьям. За ним следовали табуны объезженных лошадей, колесницы, украшенные золотом и серебром, несли дорогую посуду, драгоценные камни, тяжелые золотые сосуды, пурпурные одежды и 4 тысячи талантов чеканного серебра. Однако такое радушие варвара послужило причиной его смерти. Дело в том, что, одарив всех друзей царя превыше их собственных желаний, он не оказал никакой почести евнуху Багою, который своей развратностью привязал к себе Александра».

Обвинение в однополой любви довольно широко практикуется у древних авторов; его не избежал выдающийся карфагенский военачальник Гамилькар, Юлия Цезаря Плутарх уложил в постель царя Вифинии… Едва ли Александр был настолько близок с евнухом, как утверждает Курций. Слишком подробно древние авторы описывают жизнь Александра, чтобы подобный грех проявился лишь в конце жизни, слишком увлечен был Александр идеей стать богом и господином мира, чтобы тратить чувства на себе подобных.

Однако упомянутый евнух Багой в то время считался фаворитом Александра, и Орсин своим пренебрежительным отношением к нему нажил смертельного и могущественного врага. Впрочем, евнух имел на Александра не слишком большое влияние, какое мог иметь любовник. Он расправился с обидчиком не путем прямой просьбы, а с помощью ложных доносов и лжесвидетелей.

Персидского вельможу обвинили в том, что он грабил храмы и гробницы, в том числе разорил усыпальницу царя Кира. Убедить же Александра, что Орсин враг, труда не составило, так как любой тиран считает, что его окружают скрытые враги, и надо только успеть убрать их первым.

> Прежде чем у Орсина возникло подозрение, что его в чем-то обвиняют, он был взят в оковы. Не довольствуясь казнью невинного, евнух убил его собственной рукой.

При этом Орсин воскликнул:

— Слыхал я, что когда-то Азией управляли женщины, но что ею управляет кастрат — это неслыханное дело.

Таков был конец одного из знатнейших персов, не только невинного, но в высшей степени преданного царю Александру. В то же время был казнен и Фрадат по подозрению в притязаниях на царскую власть. Александр начал проявлять склонность к казням и доверчивость к наихудшим наветам. Так изменяют характер человека постоянные удачи, и редко кто проявляет осторожность при собственном счастье.

Затем Александр, как всегда радикально, разобрался со своим македонским войском. Он, «отпустив на родину наиболее старых солдат, велел отобрать 13 тысяч пехоты и 2 тысячи конницы, чтобы оставить их в Азии». Но и те немногие, которым предстояло остаться с Александром, взбунтовались. Они предполагали, что царь возвратится в Македонию, а он и не собирался этого делать. Уход ветеранов еще больше разозлил македонян: ведь они, независимо от возраста, участвовали во всех походах Александра и долгие годы не видели родного дома и семьи. Были и другие причины для возмущения.

Арриан рассказывает:

Во всем войске вообще было много недовольных: македонцев раздражала и персидская одежда царя, и наряд варваров-эпигонов, придавший им обличье македонцев, и зачисление иноплеменных всадников в отряды «друзей». Солдаты не выдержали и закричали — пусть он уволит всех и воюет вместе со своим отцом: это был насмешливый намек на Амона. Александр, услышав это (стал он в то время уже раздражительнее и, привыкнув к варварской угодливости, относился к македонцам не с прежним благодушием), соскочил с трибуны вместе с другими военачальниками, приказал схватить явных смутьянов и подстрекателей, своей рукой указав, кого надо взять.

Царь к этому времени прекрасно знал, как нужно управлять мятежной толпой: 13 македонцев он приказал казнить. Желаемый результат не заставил себя ждать. Курций Руф удивляется:

Кто бы мог поверить, что такое бурное собрание сразу успокоилось под действием внезапного страха,

> когда увидели, как повели на казнь людей, виновных не более, чем все остальные. Так сильно подействовало на них либо само имя царя, которому у всех народов, пребывающих под царской властью, воздается почет наравне с богами, либо внушаемое лично им уважение, либо доверие к человеку, осуществляющему свою власть с такой силой. Они, конечно, показали необычный пример покорности и нисколько даже не были раздражены казнью своих соратников, когда стало известно, что их убили с наступлением ночи; наоборот, каждый в отдельности старался не упустить случая проявить в чем-нибудь свою покорность и послушание. В самом деле, когда на следующий день царь их не принял и допустил к себе только солдат-азиатов, они подняли жалобные стоны на весь лагерь и кричали, что они сейчас же умрут, если царь будет продолжать гневаться.

Царь понимал, что покорность македонян временная, ибо он выбрал столицу своего государства, и находилась она отнюдь не в Македонии. Этот выбор помог ему сделать индийский философ — единственное ценное приобретение, привезенное Александром из похода в Индию. Послушаем Плутарха.

> Рассказывают, что Калан воочию показал Александру, что представляет собой его царство. Бросив на землю высохшую и затвердевшую шкуру, Калан наступил на ее край, и вся она поднялась вверх. Обходя вокруг шкуры, Калан наступал на нее с краю в разных местах, и всякий раз повторялось то же самое. Когда же он встал на середину и крепко прижал ее к земле, вся шкура осталась неподвижной. Этим Калан хотел сказать, что Александр должен утвердиться в середине своего царства и не слишком от нее удаляться.

Александр не мог полагаться на македонян; но и среди персов он был чужим. И царь решился на невероятный по масштабам и замыслам эксперимент: целью его было создание нового народа, он захотел объединить побежденных и победителей. С этих позиций и следует рассматривать самую грандиозную в мировой истории свадьбу, состоявшуюся в Сузах.

Александр взял в жены старшую дочь Дария — Статиру, а, согласно Арриану, еще и младшую из дочерей Оха — Парисатиду. Иметь несколько жен вполне соответствовало как традиции македонских царей, так и персидских. Удивительнее другое: вместе с царем семейными узами связали себя 80

влиятельнейших македонян. Больше всего повезло царскому любимцу Гефестиону — ему досталась одна из дочерей Дария. Остальные друзья получили дочерей и родственниц персидских вельмож.

«Браки совершены были по персидскому обычаю», — Александр после неудачи с коленопреклоненным приветствием царя использовал любую возможность, чтобы сломить македонскую гордыню.

Арриан рассказывает:

> Для женихов поставлены были в один ряд кресла; вкусив напитка, невесты подошли и сели, каждая возле своего нареченного; те обняли и поцеловали их. Царь подал пример; браки всех совершены были одновременно. Мужья, каждый со своей женой, ушли к себе. Приданное всем дал Александр. Были и другие македонцы, женившиеся на азийских женщинах; Александр велел составить их поименные списки (оказалось их больше 10 000), и все они получили от него свадебные подарки.

Интересно мнение Ф. Шахермайра об этом конвейерном способе создания новых семей:

> Легко понять стремление Александра связать свой род с династией Ахеменидов: такие поступки характерны для многих завоевателей, находившихся в подобном положении. Не нуждается в оправдании и покровительство брачным союзам между представителями македонской и иранской аристократии. Однако нас не может не ужасать холодная рассудочность царя, принуждение, вторгшееся в самую интимную сферу человеческой жизни, пренебрежение к личным чувствам и, наконец, то, что Александр задумал для осуществления своей воли некую всеобщую церемонию. Все это напоминало действия селекционера, скрещивающего жеребца и кобыл разных кровей, во всем был холодный расчет, не принимавший во внимание движения человеческих сердец; здесь не было и намека на свободный выбор. Конечно, во все времена бывали случаи, когда политические соображения играли решающую роль при заключении браков. Но это были отдельные случаи, единичные судьбы, приносимые в жертву идее государственности. Здесь же приближенные Александра, повинуясь высшим государственным

интересам, превратились в стадо, которое гонят на случку.

Александр возлагал большие надежды на потомство от смешанных браков. Казалось, царь собирался жить вечно; по крайней мере, надеялся дождаться, когда македоноперсы вырастут и пополнят ряды его войска. «Он в точности установил число сыновей, родившихся от македонцев и пленных женщин, назначил каждому сумму, нужную для получения хорошего воспитания, приставил к ним воспитателей, которые дали бы им подходящее воспитание» (Диодор). Фактически царь стал отцом для мальчиков, родившихся после гигантской свадьбы, ибо македоняне тотчас после первой брачной ночи отправились на родину, к прежним женам.

Александр занял трон персидских царей и в своей деятельности все больше опирался на персидскую и мидийскую знать; с персами, а не македонянами он планировал завершить завоевание мира. Он холил и лелеял подраставшее войско, которое состояло исключительно из представителей азиатских народов.

«Тридцать тысяч мальчиков, которых Александр велел обучать и закалять, оказались не только сильными и красивыми, но также замечательно ловкими и умелыми в военных упражнениях. Александр очень этому радовался, а македоняне огорчались, опасаясь, что царь будет теперь меньше дорожить ими. Поэтому, когда Александр собирался отослать к морю больных и изувеченных воинов, македоняне сочли это обидой и оскорблением, они говорили, что царь выжал из этих людей все, что они могли дать, а теперь, с позором выбрасывая их, возвращает их отечеству и родителям уже совсем не такими, какими взял. Пусть же царь признает бесполезными всех македонян и отпустит их всех, раз у него есть эти молокососы-плясуны, с которыми он намерен покорить мир.

Эти речи возмутили Александра. Гневно разбранив македонян, он прогнал их прочь и поручил охранять себя персам, выбрав из их числа телохранителей и жезлоносцев» (Плутарх). Царь настолько не доверял македонянам, что отобрал себе в телохранители тысячу молодых персов. Даже в элитном подразделении — коннице — македонян заменили, как отмечает Арриан, «конные бактрийцы, согды, арахоты, заранги, арии, парфяне, а из персов так называемые эваки были зачислены по лохам (отрядам) в конницу “друзей” (выбирали тех, кто выдавался знатностью, красотой или другими достоинствами)».

И еще один род войск Александр существенно пополнил

персами. Диодор Сицилийский сообщает:

> В это время прибыл Певкест с 20 тысячами персидских лучников и пращников; царь влил их в старые полки и таким путем преобразовывал всю армию, создав войско смешанное и способное служить его намерениям.

Если раньше македоняне считали себя незаменимыми и потому могли выражать царю свое недовольство и за продолжение войны требовать с него подарков и денег, то теперь с ужасом увидели, что Александр с успехом их заменяет. Они в очередной раз попробовали возмутиться, а что из этого вышло, повествует Юстин:

> Македоняне негодовали на это, говоря, что царь врагам передал ту службу, которая до сих пор принадлежала им. Все они со слезами обступили царя и просили его утолить свой гнев против них наказаниями, а не оскорблениями. Этим изъявлением покорности они добились того, что Александр уволил со службы еще одиннадцать тысяч ветеранов.

Казалось, Александр стремился искоренить из войска все македонское, кроме оружия. Внешне выглядит, что царь стремится примирить персов и македонян. Но каким путем? В обращении к восточной части своей армии Александр произнес:

— Я заставил забыть о вашем иноземном происхождении; вы мои граждане и воины. Все сравнялось. Как персам не следует порочить нравы македонцев, так и македонцам не должно быть стыдно перенимать нравы персов…

То есть царь желал, чтобы персы лишь уважали обычаи македонян, а вот македонянам нравы персов не только не следует порочить, но желательно их перенимать.

Александру судьба отпустила немного времени, и нам остается лишь догадываться, к чему мог привести его план устройства мира. А пока…

Нововведения Александра привели к тому, что царю пришлось воевать со своими бывшими воинами. Дело в том, что каждый назначенный царем сатрап имел небольшое войско, состоявшее в основном из греческих наемников. Если Александр перестал нуждаться в македонянах, то капризные греки не нужны ему и подавно — он приказал сатрапам распустить войска. В результате многие профессиональные воины остались без работы, и эта ситуация не добавила спокойствия в государство

Александра.

Диодор рассказывает:

> Много чужестранцев, уйдя с военной службы, разбрелись по всей Азии и стали добывать себе пропитание грабежом. Наконец они стеклись со всех сторон к Тенару. Точно так же уцелевшие персидские сатрапы и другие начальники, собрав деньги и воинов, приплыли к Тенару и объединили свои силы. И в довершение всего полномочным стратегом выбрали Леосфена, афинянина, человека блистательных душевных качеств и непримиримого врага Александра.

Последние друзья

Царь Александр, каждому человеку принадлежит столько земли, сколько у нас сейчас под ногами. Ты такой же человек, как все остальные, только суетливый и гордый; уйдя из дому, ты прошел столько земель, сам не зная покоя и не давая его другим. Вскоре ты умрешь, и тебе достанется столько земли, сколько хватит для твоего погребения.

Квинт Эппий Флавий Арриан. Поход Александра

Национальная политика Александра привела к тому, что царь остался в полном одиночестве. Он не успел приобрести новых друзей, но потерял старых. Македоняне перестали понимать своего царя. Разгневанный царь отправил на родину 11 тысяч македонян, а вместе с ними ушли и те, кто был более всего ему близок. «Из друзей Александра получили увольнение старики: Полиперхонт, Клит, Горгий, Полидам, Аммад, Антиген» (Юстин). Возглавил покидающих царя воинов Кратер — человек, которого, как пишет Арриан, Александр «считал самым верным и которым дорожил пуще глаза».

Некоторые приближенные царя сами бежали подальше от его непредсказуемости. В источниках имеется история Гарпала: он занимал должность хранителя сокровищ и поступлений в Вавилоне (если перевести на современный язык, то Гарпал являлся министром финансов империи Александра). Естественно, такую должность мог получить лишь тот, кому Александр всецело доверял. Однако порученные заботе Гарпала огромные деньги стали непреодолимым соблазном для него. Если верить Диодору, финансист Александра тратил казенное золото не по назначению.

«Он окружил себя роскошью; поставленный сатрапом большой страны, он стал творить насилия над женщинами, вступать в любовные связи с варварами. Много денег из сокровищницы ушло на его безудержные прихоти: издалека, от Красного моря, везли ему множество рыбы; о его расточительной жизни ходили злые толки. Он выписал к себе из Афин тамошнюю знаменитейшую гетеру Пифонику, при жизни осыпал ее царскими

дарами, по смерти устроил ей роскошные похороны и соорудил в Аттике дорогой памятник. После этого он выписал из Афин другую гетеру (ее звали Гликера) и зажил жизнью слишком роскошной и расточительной».

Когда, по возвращении из Индии, Александр принялся казнить сатрапов даже за ничтожные провинности, Гарпал бежал в Грецию, прихватив с собой 5 тысяч талантов серебра и 6 тысяч наемников.

Если в юности учителем Александра был знаменитый Аристотель, то теперь мудрецы платили жизнями за общение с царем. Весьма печальна судьба Каллисфена; индийских философов он вообще имел привычку вешать. Последние никак не хотели оценить и принять планы царя. Арриан рассказывает следующую историю.

Однажды царь застал нескольких индийских мудрецов под открытым небом, на лугу, где они обычно и проводили время. При виде царя и его войска они только и стали делать, что топать ногами по тому месту, где стояли. Когда Александр через переводчиков спросил, что это значит, они ответили так:

— Царь Александр, каждому человеку принадлежит столько земли, сколько у нас сейчас под ногами. Ты такой же человек, как все остальные, только суетливый и гордый; уйдя из дому, ты прошел столько земель, сам не зная покоя и не давая его другим. Вскоре ты умрешь, и тебе достанется столько земли, сколько хватит для твоего погребения.

Индийские мудрецы произвели на Александра большое впечатление; они были чем-то сродни давнему знакомому — Диогену. Так же, как грек, философы отвергали все, к чему стремились обычные люди, и даже превзошли Диогена, так как встретили Александра голыми. Александру непременно захотелось иметь спутником одного из философов, но великий завоеватель ничем не мог ни соблазнить, ни запугать нищих мудрецов. Старший из них сказал, что «он не желает ничего, что властен дать ему Александр, и не боится, что он может что-нибудь у него отнять. При жизни ему достаточно индийской земли, которая вовремя приносит плоды, по смерти он избавится от тягостного сожителя — от своего тела».

Все же Александру удалось уговорить одного философа покинуть привычный мир. Мудреца по имени Калан презирали местные собратья, называя его «человеком без всякого самообладания». Они бранили Калана за то, что тот оставил счастливую жизнь и стал служить иному владыке, кроме бога.

Александр был доволен новым приобретением; философ давал ему множество полезных советов; это по его рекомендации

столицей македонских владений стал Вавилон. Но, увы! Перемена места и хозяина не пошла на пользу философу. Никогда ранее не болевший, он внезапно «ослаб телом», и испытания болезни становились день ото дня труднее. Философ твердо решил уйти в иной мир, и уговоры Александра никак не повлияли на его выбор. Пришлось Александру исполнить просьбу старца, то есть сложить для него огромный костер.

Плутарх пишет:

> Подъехав к костру на коне, он (Калан) помолился, окропил себя, словно жертвенное животное, и срезал со своей головы клок волос в приношение богам. Затем, взойдя на костер, он попрощался с присутствовавшими македонянами, попросил их и царя провести этот день в веселой попойке и сказал, что царя он вскоре увидит в Вавилоне. Произнеся эти слова, он лег и укрылся с головой. Огонь подбирался все ближе, но он не двинулся с места, не шевельнул ни рукой, ни ногой. Так он принес себя в жертву богам по древнему обычаю мудрецов своей страны.

А Диодор добавляет:

> Присутствовавшие при этом сочли его одни сумасшедшим, другие — хвастуном, желавшим прославиться своей выдержкой; некоторые восхищались его мужеством и презрением к смерти.

Еще один вариант, кажется, Диодор оставил без внимания. Любой философ мечтает создать положительного во всех отношениях правителя. Раньше об идеальном царе мечтал воспитатель Александра Аристотель, затем на благородные поступки царя взялся подвигнуть его племянник Каллисфен. Когда затея провалилась и Каллисфен понял свое бессилие, он избавил македонян от рабского поклонения царю и тем добровольно подписал себе смертный приговор. Позже выдающийся римский философ Сенека безропотно примет смерть от своего воспитанника — императора Нерона.

Видимо и Калан, когда оставил беззаботную жизнь в Индии и отправился в путь с Александром, мечтал о том, чтобы сделать Александра лучше и добрее. Ничего не получилось; и суровый аскет Калан уходит, но перед смертью призывает царя провести день в веселой попойке. Он видел, что вино медленно, но уверенно убивает Александра, он видел, что Александра никто и ничто не исправит, и потому желал ему смерти. Индийский

философ назначил царю свидание в Вавилоне; так как Калан был в шаге от смерти, свидание это должно произойти в царстве мертвых. Философ чувствовал, что его неспособному ученику осталось немного.

Александр в точности исполнил последнюю волю Калана: такого веселого пира македоняне не помнили. Но тень индийского философа витала над пирующими и собирала свою страшную жатву. Плутарх описывает эту странную поминальную тризну.

> Возвратившись к себе после самосожжения Калана, Александр созвал на пир друзей и полководцев. На пиру он предложил потягаться в умении пить и назначил победителю в награду венок. Больше всех выпил Промах, который дошел до четырех хоев; в награду он получил венок ценою в талант, но через три дня скончался. Кроме него, как сообщает Харет, умерли еще сорок один человек, которых после попойки охватил сильнейший озноб.

В Экбатанах — столице Мидии, царь потерял самого преданного друга. Причина смерти Гефестиона банальна, но закономерна. Диодор пишет, что в царском дворце Александр, как обычно, «устраивал театральные представления и частые пирушки для друзей. От неумеренных выпивок Гефестион заболел и умер».

Смерть молодого человека можно было предотвратить или, по крайней мере, отсрочить. Врач точно поставил диагноз болезни и запретил употреблять напиток Диониса, но сила привычки оказалась сильнее разума.

Плутарх рассказывает:

> Человек молодой и воин, он не мог подчиниться строгим предписаниям врача и однажды, воспользовавшись тем, что врач его Главк ушел в театр, съел за завтраком вареного петуха и выпил большую кружку вина. После этого он почувствовал себя очень плохо и вскоре умер. Горе Александра не знало границ, он приказал в знак траура остричь гривы коней и мулов, снял зубцы с крепостных стен близлежащих городов, распял на кресте несчастного врача, на долгое время запретил в лагере играть на флейте и вообще не мог слышать звуков музыки…

Юстин также подтверждает, что Гефестион был самой

дорогой утратой Александра:

> Царь оплакивал его так долго, как не подобало царю, поставил ему памятник в двенадцать тысяч талантов, и приказал почитать его после смерти, как бога.

В свое время из-за Гефестиона Александр даже разругался с женщиной, его родившей, а затем властной рукой подведшей к македонскому трону, то есть с Олимпиадой. Оставаясь в далекой Македонии, она все же надеялась править миром за спиной сына и в лице Гефестиона узрела конкурента. По словам Диодора: «Когда Олимпиада, не любившая Гефестиона из ревности, резко упрекала его в письмах и стала грозить ему, он написал ей укоризненное письмо и закончил его такими словами: “Перестань клеветать на меня, не неистовствуй и не грози. Меня это, впрочем, мало беспокоит. Ты знаешь, что Александр сильнее всех”».

Арриан согласен с предыдущими авторами в том, что печаль, равно как и гнев Александра не знали границ после потери друга. Он передает сообщения утерянных исторических источников:

> Одни рассказывают, что он упал на труп друга и так пролежал, рыдая, большую часть дня. Он не хотел оторваться от умершего, и друзья увели его только силой. Другие говорят, что он провел таким образом целый день и целую ночь…
>
> Все единогласно утверждают, что в течение трех дней после смерти Гефестиона Александр ничего не ел, не приводил себя в порядок, а лежал, рыдая, или скорбно молчал. Он велел приготовить Гефестиону в Вавилоне костер стоимостью 10 000 талантов, а по словам некоторых, и дороже, и приказал облечься в траур всей варварской земле.

В отличие от Плутарха, Арриан утверждает, что врач Гефестиона был не распят на кресте, а повешен Александром «будто бы за плохое лечение, а, по словам же других, за то, что он спокойно смотрел, как Гефестион напивается допьяна». Впрочем, итог для врача был один. В довершение Александр приказал сравнять с землей храм бога врачевателей — Асклепия.

Не оправдавшего надежд Асклепия Александр пытался заменить Гефестионом. Он отправил к жрецам Амона посольство с просьбой разрешить приносить Гефестиону жертвы, как богу. Но служители Амона решили, что нехорошо слишком часто

производить богов из простых смертных; несколько лет назад они объявили богом Александра, и ничего хорошего из этого не вышло. Согласно Плутарху, «от Амона пришло повеление оказывать Гефестиону почести и приносить ему жертвы, как герою».

И далее Плутарх описывает способ, которым Александр пытался превозмочь свое горе. Он привычен и предсказуем: «Утешением в скорби для Александра была война, которую он превратил в охоту на людей: покорив племя коссеев, он перебил всех способных носить оружие. И это называли заупокойной жертвой в честь Гефестиона».

Александр потерял последнего настоящего друга; те, что оставались рядом с ним, лишь ждали смерти неутомимого царя, чтобы растащить по кускам завоеванные земли. Наконец-то Александру стало ведомо такое чувство, как страх. Природные знамения и гадания жрецов все менее благоприятствовали Александру.

Возраставшей мнительностью царя, очень близкой к сумасшествию, пользовались недруги; не в силах избавиться от Александра открыто, они пытались извести его с помощью мистики. Действовали довольно тонкие психологи, прекрасно знавшие, насколько истощена нервная система Александра, и что он боится лишиться на земле одной вещи: трона и связанной с ним власти.

Плутарх описывает одну из шуток, проделанных над царем.

> Однажды Александр, раздевшись для натирания, играл в мяч. Когда пришло время одеваться, юноши, игравшие вместе с ним, увидели, что на троне молча сидит какой-то человек в царском облачении с диадемой на голове. Человека спросили, кто он такой, но тот долгое время безмолвствовал. Наконец, придя в себя, он сказал, что зовут его Дионисий и родом он из Мессении; обвиненный в каком-то преступлении, он был привезен сюда по морю и очень долго находился в оковах; только что ему явился Серапис, снял с него оковы и, приведя его в это место, повелел надеть царское облачение и диадему и молча сидеть на троне.
>
> Александр, по совету прорицателей, казнил этого человека, но уныние его еще усугубилось, он совсем потерял надежду на божество и доверие к друзьям. Особенно боялся царь Антипатра и его сыновей, один из которых, Иолл, был главным царским виночерпием, а другой, Кассандр, приехал к Александру лишь недавно.

> Этот Кассандр однажды увидел каких-то варваров, простершихся ниц перед царем, и как человек, воспитанный в эллинском духе и никогда не видевший ничего подобного, невольно рассмеялся. Разгневанный Александр схватил обеими руками Кассандра за волосы и принялся с силой бить его головой о стену.

Не стоило Александру так обходиться с сыном Антипатра, который правил в отсутствие царя Македонией. Но царь ненавидел это семейство, потому что боялся; он бил Кассандра за свой страх, за то, что македоняне так и не увидели в своем царе бога, бил, не думая о последствиях.

Мистика в Вавилоне

Нельзя оставить на свете голову, на которой была царская диадема.

Квинт Эппий Флавий Арриан. Поход Александра

Александр был уже не тем восторженным отроком, что завидовал успехам отца и печалился, что на его долю останется мало великих дел. Смертельно уставший, покрытый ноющими ранами и растерявший друзей человек предстает перед нами. Но он еще надеется исполнить свою мечту: ведь он хозяин Азии, и возраст его только приближается к 33 годам.

Непокоренный мир испытывает страх перед одним лишь его именем, заискивает перед ним и мечтает о дружбе с македонским царем. Он принимает посольство от ливийцев, за ними прибыли выразить почтение представители Рима и Карфагена, «пришли послы от эфиопов и европейских скифов; пришли кельты и иберы просить дружбы».

Александр посылает Гераклида с кораблестроителями к Каспийскому морю. Ему приказано строить военные корабли с палубами и без палуб по эллинскому образцу. Несомненно, царь готовился к войне со скифами, обитавшими у берегов Каспийского моря. Покорить народы, среди которых нашел смерть персидский царь Кир Великий, было мечтой Александра… и всего лишь небольшой ступенькой к новым победам.

Курций Руф пишет:

> Сам он в душе лелеял необъятные планы: после покорения всех стран к востоку от моря переправиться из Сирии в Африку, затем, пройдя все просторы Нумидии, направить свой поход на Гадес (ведь молва утверждала, что именно там находятся столбы Геркулеса). Оттуда проникнуть в Испанию, которую греки называют Иберией, и пройти мимо Альп к побережью Италии; оттуда уже недалеко до Эпира.

Ближайшим объектом для нападения Александр избрал арабов. Любопытно, что он даже не думал получить каких-то материальных благ от новой войны. О первопричине войны рассказывает представитель официальной версии истории

Александра — Арриан:

> Флот он готовил, чтобы напасть на арабов под тем предлогом, что это единственные из здешних варваров, которые не прислали к нему посольства и ничем не выказали ему ни доброжелательства, ни уважения. На самом же деле, мне кажется, Александр был просто ненасытен в своих завоеваниях.
>
> Рассказывают, что он услышал, будто арабы чтут только двух богов — Небо и Диониса: Небо — потому, что оно видимо, на нем находятся звезды, а также и солнце, от которого людям такая великая и явная во всем польза, а Диониса — за его славный поход к индам. По мнению Александра, он был достоин того, чтобы арабы и его чтили как третьего бога, ибо он совершил подвиги, ничуть не меньшие, чем Дионис; одолев же арабов, он разрешит им, как индам, управлять страной по своим законам.

Мечтая овладеть планетой, Александр долго не решался войти в город, который избрал своей столицей. Царь помнил, что именно в Вавилоне перед смертью ему назначил свидание индийский философ. И все же он боялся и шел навстречу своим неведомым страхам; шел, «все время останавливаясь и разбивая лагеря, давая войску отдохнуть и медленно продвигаясь вперед». Так описывает путь Александра Диодор; описание весьма непривычное, если учесть, что Александр привык молниеносно преодолевать реки, пустыни, горные массивы.

Дальше еще хуже. Увы! Земля и небо, люди и боги устали от Александра; судьба отказывалась ему помогать и только посылала одно за другим последние предупреждения. Александр понимал их и, пожалуй, впервые в жизни испытал настоящий страх. Он понял, что является смертным человеком и его конец близок; он достиг многого, но стать богом не получилось. Он боялся и шел, ибо вопреки мнению богов считал, что не исполнил до конца свое предназначение на этой земле. Шел осторожно, изо всех сил пытаясь отвратить от себя неблагоприятные знамения.

Читаем у Диодора Сицилийского.

> Когда он был в 30 стадиях от Вавилона, то встретил так называемых халдеев. Они пользовались великой славой как знатоки астрологии, и вековые наблюдения выучили их предсказывать будущее. Выбрав из своей среды наиболее пожилых и наиболее сведущих, они поручили им, узнав по звездам, что царя ожидает в

Вавилоне смерть, предупредить его о грозящей опасности и посоветовать ему никоим образом не входить в город.

Он может избежать беды, если восстановит памятник Белу, уничтоженный персами, и, оставив выбранную им дорогу, минует город…

Александр, выслушав предсказания халдеев, испугался; чем больше думал он о мудрости и славе этих людей, тем больше росло его смятение. Наконец он отослал многих друзей в город, а сам обогнул Вавилон по другой дороге и стал лагерем в 200 стадиях от него.

Все были изумлены, и к нему явилось много эллинов, в том числе и философ Анаксарх со своими последователями. Узнав, почему царь не прибыл в Вавилон, они пустили в ход все философские рассуждения и настолько переубедили царя, что он преисполнился презрения ко всякой мистике, особенно же той, которую так ценили халдеи.

Поэтому царь, словно исцеленный философскими рассуждениями от душевной раны, двинулся с войском в Вавилон.

Были у Александра и подозрения, что халдеи пытаются извлечь собственную выгоду, а не выражают волю божества. И все же страх его не оставлял, царь старался следовать рекомендациям жрецов. Последние смирились, что Александр войдет в Вавилон и напоследок посоветовали:

— Царь, не иди, по крайней мере, сам и не веди свое войско, глядя на закат; обойди лучше город с востока.

Александр послушно принялся обходить Вавилон, но оказался с войском в топком болоте и, «таким образом, — делает вывод Арриан, — и добровольно, и против воли оказал неповиновение богу». Плутарх сообщает, что, «приблизившись к стенам города, царь увидел множество воронов, которые ссорились между собой и клевали друг друга, причем некоторые из них падали замертво на землю у его ног».

Тревога не прошла, когда Александр живой и невредимый оказался в Вавилоне. Большую часть времени царь предпочитал проводить вне вавилонских стен, располагаясь лагерем в разных местах и совершая прогулки на корабле по Евфрату. Однако и здесь Александра преследовали нехорошие приметы.

Арриан передает случай, произошедший во время путешествия по местным озерам. Александру захотелось осмотреть могилы ассирийских царей, которые имели

обыкновение находиться среди озер и болот. Во время плавания Александр сам правил триерой; внезапно сильным ветром у него с головы снесло шапку с диадемой: шапка упала в воду, а диадема оказалась на тростнике, росшем на могиле какого-то древнего царя. Тотчас за ней вплавь отправился один из моряков; на обратном пути, чтобы не замочить диадему и чтобы удобнее было грести, он надел ее на голову. По словам многих, писавших об Александре, Александр подарил ему талант за усердие и велел отрубить голову, так как прорицатели тут же объявили:

— Нельзя оставить на свете голову, на которой была царская диадема.

Александр строго карал тех, кто даже случайно посягнул на знаки, приличествующие только ему.

Однажды на самого большого и красивого льва, содержавшегося в зверинце Вавилона, напал домашний осел и убил его ударом копыта. Что ж, бывает и такое…

Но все эти, казалось бы, бытовые мелочи действовали угнетающе на Александра. Его словно подменили, это совершенно не тот царь, которого мы знали на протяжении всего повествования.

Состояние царя описывает Плутарх.

> Исполненный тревоги и робости, Александр сделался суеверен, все сколь-нибудь необычное и странное ему казалось чудом, знамением свыше, в царском дворце появилось великое множество людей, приносивших жертвы, совершавших очистительные обряды и предсказывавших будущее. Сколь губительно неверие в богов и презрение к ним, столь же губительно и суеверие…

Гераклов кубок

> *Судьба его выждала, пока он, покорив Восток и дойдя до океана, выполнил все, что доступно человеку.*
>
> *Руф Квинт Курций. История Александра Македонского*

Александр мог еще некоторое время жить, несмотря на старание предсказателей и множество плохих знамений, если бы не привычка, которая накануне свела в могилу Гефестиона.

По словам Юстина, «вернувшись в Вавилон, он много дней отдыхал и торжественно возобновил прерванные (вследствие походов) пиры. Он весь предался развлечениям, и однажды, когда, пропировав целый день и присоединив к нему ночь, он уже собрался уходить с пира», его пригласил к себе фессалиец Медий, чтобы продолжить пирушку.

Ну какой, даже самый здоровый, человек выдержит без сна и отдыха целые сутки непрерывного пьянства!? И тем более царю не следовало принимать предложение первого встречного (по крайней мере, этот фессалиец впервые упоминается у древних авторов).

Александр принял приглашение Медия, и, если судить по сведениям источников, был весьма активным гостем. Согласно Плутарху, Александр «пил весь следующий день, а к концу дня его стало лихорадить». Появившуюся лихорадку царь лечил своеобразным способом: Плутарх, ссылаясь на Аристобула, сообщает, «что, жестоко страдая от лихорадки, Александр почувствовал сильную жажду и выпил много вина, после чего впал в горячечный бред».

О неумеренном питье у Медия говорит и Диодор Сицилийский:

> Обильно наливая себе неразбавленного вина, Александр под конец выпил большой Гераклов кубок. Вдруг, словно пораженный сильным ударом, он громко вскрикнул и застонал; друзья вынесли его на руках.

Это был еще не конец, умирал Александр долго и мучительно. Арриан, ссылаясь на неизвестный источник, пишет, «что Александр, почувствовав близкий конец, ушел с намерением

броситься в Евфрат: исчезнув таким образом из среды людей, он утвердил бы в потомках веру в то, что, произойдя от бога, он и отошел к богам. Жена его, Роксана, увидела, что он уходит, и удержала его; Александр же со стоном сказал, что она отняла от него непреходящую славу: стать богом».

Плутархом наиболее подробно описаны последние дни Александра: со времени посещения пира Медия и до кончины:

> На восемнадцатый день месяца десия он почувствовал в бане сильнейший озноб и заснул там. На следующее утро он помылся, пошел в спальню и провел день, играя с Медием в кости. Вечером он принял ванну, принес богам жертвы и поел, а ночью его сильно лихорадило.
>
> На двадцатый день он принял ванну, совершил обычное жертвоприношение и, лежа в бане, беседовал с Неархом, который рассказывал ему о своем плавании по Великому морю.
>
> Двадцать первый день он провел таким же образом, но жар усилился, а ночью он почувствовал себя очень плохо и весь следующий день его лихорадило. Перенесенный в большую купальню, он беседовал там с военачальниками о назначении достойных людей на освободившиеся должности в войске.
>
> На двадцать четвертый день у Александра был сильный приступ лихорадки. Его пришлось отнести к жертвеннику, чтобы он мог совершить жертвоприношение. Высшим военачальникам он приказал остаться во дворце, а таксиархам и пентакосиархам — провести ночь поблизости.
>
> На двадцать пятый день, перенесенный в другую часть дворца, он немного поспал, но лихорадка не унималась.
>
> Когда к нему пришли военачальники, он не мог произнести ни слова, то же повторилось и на двадцать шестой день.

Македоняне заподозрили, что царь уже мертв, с криком и угрозами они потребовали у гетеров, чтобы их пропустили во дворец. Наконец они добились своего: двери дворца были открыты, и македоняне в одних хитонах по одному прошли мимо ложа царя. В тот же день Питон и Селевк были посланы в храм Сераписа, чтобы спросить у бога, не надо ли перенести Александра в его храм. Бог велел оставить Александра на месте. На двадцать восьмой день к вечеру Александр скончался.

Смерть известного человека всегда окутана тайнами, легендами, догадками, гипотезами. Не избежал этой участи и Александр.

Версии причины его смерти весьма разные: от употребления в качестве спиртного напитка настойки чемерицы и малярии, которой царь заразился во время путешествия по болотам, до отравления ядом. Например, английский историк Пол Догерти считает, что Александра отравили мышьяком. Согласно мнениям специалистов по ядам, однократный прием мышьяка не приводит к немедленной смерти, но вызывает продолжительную болезнь с летальным исходом. Симптомы этой болезни весьма схожи с теми муками, что испытывал Александр в последние дни своей жизни. Однако Догерти пытается доказать, что смерть Александра — дело рук его телохранителя Птолемея; исторические же источники называют совсем другие имена.

Все античные авторы называют главным отравителем Александра его наместника в Македонии — Антипатра. Поводов у последнего было более чем достаточно: накануне ему было приказано сдать управление Македонией Кратеру, а самому прибыть к Александру. Учитывая то, что Антипатром был недоволен Александр, а мать, Олимпиада, открыто его ненавидела, что в немилость к Александру попали его сыновья Иолла и Кассандр (последнего царь жестоко избил), то бессменному правителю Македонии ничего хорошего не обещал вызов в Вавилон. В общем, у нас нет никаких веских оснований не доверять древним авторам. Юстин категорично утверждает:

> Заговор задумал Антипатр, видевший, что казнены лучшие друзья царя, что убит его зять Александр Линкест; да и сам Антипатр, несмотря на совершенные им в Греции подвиги, заслужил у Александра не столько благодарность, сколько ненависть. Мать Александра, Олимпиада, тоже оскорбляла Антипатра разными клеветами. К этому добавилось еще и то обстоятельство, что совсем недавно подверглись страшной казни наместники завоеванных областей. Поэтому Антипатр полагал, что и его вызвали из Македонии не для участия в военных походах, а для расправы.
>
> Он подготовил сына своего Кассандра, который обычно прислуживал царю с братьями, Филиппом и Иоллой, к покушению на царя. Антипатр дал Кассандру яд. Сила этого яда была такова, что его нельзя было хранить ни в медных, ни в железных, ни в глиняных сосудах, а переносить его можно было только в посуде из

конского копыта. Антипатр предупредил сына, чтобы он не доверял никому, кроме как фессалийцу и братьям. По этой-то причине у фессалийца (Медия) все было заранее приготовлено для пира, и у него же было продолжено пиршество. Филипп и Иолла должны были заранее пробовать и разбавлять питье для царя; яд у них был влит в холодную воду; ею они и разбавили питье, которое перед этим испробовали.

Подобные сведения есть и у Диодора Сицилийского.

Говорят, что Антипатр, оставленный им в Европе в качестве военачальника, рассорился с Олимпиадой, матерью царя. Сначала это его не беспокоило, так как Александр не обращал внимания на клевету, которую она на него возводила. Вражда, однако, росла и росла; царь по своему благочестию хотел во всем угождать матери, и Антипатр во многих случаях обнаруживал свою неприязнь к царю. Вдобавок гибель Филоты и Пармениона заставила содрогнуться «друзей», и Антипатр приказал своему сыну, который был кравчим, дать царю яд.

После смерти Александра он остался в Европе самым могущественным; после него царскую власть получил его сын Кассандр, и многие не решались писать об отравлении. Действия Кассандра явно показывали, что он относится к деяниям Александра крайне отрицательно. Он убил Олимпиаду и бросил ее тело без погребения, а Фивы, разрушенные Александром, восстановил с великой заботой.

По версии отравления Александра Арриан сообщает следующее:

Рассказывают, что Антипатр прислал Александру яд, и он от этого яда и умер; яд же для Антипатра изготовил Аристотель, который стал бояться Александра, узнав о судьбе Каллисфена, а привез его Кассандр, брат Антипатра. Некоторые даже пишут, что он привез его в копыте мула. Дал же этот яд Иоллай, младший брат Кассандра: Иоллай был царским виночерпием, и Александр незадолго до своей кончины как-то его обидел. Другие добавляют, что участвовал в этом и Медий, друг Иоллая, пригласивший Александра к себе на пирушку. Александр, выпив килик, почувствовал

острые боли и вследствие этих болей и ушел с пира.

Как мы видим, в деле об отравлении Александра появился новый фигурант — Аристотель. В общем-то, ничего удивительного — смерти царя могли желать очень многие и очень разные люди в Европе, Азии и Африке, где он оставил след; пожалуй, ни в одном убийстве в мире не было столько заинтересованных людей и, следовательно, подозреваемых. Вот только Птолемея английский историк, кажется, незаслуженно причисляет к этой когорте — у Александра никогда не было столкновений, противоречий со своим преданным телохранителем.

У Аристотеля мотивов желать смерти Александра было более чем достаточно: кроме того что ученик не оправдал его надежд на идеального правителя, их отношения настолько испортились, что философ не без оснований опасался за свою жизнь. Это могла быть и месть: после долгих издевательств Александр уничтожил племянника Аристотеля — Каллисфена.

О причастности Аристотеля к заговору упоминает и Плутарх:

> Ни у кого тогда не возникало подозрения, что Александра отравили, и, как рассказывают, спустя пять лет Олимпиада поверила доносу и многих казнила. Останки Иолла, который к тому времени умер, она приказала выбросить из могилы за то, что он будто бы подал Александру яд. Те, кто утверждает, что яд был послан Антипатром и что Антипатр сделал это по совету Аристотеля, ссылаются на рассказ некоего Гагнотемида, который сообщает, что слышал об этом от царя Антигона…
>
> Большинство писателей, однако, считает, что вообще все это выдумка и что никакого отравления не было. Убедительным доводом в пользу этого мнения может служить то, что на теле Александра, в течение многих дней, пока военачальники ссорились между собой, пролежавшем без всякого присмотра в жарком и душном месте, не появилось никаких признаков, которые свидетельствовали бы об отравлении; все это время труп оставался чистым и свежим.

Однако если согласиться с Полом Догерти и предположить, что Александра отравили мышьяком, — все становится на свои места. Кроме того что первые признаки действия мышьяка напоминают малярию, этот яд препятствует разложению тела (что и происходило с трупом Александра в жарком Вавилоне). Догерти

приводит пример из одного криминального дела, связанного с отравлением мышьяком:

> …Наблюдается удивительная сохранность тела. Это обстоятельство имеет большое значение, особенно если тело находится в условиях, при которых оно должно быстро разложиться. На память приходит знаменитое дело: труп жены аптекаря Спейхерта (1876) был эксгумирован через одиннадцать месяцев после похорон. Гроб частично стоял в воде, однако труп превратился в мумию. В органах обнаружили мышьяк, кладбищенская земля мышьяка не содержала. Р. Кох (адвокат) не мог найти другой причины сохранности тела, кроме воздействия мышьяка. Это обстоятельство вместе с другими стало важным доказательством обвинения Спейхерта.

Отравили Александра или нет? В общем, это неважно, ибо царь был обречен. Не прошли даром годы напряженной борьбы за власть над миром — отсюда небывалое нервное напряжение, многочисленные раны, полученные в битвах, прогрессирующий алкоголизм, подорванный иммунитет… Организм Александра выработал свой ресурс.

Что мог совершить Александр, если бы не смерть в юном возрасте? Ничего! Он испытал неведомый ранее страх, а царь с таким чувством не может править в окружении врагов, за трусом не пойдут в бой воины. Тем, кто боится, никогда не помогает ни судьба, ни случай, ни боги. Его ожидала судьба Дария.

Именно страх за свою жизнь заставил Александра в последние годы убивать без разбора собственных подданных: персов, македонян, мидийцев. Мир устал от бесконечной вакханалии убийств; от идей и планов царя устали все, и даже македоняне отказались ему служить. Завоевав огромнейшую территорию, Александр в конце жизни остался совершенно одиноким.

«Александр же умер, словно смерть и была для него лучшим уделом», — можно подвести итог словами Арриана.

Переживали о смерти Александра очень немногие и недолго. «Сначала весь царский дворец огласился плачем, жалобами и причитаниями, а потом все словно застыло в каком-то оцепенении: печаль привела к размышлениям о будущем», — рассказывает Курций Руф. Размышления эти касались огромного наследства Александра; каждый хотел урвать кусок от огромного пирога, изготовленного Александром. Друзья настолько увлеклись дележом, что забыли даже похоронить царя.

«Напротив, — утверждает Юстин, — македоняне радовались, как будто потеряли не согражданина своего, столь великого царя, но врага, проклиная и его чрезмерную строгость, и постоянные военные опасности. Кроме того, вожди (войска) домогались царства и власти, а рядовые воины — сокровищ и несметных запасов золота, считая их нежданной своей добычей…»

Как ни странно, по-настоящему оплакивала кончину великого завоевателя лишь мать его главного врага — Сисигамбис. Бывшая персидская царица лишилась покровителя, который обходился с ней более-менее достойно; ничего хорошего от будущего ждать не приходилось.

Курций Руф описывает выражение скорби матери Дария.

> Разорвав на себе одежду, она облеклась в траур и, растрепав на себе волосы, упала на землю. Была при ней одна из внучек, оплакивавшая потерю Гефестиона, за которого вышла замуж, и собственное горе объединила с общим несчастием. Но одна Сисигамбис могла охватить горести всех своих детей; она оплакивала и свою судьбу, и судьбу внучат. Новое горе оживляло память о прежнем. Казалось, что она только что потеряла Дария, и что ей, несчастной, приходится хоронить двух сыновей. Она оплакивала как мертвых, так и живых. Кто будет заботиться о сиротах? Какой будет новый Александр? Снова они пленницы, снова лишатся царства. Они нашли человека, который стал охранять их после смерти Дария, после смерти Александра они такого, конечно, не найдут. Вспомнилось при этом, что 80 ее братьев были перебиты в один день свирепейшим царем Охом; прибавилось еще убийство отца стольких сыновей; из 7 рожденных ею детей остался в живых один; сам Дарий благоденствовал недолго, тем более жестокую смерть он испытал. Наконец она не выдержала своего горя, отстранилась от бывших при ней внука и внучки и, накрыв себе голову, отказалась от пищи и света. Она скончалась на пятый день после того, как приняла решение умереть.

Александр умер 13 июня 323 года до н. э., согласно Юстину, «тридцати трех лет и одного месяца от роду»; Арриан сообщает несколько иную цифру, но не столь далекую от Юстина, — 32 года и 8 месяцев. Царствовал же он, согласно Арриану, — 12 лет и 8 месяцев; по сведениям Диодора Сицилийского, — 12 лет и 7 месяцев.

Как же оценивали жизнь Александра и его деяния древние

авторы? Их мнения схожи: Александр вмещал в себе множество дурных и хороших качеств, которые проявлялись сообразно с обстоятельствами. Арриан честно предупреждает читателя, что его суждение глубоко субъективно: «Я не стыжусь того, что отношусь к Александру с восхищением»; и потому более приемлемым будет мнение Курция Руфа:

> И в самом деле, если справедливо судить о нем, добрые качества царя следует приписать его природе, пороки — возрасту или судьбе. Невероятная сила духа, почти чрезмерная выносливость в труде, отвага, выдающаяся не только среди царей, но и среди тех, для кого она является единственной доблестью; его щедрость, дававшая людям даже больше того, чего просят у богов, милость к побежденным, щедрое возвращение многих царств тем, у кого он их отнимал войной, и раздача их в качестве подарка. Постоянное пренебрежение смертью, боязнь которой лишает других мужества; жажда похвал и славы, хоть и более сильная, чем следует, но вполне объяснимая при его молодости и столь великих подвигах; его почтительность к родителям: мать Олимпиаду он решил обессмертить, за отца Филиппа он отомстил; его благосклонность почти ко всем друзьям, благожелательность к солдатам; забота о них, равная величию его души; находчивость, едва совместимая с его молодым возрастом; мерой в неумеренных страстях было удовлетворение желаний в естественных границах и наслаждение — в пределах дозволенного. Это все, конечно, большие достоинства.

Что ж, Курций Руф весьма щедро наградил Александра положительными чертами, но они характеризуют человека, но не полководца и царя. А ведь следующие поколения будут почитать Александра, как гениального военачальника, талантливого администратора — и это звучит, как непреложный факт. «Никто не усомнится в безграничном мужестве Александра, его гениальном полководческом даре, неиссякаемой энергии и магнетической харизме», — пишет Пол Догерти в предисловии к своей книге «Смерть бога». В аннотации к ней Александр — «великий завоеватель, обожаемый собственной армией и почитаемый покоренными народами».

Никто не усомнится в личном мужестве Александра, но почему Курций Руф ни слова не сказал о его «гениальном полководческом даре»? Потому что нельзя обсуждать то, чего нет. И о магнетической харизме древние авторы не упоминают не

потому, что им неизвестны подобные слова. О какой харизме может идти речь, когда Александр гнал воинов в бой обманом, подкупом и страхом казни за непослушание; когда он в одиночку штурмовал города, а все войско смотрело, как царь карабкается на стену? Когда он бóльшую часть войска погубил на пути из Индии, оставшиеся отказались воевать и были отправлены в Македонию… «Почитаемый покоренными народами», потому что отказавшиеся почитать были безжалостно уничтожены. Однажды перед битвой Александр произнес, обращаясь к своим неуверенным в будущей победе воинам:

— Поздно вы начали считать легионы врагов, после того как своими победами создали безлюдье в Азии.

Курций Руф открывает и вторую сторону медали:

> А вот дары судьбы: он приравнивал себя к богам и требовал божеских почестей; верил оракулам, внушавшим ему это, и распалялся несправедливым гневом на отказывавшихся почитать его, как бога. Он переменил на иноземные свое платье и обычаи, стал перенимать нравы побежденных народов, которые до своей победы презирал. Его вспыльчивость и пристрастие к вину, проявившиеся в нем с юных лет, могли бы смягчиться к старости. Все же надо признать, что если он многим был обязан своей доблести, то еще больше того — своей судьбе, которой владел как никто среди людей. Сколько раз она спасала его от смерти? Сколько раз безрассудно подвергавшего себя опасности она охраняла в неизменном счастье? Предел жизни она положила ему вместе с пределом славы. Судьба его выждала, пока он, покорив Восток и дойдя до океана, выполнил все, что доступно было человеку. Такому царю и вождю нужно было найти преемника, но тяжесть его дел была не по силам одному человеку.

Ценный труп

> *Этим словом он как бы подал своим друзьям сигнал к бою и бросил им его как яблоко раздора; (с этой минуты) все стали соперниками друг другу, стремились подольститься к толпе, начали тайно добиваться поддержки у войска.*
>
> *Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога*

Смерть Александра не была внезапной, несколько дней он чувствовал ее холодное дыхание, — тем более странно, что царь не позаботился о наследнике.

Царь попрощался со своими воинами, прошедшими мимо его ложа, и даже утешил «некоторых особенно сильно горевавших». И вот, по словам Юстина, Александр завел разговор о преемнике:

> Отпустив солдат, он спросил друзей, стоявших вокруг него: как им кажется, найдут ли они царя, подобного ему? Все молчали. Тогда он сказал им, что этого он и сам не знает, однако только он знает и предсказывает, почти видит своими глазами, как много крови прольет Македония в распрях, сколько убийств, сколько крови принесут ему как погребальную жертву.

Затем Александр завещал похоронить свое тело в храме Амона; но ни одним намеком не показал, кого он желает видеть на троне. Находившиеся подле него чувствовали, что царю осталось немного, и прямо спросили: кого он назначает наследником своей державы?

Александр ответил: достойнейшего (dignissimum). Юстин восхищается выбором Александра:

> Столь велика была мощь его духа, что, хотя он оставлял после себя сына Геркулеса, брата Арридея и беременную жену Роксану, он, забывая об узах родства, своим преемником объявил «достойнейшего». И поистине, не подобало бы наследовать престол такого могучего мужа кому-либо иному, кроме столь же могучего, и столь могущественной державе достаться кому-либо другому, а не испытанным людям.

Казалось бы, решение справедливое. Но чем оно закончится, угадать нетрудно: достойнейшими считали себя все, кто был рядом с Александром. Умирающий царь понимал, что у его огромнейшего государства, сшитого из разных заплат наихудшими нитками, нет никакого будущего. Так пусть же вина за последующую вакханалию ляжет на честолюбцев, его окружавших, пусть все пожалеют, что потеряли Александра! Царь желал над своей могилой кровавого пира и добился его всего лишь одним словом.

Не восхищается поступком Александра Юстин — горькая ирония скрыта в этой похвале Александру. Уже следующее предложение этого же автора описывает первые плоды «благоразумия» Александра:

> Этим словом он как бы подал своим друзьям сигнал к бою и бросил им его как яблоко раздора; (с этой минуты) все стали соперниками друг другу, стремились подольститься к толпе, начали тайно добиваться поддержки у войска. На шестой день, когда Александр уже не мог говорить, он передал Пердикке перстень, сняв с пальца. Это приостановило разгоревшуюся было распрю между его друзьями. Хотя и не словами был назначен наследник, однако было видно, что он избран по воле (умирающего).

После смерти Александра его телохранители созвали во дворце совет из ста самых влиятельных македонян. Он и должен был решить судьбу наследства почившего царя.

Хотя перстень с царской печатью достался Пердикке, но ему явно не хватало мужества и наглости Александра. Послушаем Курция Руфа.

> Пердикка, поставив на виду у всех царское кресло, на котором находились диадема, одежда и оружие Александра, положил на то же кресло перстень, переданный ему царем накануне, и произнес:
>
> — Вот тот перстень, которым царь обычно скреплял важные государственные решения, данный им лично мне; я возвращаю его вам. Хотя нельзя себе представить, чтобы разгневанные боги могли послать нам какое-нибудь другое несчастье, равное тому, которое на нас обрушилось теперь, однако величие совершенных Александром дел заставляет верить, что столь великий герой сблизил богов с человеческими делами, и они быстро примут в свой сонм того, кто исполнил

предназначенное ему судьбой. Поэтому, поскольку от него остались только обычные останки смертного, мы должны прежде всего воздать должное его имени и телу, не забывая при этом, в каком городе и среди кого мы находимся и какого защитника лишились. Нужно, о соратники, обдумать и решить, как нам удержать победу, пребывая среди тех, над кем мы ее одержали. Нам нужна голова. Одна ли моя голова или много голов, — решать это в вашей власти. Вы должны знать, что толпа воинов без вождя — это тело без души. Шестой уже месяц Роксана беременна, будем ждать рождение сына, чтобы, когда он вырастет, ему с помощью богов принадлежало царство. Теперь же вы решайте, кем оно будет управляться.

Но предложение Пердикки осторожно опротестовал Неарх:

— Ни для кого не может быть удивительно, что царское величие подобает только кровным наследникам Александра. Однако ожидать еще не родившегося царя и обходить уже существующего не соответствует ни духу македонцев, ни положению вещей. Есть у царя сын от Барсины, ему и надо передать диадему.

Речи Неарха не одобрил никто. Еще бы! Ни у кого не было желания отдавать валяющуюся под ногами власть царским детям, тем более о них не удосужился позаботиться даже Александр. Предложение, более-менее удовлетворявшее всех присутствующих, поступило от Птолемея:

— Конечно, сын Роксаны или Барсины явится достойным отпрыском, чтобы управлять македонским народом, — сказал он, — однако Европе досадно будет назвать имя того, кто в основном пленник. Стоило нам побеждать персов, чтобы служить их же роду. Ведь еще законные их цари Дарий и Ксеркс со своими многочисленными армиями и флотами напрасно стремились поработить нас. Мое мнение таково: пусть те, кого Александр допускал на свои совещания, сходятся всякий раз, как будет потребность в совместном обсуждении, у его кресла, стоящего во дворце: на том, что решит большинство, и нужно всем стоять, этому должны подчиняться и все вожди, и военачальники.

Птолемей предложил некое коллективное правление; с ним

согласилось большинство военачальников, ибо предполагалось, что каждому из них перепадет кусочек власти. Меньшинство поддержало Пердикку, и тот ввел в сражение секретное оружие — своего сторонника Аристона. Последний произнес:

> — Когда Александра спросили, кому он передает царство, он сказал, что хочет, чтобы оно досталось наилучшему; сам же он признал за лучшего Пердикку, которому и передал перстень. Он был не один при умирающем, и царь, обведя всех глазами, выбрал из толпы друзей именно его, чтобы отдать перстень. Следовательно, ему было угодно, чтобы высшая власть была передана Пердикке.
>
> Никто не сомневался, что предложение Аристона справедливо. Итак, все предложили Пердикке выйти вперед и взять с кресла перстень царя. Тот колебался между сильным желанием и совестливостью и притом рассчитывал, что чем сдержаннее он будет добиваться желаемого, тем настойчивее будут другие ему это предлагать. Итак, после долгих колебаний, не зная, как ему поступить, он все же отошел и стал позади тех, кто сидел ближе.

Пердикка поступил как девица, которой сделали желанное предложение о браке, но, приличия ради, следовало немного поломаться. Увы! Когда предлагают корону, необходимо хватать ее обеими руками; в этом случае сомнения непростительны. Спустя мгновение поднялся один из македонских вождей, «человек твердого характера — Мелеагр».

> Раздраженный колебаниями Пердикки, он произнес:
>
> — Да не допустят боги, чтобы судьба Александра и величие его власти легли на плечи этого человека, обычные люди этого не выдержат. Я не говорю о более знатных, чем он; вообще же людям не надо брать на себя никакой тяжести против своей воли. Не имеет значения, будете ли вы иметь царем сына Роксаны, когда он родится, или Пердикку, так как он все равно захватит власть под видом опеки. Ведь ему не нравится ни один царь, кроме еще не родившегося; при общей торопливости, вполне законной и даже необходимой, он один только высчитывает месяцы и даже предсказывает рождение сына; а вы еще сомневаетесь, готов ли он вам уступить? Клянусь богами, если бы Александр оставил нам царем вместо себя этого человека, то мое мнение

таково, что из всех его распоряжений именно этого одного не следовало бы исполнять.

И напоследок Мелеагр призвал к любимому занятию людей во времена всяких смут.

> — Что же вы не бежите разграблять царские сокровища? Наследником этих богатств уж конечно является народ.

Произнеся последнюю фразу, буйный Мелеагр принялся пробираться к выходу, а дававшие ему дорогу поспешили следом. Первому возмутителю спокойствия удалось собрать большую толпу воинов; «вся сходка превратилась в мятеж и раздор». Решительному Мелеагру это и было надо, но вдруг простой солдат, «неизвестный большинству македонцев», добавил к множеству «достойнейших» претендентов еще одного:

> — Зачем прибегать к оружию и гражданской войне, когда у вас есть царь, которого вы ищете? Вы обходите Арридея, рожденного Филиппом, брата Александра, только что бывшего вашим царем; он участник священных церемоний и единственный теперь наследник. Чем он это заслужил? Что он сделал, что вы лишаете его прав, признанных у всех народов? Если вы ищете подобного Александру, вы такого никогда не найдете; если близкого ему, то таков один он.

Сходка вначале умолкла, обдумывая новое предложение, затем солдаты решили позвать самого Арридея. Новая кандидатура совсем не устраивала Пердикку — его помощник Пифон принялся со слезами на глазах разъяснять солдатам: какой недостойный выбор они сделали. Арридей ведь был прижит Филиппом от блудницы из Ларисы; бытовало мнение, что у принца не все в порядке с разумом.

Курций уточняет:

> Но то, в чем он его упрекал, вызвало больше ненависти к нему самому, чем презрения к Арридею: ибо, жалея его, все начали ему покровительствовать.

Воинов больше устраивал безвольный царь, который не будет, подобно Александру, гонять их в трудные, опасные походы. Арридея провозгласили царем и наградили громким именем его отца — Филиппа. Мелеагр из ненависти и вражды к Пердикке

решил использовать ситуацию.

> Он ворвался во дворец, увлекая за собой Филиппа и крича, что в интересах государства он поддерживает только что избранного царя: пусть все проверят зрелость его возраста и сами убедятся, что он потомок Филиппа, царский сын и брат. Никакое глубокое море, никакой бурный прилив не может поднять таких волн, какими бывают движения в толпе, особенно если она упивается новой и недолговечной свободой.

К этому времени сторонники Пердикки уже приняли решение объявить царем еще не родившегося сына Роксаны; военачальников поддержали всадники. В результате между фалангой Александра и его всадниками разгорелась настоящая война. Первая кровь была пролита здесь же, у тела Александра.

> Возмущенный Пердикка отзывает в сторону желающих охранять тело Александра, но ворвавшиеся силой издали мечут в него копья. Многие были ранены, когда вельможи, сняв шлемы, чтобы их легче было признать, начали просить бывших с Пердиккой не начинать распри, а уступить царю и большинству.

Пердикка бросил бесполезное оружие и призвал македонян опомниться:

> — Какое восхитительное зрелище для врагов! Как они будут радоваться тому, что те, чье оружие нанесло им горестное поражение, теперь убивают друг друга и своей кровью совершают надгробные жертвоприношения теням ими же убитых врагов!

Эти слова остудили воинственный пыл соплеменников, примирились и даже обнялись Пердикка с Мелеагром. После этого было решено «провести проверку всего войска по обычаю предков». Здесь-то к Пердикке вернулась запоздалая способность действовать решительно. Он отобрал из строя македонян примерно 300 человек — тех, что наиболее возмущались и поддерживали Мелеагра; затем их отвели в сторону и в следующий миг на глазах у всего войска растоптали слонами.

Мелеагр слишком поздно понял хитрость Пердикки; он пытался укрыться в храме, но даже святость места не спасла его от смерти.

Жестокие меры ненадолго остудили горячие македонские

головы: войско отправилось в лагерь, а военачальники собрались на новый совет. Чтобы лишний раз не злить солдат, номинально царем оставили Арридея, но все владения Александра решили поделить. Согласно Курцию Руфу, империю Александра разрезали на следующие куски.

> Сатрапом Египта и африканских народов, ему подвластных, был сделан Птолемей. Лаомедонту была дана Сирия с Финикией, Филоту назначена Киликия, Ликию с Памфилией и с Великой Фригией должен был принять Антигон; в Карию был послан Кассандр, в Лидию — Менандр. Малую Фригию, прилегающую к Геллеспонту, сделали провинцией Леонната; Каппадокия с Пафлагонией отошла к Эвмену. Пифену было приказано управлять Мидией, Лисимаху — Фракией и прилегающими к ней понтийскими народами. Было также решено, чтобы стоящие во главе Индии, Бактрии, Согдианы и других племен на берегу океана или Красного моря обладали и военной властью в пределах подвластных им стран. Пердикка должен был находиться при царе и командовать состоявшими при нем войсками.

По словам Юстина, часть державы была предназначена и сыну Александра от Роксаны (если он родится). Самый лакомый кусок — Греция и Македония — остались за врагом Александра и Олимпиады — Антипатром.

На протяжении всех этих событий мы не упомянули о погребении Александра; и вовсе не случайно — его не было.

Курций Руф рассказывает:

> Шел седьмой день, как тело царя лежало на катафалке, а мысли всех были отвлечены от ритуальных забот разрешением вопросов об устройстве государства. Нигде больше нет такого жаркого климата, как в Месопотамии; многих животных, застигнутых на голой почве, солнце там убивает. Такова сила накаленного воздуха, что все сжигается как бы огнем. Когда друзья смогли наконец отдаться заботам о бездыханном теле и вошли в зал, не заметили на теле никаких признаков тления, ни даже бледности смерти: с лица его не сошла и та живость, которая поддерживается дыханием. Так что египтяне и халдеи, которым было приказано приготовить тело по их обычаю, сначала не решались тронуть его руками, думая, что оно дышит; затем, помолившись, чтобы им, смертным, было позволено прикоснуться к

божеству, они очистили тело, наполнили благовониями и положили на золотое ложе, украсив голову знаками его сана.

Заботы о доставшихся территориях вновь препятствовали военачальникам в деле похорон царя. Неизвестно, сколько бы еще тело Александра оставалось среди живых, если бы не прорицатель Аристандр из Тельмесса. На тридцатый день после смерти царя он вошел в македонское собрание и, по словам римского писателя Элиана, «сказал, что из всех царей, которые известны в истории, Александр самый счастливый и в жизни, и в смерти. Боги сказали, что земля, которая примет его тело, бывшее ранее обиталищем его души, будет счастлива и непобедима».

После этого заявления труп Александра резко вырос в цене. Начался спор за его прах; все будто забыли, что тот завещал похоронить себя в храме Аммона. Самым проворным оказался Птолемей; он выкрал тело и отправился в Египет. Пердикка начал преследовать похитителя. И все же Птолемей обманул соперника: он сделал муляж тела Александра, нарядил его в царскую одежду и уложил в персидскую колесницу, богато украшенную серебром, золотом и слоновой костью. Пока Пердикка гнался за желанной колесницей, настоящее тело Александра проселочными дорогами было доставлено в Египет.

Согласно Павсанию, Птолемей похоронил Александра по македонскому обряду в Мемфисе, но впоследствии перевез его прах в Александрию.

По свидетельству Страбона, тело Александра вначале покоилось в золотом гробу, но потом гроб похитил уже другой Птолемей, прозванный «Коккесом» (Багряным) и «Парисактом» (незаконным претендентом, узурпатором) — видимо, речь идет о Птолемее XI. Для тела великого завоевателя сделали другой гроб «из прозрачного камня» (горного хрусталя), в котором оно находилось на всеобщем обозрении около трехсот лет. По крайней мере, в 30 году до н. э., после завершения борьбы с Антонием и Клеопатрой, император Август посетил место последнего пристанища Александра. «Он осмотрел тело Великого Александра, — рассказывает Светоний, — гроб которого велел вынести из святилища: в знак преклонения он возложил на него золотой венец и усыпал цветами». Дион Кассий утверждает, что Август не только осмотрел тело, но и ощупал его, и при этом повредил нос.

Дальнейшая судьба тела Александра неизвестна.

Наследники

> *Она же не уклонилась от меча и ран, не вскрикнула, как это обычно делают женщины, но умерла, как умирают храбрые мужи, достойно блюдя славу своего древнего рода, так что, казалось, самого Александра можно было видеть в лице его умирающей матери. Кроме того, уже испуская дух, она, говорят, привела в порядок волосы и прикрыла ноги одеждой, чтобы даже ее мертвое тело имело вполне подобающий вид.*
>
> *Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога*

Похороны Александра были долгими, но гораздо дольше продолжался кровавый поминальный пир. После раздела гигантской империи наступил отрезок времени, получивший у историков наименование «период диадохов» (323–280 годы до н. э.). Более чем на 40 лет слово «достойнейшего» повергло в полосу бесконечных войн территорию от Балкан до Индии.

Ситуацию описывает Юстин.

> Так, Македония, вследствие того что ее вожди разбились на враждующие группы, обратила оружие против собственной своей плоти, обагрила мечи, которыми сражалась против врага, кровью своих же сограждан и, словно лишившись рассудка, сама стала себе рубить руки и калечить себя.

Период диадохов (наследников) весьма сложный и запутанный из-за множества имен и событий; чтобы не утомлять читателя, скажем лишь, что после жестокой междоусобицы Греция и Македония навсегда превратятся в третьеразрядные государства, а некогда могучая, а ныне опустошенная Азия даст дорогу новым претендентам на мировое господство: Риму и Карфагену. Мы лишь обратим внимание на судьбу тех, в ком текла хотя бы капля крови Александра или Филиппа; в особенности отметим новое для античности явление: женщины

гораздо активнее боролись за власть, чем мужчины. Ожесточенно сражались не только те, что имели какие-то видимые права на наследство Александра; не остались в стороне даже особы, что мельком соприкоснулись с Александром, либо его отцом, Филиппом.

Как и следовало ожидать, приняла участие в работе этой кровавой мельницы Олимпиада. Ее не допустил к власти Филипп, Александр боготворил мать, но не позволял вмешиваться в государственные дела, македоняне не потерпели бы, чтобы над ними царствовала женщина — и тогда властолюбивая женщина решила реализовать себя через внука. (Роксана все же родила долгожданного сына, в честь отца его назвали Александром.)

Ко времени смерти Александра Олимпиада жила на своей родине — в Эпире — фактически на положении изгнанницы. Чтобы иметь какое-то влияние, ей необходимо было вернуться в Македонию, которая была занята ненавистным Антипатром. Властолюбивая женщина внимательно следила за войной диадохов и наконец обратилась за помощью к сильнейшему из них — Эвмену. По Плутарху, «Олимпиада приглашала его приехать и взять на себя воспитание и защиту малолетнего сына Александра, против которого постоянно строились козни».

Эвмен был слишком занят борьбой в Азии, единственное, он поклялся в верности Олимпиаде. Что ж, Олимпиада умела не только ждать, но и действовать. В 317 г. она все же вернулась в Македонию с помощью Полиперхонта и царя Эпира. Вместе с ней прибыла Роксана и шестилетний внук Александр.

Македоняне встретили с восторгом мать знаменитого военачальника. Однако своей мстительностью Олимпиада и погубила свои же планы. Когда читаешь, как эта женщина обошлась со своими подданными, становится понятно, откуда в Александре появилась звериная жестокость, которая лишь иногда вырывалась наружу.

Прежде всего Олимпиада убила сына Антипатра — Никанора; второго сына, Иоллая (которому приписывают участие в отравлении Александра), в живых не застала, но приказала разрыть его могилу. Затем царица казнила сотни знатнейших македонян — якобы сторонников Антипатра.

Македоняне в ужасе отвернулись от той, которую еще недавно радостно приветствовали; и как только оставшийся сын Антипатра — Кассандр — вернулся в Македонию, защитить Олимпиаду было некому. Она вместе с невесткой Роксаной и внуком удалилась в укрепленный приморский город Пидну. «Ей сопутствовали, — пишет Юстин, — Деидамия, дочь царя Эакида и падчерица Фессалоника, пользовавшаяся известностью благодаря

имени отца своего Филиппа, а также много жен знатных людей — свита более блестящая, чем полезная».

Олимпиада взяла с собой всех слонов, оставленных Кассандром в македонской столице, — оружие грозное, но в осажденном городе не принесшее ничего, кроме дополнительных трудностей.

Царица не имела сил даже совершать вылазки против осаждавших. Единственное, что ей оставалось, — это надеяться на помощь союзников: царя Эпира и Полиперхонта; однако у тех руки были связаны междоусобной борьбой.

Шел месяц за месяцем, в крепости иссякли запасы продовольствия. Скудные пайки получало лишь регулярное войско, а те добровольцы, что присоединились к матери Великого Александра, умирали мучительной голодной смертью, та же участь постигла и местное население. Вскоре Олимпиада лишилась конницы, — она пошла в пищу. Слонов пытались кормить мелконарубленными бревнами, но животные умирали одно за другим. Город наполнился разлагающимися телами людей и животных. Трудно становилось дышать этой гнилью и трупным запахом. Еще более невыносимой картина людских страданий стала весной, когда солнце пригревало, и процесс разложения усилился.

В начале весны 316 года остатки войска потребовали у Олимпиады либо сдачи города, либо увольнения. Она сдала город злейшему своему врагу, получив обещание сохранить ей жизнь.

Кассандр легко дал подобную гарантию, потому что не мог запросто убить мать Александра. Даже Александр казнил своих врагов только с одобрения войскового собрания. Но кровавая вендетта была запущена: род Антипатра и род Александра боролись, не зная жалости, на полное уничтожение; и уж недавнее убийство Олимпиадой брата Никанора и разорение могилы Иоллая Кассандр простить не мог. Как не мог оставить в живых этот огнедышащий вулкан, постоянно грозящий накрыть и его, и всю Македонию раскаленной лавой, — имя ему Олимпиада.

О плане по уничтожению матери Александра и его реализации рассказывает Юстин:

> Кассандр созвал народное собрание, чтобы выведать, какое решение оно склонно принять относительно Олимпиады, а сам подучил родственников тех, кто был ею казнен, надеть траурные одежды и принести жалобу на ее жестокость. Македоняне, возмущенные, забыв об уважении к ее былому величию, осудили ее на смерть.

> Угасла в них память о том, что благодаря сыну и мужу ее они не только жили в полной безопасности от соседей, но добыли себе величайшие богатства и власть над всем миром.

Однако с приведением приговора в исполнение возникли большие проблемы.

> Когда Олимпиада увидала, что на нее упорным шагом надвигаются вооруженные воины, она сама пошла им навстречу в царской одежде, опираясь на двух служанок. При взгляде на нее убийцы остановились, пораженные воспоминаниями о ее былом царском величии и об именах стольких царей своих, пришедших им на ум при виде ее.

Тогда Кассандр заменил воинов македонянами, родственники которых были убиты по приказу Олимпиады. Эти действовали более решительно.

> Она же не уклонилась от меча и ран, не вскрикнула, как это обычно делают женщины, но умерла, как умирают храбрые мужи, достойно блюдя славу своего древнего рода, так что казалось, самого Александра можно было видеть в лице его умирающей матери. Кроме того, уже испуская дух, она, говорят, привела в порядок волосы и прикрыла ноги одеждой, чтобы даже ее мертвое тело имело вполне подобающий вид.

В осажденной Пидне вместе с Олимпиадой оказалась дочь Филиппа Фессалоника. Дочь не от Олимпиады, а, согласно Павсанию, от Никасиполиды; неизвестно, приходилась она женой или любовницей Филиппу, — у последнего в достатке было и тех и других.

Фессалонике повезло больше — Кассандр, стремившийся породниться с правящим македонским домом, взял ее в жены. И все же дальнейшая судьба ее очень печальна; наиболее подробно о конце еще одной представительницы македонской династии рассказывает Юстин:

> После смерти Кассандра и сына его Филиппа, умерших один вскоре после другого, супруга Кассандра, царица Фессалоника, спустя немного времени была убита сыном своим Антипатром, хотя и вымаливала у него жизнь, заклиная его грудью матери, его

вскормившей. Поводом к матереубийству послужило то, что после смерти мужа, при разделе царства между братьями, Фессалоника, как казалось, была более благосклонна к Александру. Преступление Антипатра показалось всем тем более тяжким, что не было никаких признаков вероломства со стороны матери.

Роксана — жена Александра — также не осталась в стороне от борьбы за призрачный трон мировой империи. Эта восточная красавица недолго убивалась по безвременно почившему мужу, не тратила время на плач о своей горестной судьбе, а немедленно избавилась от соперницы — последней жены Александра. По свидетельству Плутарха, «до крайности ревнивая и страстно ненавидевшая Статиру, она при помощи подложного письма заманила ее и ее сестру к себе, обеих убила, бросила трупы в колодец и засыпала землей, причем Пердикка знал об этом и даже помогал ей».

Самый могущественный из диадохов также предпочитал избавляться от лишних претендентов на македонский трон, тем более у него имелся дежурный вариант. Плутарх пишет, что «Пердикка приобрел огромную власть — тем, что повсюду таскал за собой Арридея — эту куклу на царском троне».

К своему несчастью Пердикка продолжил соперничество с Птолемеем. Как мы помним, попытка отнять тело Александра закончилась неудачно, теперь он начал войну с Птолемеем и намеревался не только завладеть телом Александра, но и самим Египтом. Дела пошли совсем не так, как планировал Пердикка: потерпев военную неудачу, он был зарезан собственными телохранителями.

Положение Роксаны после смерти могущественного покровителя стало совсем бедственным. Македоняне не слишком уважительно относились к азиатке и ее ребенку-полукровке. Диадохам совершенно ни к чему был наследник Александра — они освоились во владениях, доставшихся от раздела империи, и не желали над собой никакого царя. А вот Олимпиаде внук был весьма кстати.

Роксана с ребенком после долгих скитаний в обозе Пердикки перебралась в Эпир, затем вместе с Олимпиадой оказалась в Македонии.

Невольно Олимпиада погубила невестку и собственного внука. Ведь Роксана вместе с ней находилась в осажденной Пидне, после падения которой попала в плен к Кассандру. Последний не мог уничтожить вместе с матерью и шестилетнего сына Александра, но и отпускать потенциального соперника не

желал. Роксана вместе с сыном в течение пяти лет жили в крепости Амфиполя.

Надежная охрана не позволяла узникам даже общаться с внешним миром. Роксана забыла и о претензиях на трон, и о достойной жизни вообще, но о наследнике Александра помнили диадохи и периодически использовали как знамя. По сообщению Юстина, один из них, Антигон, начиная «справедливую войну против бывших своих союзников, повсюду распространяет слух, что хочет отомстить за смерть Олимпиады, убитой Кассандром, и освободить из амфиполитанского плена сына царя своего, Александра, и его мать».

В ответ Кассандр ликвидирует самый главный повод для войны: по его приказу Роксану и ее сына убивают. А что же Антигон? Он после смерти законного наследника Александра объявляет себя царем; царские титулы присваивают также Кассандр и Лисимах, более скромного Птолемея царем Египта провозгласило войско. Так смерть несчастного мальчика добавила миру сразу столько царей.

Барсина — дочь сатрапа Артабаза — была первой женой Александра; от этого брака имелся сын с громким именем Геркулес (Геракл). Впрочем, ни громкое имя, ни положение первой жены не стали поводом для каких-то притязаний. Когда умер Александр, женщина с сыном спокойно жили в Пергаме и надеялись так же тихо продолжать существовать, ни на что не претендуя. Обычное человеческое желание было непонятно окружающим, когда вокруг велась беспощадная борьба за власть; у некоторых исследователей даже возникли сомнения: существовал ли вообще Геркулес?

И тем не менее причастность к Александру решила судьбу и этих безобидных людей самым жестоким образом. Все тот же могильщик семьи Александра — Кассандр, опасаясь, «чтобы на царский престол Македонии не возвели (из уважения к имени отца) сына Александра — Геркулеса (Геракла), которому было уже больше 14 лет, отдает приказание тайно убить его вместе с матерью Барсиной, а тела их забросать землей, чтобы совершение погребального обряда не вызвало подозрения в том, что они убиты». Барсина с сыном были убиты незадолго до гибели Роксаны с последним отпрыском Александра.

Еще одна яркая звезда на окрашенном кровью небосклоне — Клеопатра — дочь Олимпиады и родная сестра Александра. Эта женщина боролась за место под солнцем с помощью брачных союзов.

Первый брак Клеопатры с царем Эпира Александром был омрачен ужаснейшим событием (об этом рассказывается в начале

нашего повествования). Прямо во время свадебного пира был убит ее отец — царь Македонии Филипп. Видимо, это событие и повлияло на то, что многочисленные попытки Клеопатры связать себя брачными узами терпели неудачу.

Муж Клеопатры оказался не столько царем Эпира, сколько отчаянным авантюристом. В качестве предводителя отряда наемников он отправился в южную Италию. На стороне Тарента он воевал с италийскими народами; в конце концов рассорился с тарентийцами и был убит на чужой земле.

Клеопатра вдовствовала более семи лет и растила в качестве регентши сына Неоптолема. Спокойно править Эпиром за малолетнего сына помешала Олимпиада: Антипатр выжил ее из Македонии, и властолюбивая женщина отняла Эпир у своей дочери. Впрочем, дочь не была в обиде на мать, ибо сама мечтала о большем. К моменту смерти Александра Великого Клеопатра почувствовала вкус власти и захотела сменить маленький Эпир на что-то более существенное. Естественно, она не могла обойтись без могущественного помощника.

Из множества диадохов Клеопатра выбрала телохранителя Александра Леонната, которому от раздела империи досталась Малая Фригия. Не считаясь с условностями, Клеопатра сама предложила себя в жены Леоннату и попросила от него всего лишь единственную вещь — захватить Македонию. Жених дал согласие на брак. Еще бы! Породниться с сестрой Александра значило многое, а по складу характера Леоннат напоминал первого мужа Клеопатры, так что новое приключение его окрылило. Бывший телохранитель собрал войско и направился к невесте; ему удалось добраться до Македонии, но в сражении с греческой конницей этот искатель приключений погиб.

Вдове, так и не ставшей женой Леонната, пришлось подыскивать нового кандидата в мужья. Искала Клеопатра недолго; с аналогичным предложением она обратилась к самому влиятельному из диадохов — Пердикке. Он также не стал отвергать руку и сердце, довольно известные в мире, способные «добавить к его могуществу царское достоинство». Но Пердикка не спешил; оказалось, что он к этому времени успел попросить руки дочери правителя Македонии — Антипатра. Союз был деловой: Никея, дочь Антипатра, понадобилась диадоху, чтобы «легче получать из Македонии пополнения из новобранцев, — рассказывает о причине Юстин. — Антипатр предугадал эту хитрость, и Пердикка, добиваясь одновременно двух жен, не получил ни одной».

В общем-то, основным препятствием для брака явилась смерть очередного жениха в стране пирамид.

Клеопатра продолжала пользоваться спросом среди наделенных властью мужчин. Следующим ее руки добивался властитель Каппадокии и Пафлагонии — Эвмен. «Он отправляется в Сарды к Клеопатре, сестре Александра Великого, чтобы ее слова вдохнули мужество в центурионов и высших военачальников, которые, наверное, будут убеждены, что царская власть достанется той стороне, к которой примкнет сестра Александра. Столь велико было преклонение перед величием Александра, что все пытались завоевать благосклонность, используя его священное имя, даже обращаясь к помощи женщин» (Юстин).

Клеопатра отвергла предложение Эвмена: возможно, ей показалось недостаточно благородным его происхождение — Эвмен родился в семье бедного херсонесского возчика, но скорее всего ее остановила непрочность нынешнего положения жениха. Клеопатра попросила Эвмена удалиться, чтобы македоняне не подумали, что она является причиной раздора.

Эвмен попадет в плен к своему бывшему товарищу Антигону. Антигон приказал не давать ему пищи, и Эвмен в течение двух или трех дней умирал голодной смертью. Когда же войско внезапно выступило в поход, умирающего Эвмена добили.

Гибли все, к кому лишь мысленно прикоснулась та, чей свадебный пир одновременно стал погребальным для отца. Свататься к ней продолжали еще 15 лет. Ее руки просил Кассандр, но она не могла принять предложение от палача Олимпиады и детей Александра. Не пришелся ей по вкусу и хозяин Фракии — Лисимах. Ее пытался соблазнить престарелый Антигон, но и его с презрением отвергла Клеопатра, — за что и поплатилась.

Наконец Клеопатра приняла предложение царя Египта Птолемея. Кандидат не очень подходил для семейной жизни; существовала легенда, что Птолемей был внебрачным сыном любвеобильного Филиппа. «Если этот Птолемей действительно, как рассказывают, был сыном Филиппа, — рассуждает Павсаний, — то надо признать, что от отца он унаследовал эту невоздержанную страсть к женщинам; имея женою Эвридику, дочь Антипатра, и имея от нее детей, он влюбился в Беренику, которую Антипатр послал вместе с Эвридикой в Египет».

Сорокасемилетнюю Клеопатру нисколько не волновала участь третьей жены Птолемея, который, возможно, приходился ей братом; даже вопросы власти ее перестали интересовать; единственное, что желала дочь Филиппа, — вырваться из-под навязчивой опеки Антигона. Она уже собиралась покинуть ненавистные Сарды, но еще раньше Антигон приказал

военачальнику в Сардах любым способом помешать ей это сделать.

Скоро Клеопатру нашли мертвой. Антигон обвинил в убийстве царственной женщины ее же рабынь и немедленно их казнил, а тело Клеопатры похоронил со всеми подобающими ее сану почестями.

Удивительна история еще двух женщин, активно вмешивавшихся в безжалостную борьбу диадохов.

Большой проказник Филипп во время одного из иллирийских походов решил развлечься с местной флейтисткой. От этой мимолетной связи родилась Кенана.

Надо отдать должное Филиппу, он позаботился о случайном ребенке, дочь воспитывалась во дворце вместе с остальными детьми Олимпиады. Кенана была довольно диким, своенравным ребенком; имея царственных родственников, она не могла ни на что претендовать в силу незаконнорожденности. В пору совершеннолетия девушку выдали замуж за Аминту — того самого, что должен был занять престол Македонии, но его опередил Филипп.

В браке у Кенаны и Аминты родилась дочь — Эвридика. Кенана страстно желала мальчика и постаралась исправить ошибку природы доступными средствами. И ей это удалось. Вместо игры в куклы, девочка училась владеть оружием и участвовать в военных походах. Мать развила в Эвридике болезненное властолюбие, впрочем, характерное для большинства представителей македонского царского дома. Девочке долго и упорно внушалось, что она представительница царского рода и имеет все права на македонский трон.

Когда умер Александр, Эвридике было всего 15 лет, но мать сказала: «Пора!» Дорогу к царскому трону женщины решили одолеть характерным для слабого пола способом. Как мы упоминали, македонское войско объявило наследником Александра недалекого умом Арридея. За него и решила выдать свою дочь Кенана. Женщин не смутило то, что жених находился на другом конце света и добираться к нему придется через объятую пламенем междоусобиц территорию.

Такой поворот событий противоречил интересам всех диадохов. Женщины собрали небольшое войско и направились навстречу своей судьбе, но еще в Македонии их пытался задержать Антипатр. Мать и дочь с копьями в руках бросились на вражеское войско и разорвали его строй. Правитель Македонии оказался бессилен пред лицом этих мужественных амазонок.

Они благополучно одолели Гелесспонт и вступили на азиатскую землю. Здесь уже забеспокоился Пердикка: он послал

своего брата Алкету с приказанием доставить Кенану к нему живую или мертвую. Сопровождавший женщин отряд, изрядно потрепанный в пути, не мог противостоять целому войску Алкеты. И тут случилось непредвиденное: македонские воины отказались сражаться против дочери Филиппа, они потребовали заключения брака между царем и Эвридикой.

Алкета все же выполнил приказ брата: он завлек Кенану в ловушку и умертвил ее, поскольку живой дочь Филиппа в руки не давалась. Однако когда воины Пердикки узнали об этом злодеянии, то отказались ему подчиняться. Скрепя зубы, Пердикке пришлось дать согласие на брак Арридея и Эвридики, чтобы успокоить воинов. Диадох еще надеялся, что сможет управлять безвольным царем и молодой царицей, которую позже можно будет убрать.

Арридея действительно мало интересовали государственные дела. Когда в момент его избрания начались распри между Мелеагром и Пердиккой, испуганный царь произнес:

— Что касается меня, я больше всего хочу сложить с себя эту власть, чтобы не вызвать пролития крови граждан, и если нет никакой надежды иначе добиться согласия, убедительно прошу вас, изберите другого, более достойного царя!

Согласно Юстину, «со слезами на глазах он снял с себя диадему и предлагал взять ее тому, кто признает себя более достойным».

Молоденькая жена Арридея была совсем другой; диадему, доставшуюся ценой смерти матери и невероятных трудностей, можно было отнять только у мертвой Эвридики. Пердикка не успел с ней расправиться, так как расправились с ним самим. Пользуясь тем, что опасного опекуна не стало, она потребовала право на совместное с мужем управление государством. Учитывая инфантильность Арридея, эта девочка — почти ребенок — вершила судьбами народов и царей. Как только ей кто-то возражал, Эвридика обращалась за поддержкой к армии, и неизменно ее получала.

Бороться с Эвридикой могла только Олимпиада, но даже опытной матери Александра приходилось непросто. Падчерица одним только словом усилила ее главного врага Кассандра, об этом случае рассказывает Юстин:

> Между тем Эвридика, жена царя Арридея, узнала, что Полиперхонт возвращается из Греции в Македонию и что он вызвал к себе Олимпиаду. Поэтому Эвридика, из честолюбия и ревности, свойственных женщинам, пользуясь плохим состоянием здоровья своего мужа,

власть которого она присвоила себе, пишет от имени царя Полиперхонту, чтобы тот передал войско Кассандру, которому царь поручил управление государством. О том же она сообщает письмом Антигону в Азию. Кассандр, чувствуя себя за это обязанным ей, все стал делать по указке этой дерзкой женщины.

Как только Эвридика узнала, что Олимпиада вместе с Роксаной и маленьким Александром направилась в Македонию с намерением овладеть троном, она также двинулась к границам Македонии. Парадоксальная ситуация: при таком огромном количестве диадохов (преемников) войну за трон вели женщины: старуха и девочка.

И вот оба войска оказались друг против друга. По словам Дурида, Олимпиада и Эвридика сами вели свои войска в сражение; первая — подобно вакханке, при звуках тимпанов, а вторая — облекшись в македонское вооружение, подобно амазонке. Увы! То, что однажды спасло жизнь Эвридике, теперь стало причиной ее гибели: македоняне в ее войске заявили, что не будут сражаться против матери Александра, и перешли на сторону Олимпиады.

Арридей и Эвридика попали в плен, причем в момент неудачный — в это время Олимпиада свирепствовала в Македонии, беспощадно вырезая древнейшие роды. Она приказала фракийцам пронзить стрелами несчастного Арридея. Формально он царствовал шесть лет.

Эвридика хранила мужество до конца: пленница упрямо твердила, что лишь она одна имеет право на македонский трон, и требовала его. Тогда Олимпиада послала ей меч, веревку и яд, предложив выбор между ними. Проклиная свою соперницу, Эвридика, осмотрела рану убитого мужа, накрыла его тело плащом, затем прикрепила свой пояс к карнизу и повесилась.

Вернувшийся в Македонию Кассандр расправился с Олимпиадой, а останки Кенаны, Арридея и Эвридики похоронил в царской усыпальнице в древней столице Македонии — Эгах. В их честь он устроил роскошные погребальные игры.

Не осталось никого, в ком текла хотя бы капля крови Александра, — виновные и невинные заплатили жизнями за сумасбродство завоевателя из Македонии. Небо внимательно следит за тем, чтобы ничего не осталось на земле от авантюристов, возжелавших покорить мир… Ничего, кроме имени и описания их деяний в назидание потомкам. Мир нельзя завоевать оружием, какие бы благородные цели ни ставились; не существует убийства во благо, и землю невозможно объединить

насилием.